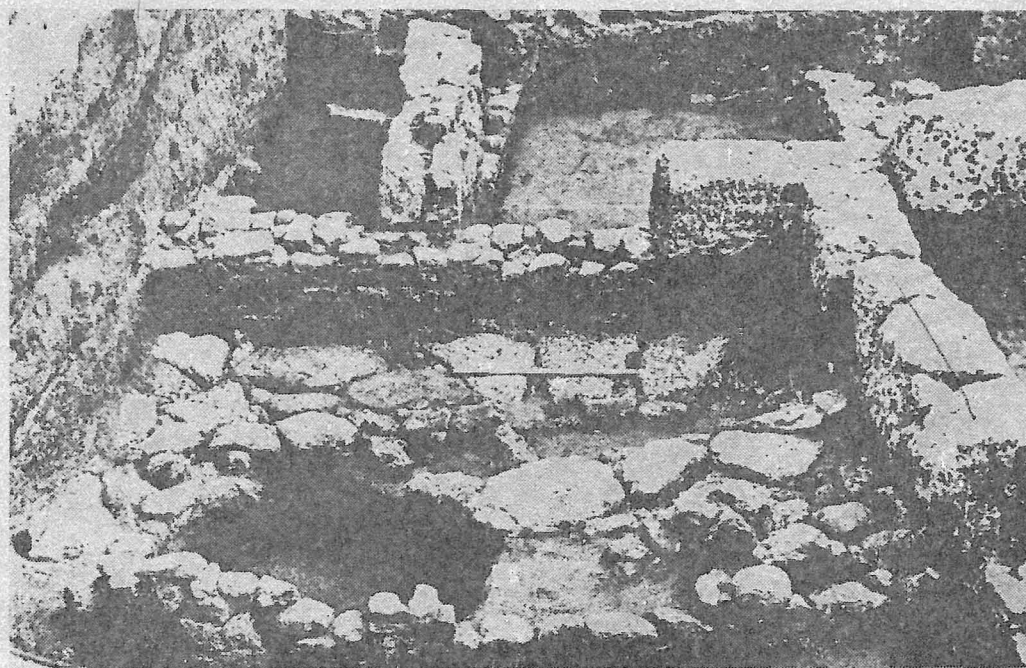
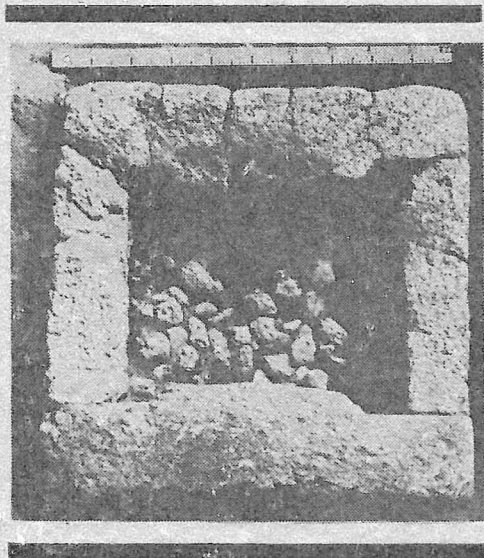

В.А.КУТАЙСОВ

АНТИЧНЫЙ ГОРОД КЕРКИНИТИДА

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. А. КУТАЙСОВ

АНТИЧНЫЙ ГОРОД КЕРКИНИТИДА

VI—II вв. до н. э.

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1990

ББК 63.4(2)
К 95

Ответственный редактор *С. Д. Крыжичкий*

Утверждено к печати ученым советом Института археологии
АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике

Редактор *А. А. Золотарева*

Кутайсов В. А.

К 95 Античный город Керкинитида / АН УССР. Ин-т археологии; Отв.
ред. С. Д. Крыжичкий. — Киев : Наук. думка, 1990. — 176 с. —
Библиогр.: с. 162—173.

ISBN 5-12-001531-X (в пер.) 3 р. 60 к., 1410 экз.

Монография является первым обобщающим исследованием, посвященным Керкинитиде — древнегреческой колонии на западном побережье Крымского полуострова. На основании новых данных раскрывается процесс формирования и эволюции градостроительной структуры апойкии. Рассматриваются основные этапы становления, развития и трансформации одного из периферийных северопрichernоморских полисов в тех конкретно-исторических условиях, которые складывались в Таврике на протяжении классического и эллинистического времени. Содержит разнообразную информацию по истории, экономике, нумизматике и культуре древнего города.

Для археологов, историков, этнографов, преподавателей и студентов вузов.

0504000000-086
К $\frac{M221(04)-90}{169}$

ББК 63.4(2)

ISBN 5-12-001531-X

© В. А. Кутайсов, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине VI в. до н. э., с появлением Керкинитиды на северо-западном побережье Крыма, этот район вошел в сферу греческой колонизации Понтийского региона. В середине IV в. до н. э. именно в нем — единственном из всего Северного Причерноморья — произошло активное столкновение двух разных колонизационных потоков — более раннего ионийского и следующего за ним — дорийского, которое проявилось во взаимоотношениях Керкинитиды и Херсонеса. Ко времени основания дорийского Херсонеса Керкинитиды уже являлась окончательно сложившимся и динамично развивающимся самостоятельным полисом. Дальнейшее освоение западного побережья полуострова Херсонесом при активной поддержке Гераклеи Понтийской неизбежно должно было привести к полному подчинению Керкинитиды, потере ею независимости, поглощению и других ионийских поселений Северо-Западного Крыма — Панское I и Чайка [Щеглов, 1985 а, с. 5; 1985 в, с. 85; Яценко, 1983, с. 187].

Для полноценного исследования истории и культуры одного из трех наиболее крупных государственных образований Северного Причерноморья — Херсонесского государства — крайне важно проследить процессы, происходившие на его территории, за пределами собственного города. Это тем более интересно, что речь в данном случае идет не просто о каком-либо периферийном сельском поселении, а о городе, который до включения в состав Херсонесского государства сам являлся независимым полисом. Рассмотрение истории Керкинитиды позволяет по-новому

подойти к решению ряда актуальных проблем древнейшего прошлого этого района, совсем иначе взглянуть на многие аспекты жизни самого Херсонеса, отойти от вынужденной схематичности его палеоэкономических реконструкций.

По мере освоения северо-западного побережья полуострова сначала Керкинитидой, а затем Херсонесом, все больший интерес к нему начинают проявлять скифы. Конфронтация последних с Херсонесским государством с первой трети III в. до н. э. стала определять дальнейшее развитие указанного региона и привела в конечном счете к скифо-херсонесским войнам, успешно завершенным в конце II в. до н. э. понтийскими войсками во главе с Диофантом. Все сказанное имеет большое значение для характеристики общепристорического развития античных полисов Западного Крыма и окружающих эти полисы племен, для раскрытия исторического процесса их взаимодействия и культурных влияний. Переплетение названных выше разноплановых проблем предопределило особый интерес к истории этого района Северного Причерноморья.

С начала 60-х годов нашего столетия и до настоящего момента в Северо-Западном Крыму различными научными учреждениями регулярно проводятся крупномасштабные археологические исследования. Однако они, к сожалению, до недавнего времени затрагивали исключительно аграрные по своей производственной направленности поселения (как укрепленные, так и незащищенные), возникшие к тому же позднее основания Керкинитиды. Систематическое изучение городов побережья — Керкинитиды и Калос-Лимена — после

небольших раскопок в 1948, 1950—1952 гг. практически больше не проводилось. Не изменили такого положения и эпизодические раскопки Калос-Лимена в 1959 г. отрядом советско-польской экспедиции [Bernhard, 1961, с. 3—10].

Таким образом, сейчас вполне определенно возникла диспропорция в степени изученности, с одной стороны, сельских поселений, с другой — городов Северо-Западного Крыма. Это и предопределило необходимость резкого усиления работ по изучению городских центров описываемого района Северного Причерноморья. До недавнего времени Керкинитида оставалась наименее исследованным древнегреческим городом Северного Причерноморья, несмотря на свою широкую известность по письменным и пумизматическим источникам. Керкинитида упоминается практически во всех работах по Северо-Западному Крыму. Однако до сих пор еще нет монографического исследования этого города. В лучшем случае рассматривались лишь отдельные вопросы истории полиса (происхождение колонии и ее названия, время и характер присоединения к Херсонесу, отношения со скифами или культуры его населения) [Наливкина, 1959, с. 183—195; 1963 а, с. 288—292; 1963 а, с. 55—60; Щеглов, 1968, с. 332—342; 1978, с. 116—118; 1985 б, с. 185—198; Дашевская, 1970, с. 121—128].

Керкинитиде до сих пор было посвящено только три более или менее целостных, небольших по объему очерка. В первом из них [Наливкина, 1963 б, с. 55—61] приводится сравнительная характеристика двух населенных пунктов рассматриваемого района — Керкинитиды и Калос-Лимена. Автор считает их типичными греческими полисами, экономика которых базировалась преимущественно на земледелии, важное значение имела для них и торговля. Во втором очерке [Щеглов, 1984, с. 55—56] достаточно верно намечены основные этапы существования Керкинитиды: самостоятельный полисный период с конца VI в. до н. э. и примерно до середины IV в. до н. э., присоединение в середине — второй половине IV в. до н. э. к Херсонесскому

государству, захват города скифами в середине II в. до н. э. В конце II в. до н. э. Керкинитида была возвращена Херсонесу войсками Митридата Евпатора и просуществовала до II—III вв. н. э. И, наконец, следует назвать небольшой раздел, посвященный этому городу, в трехтомной Археологии УССР, автор которого полностью следует за А. Н. Щегловым. Единственным существенным дополнением является предположение о демократическом устройстве Керкинитиды, основанное на интерпретации имен магистратов на монетах города [Анохин, 1986, с. 353—354].

Однако основные вопросы о конкретном содержании наиболее важных этапов истории Керкинитиды, о характере ее полисной структуры, формировании, эволюции и трансформации последней не получили должного отражения в литературе. Практически нераскрытыми остались вопросы градостроительства, фортификации, планировки и архитектуры жилых и общественных комплексов, что обуславливалось недостаточной изученностью памятника. Таким образом, за пределами внимания исследователей оказался важнейший круг вопросов, имеющих (в силу объективных обстоятельств) важное значение для истории культуры и истории полиса.

В последние годы получен обширный новый материал, который вместе с ранее известным дает возможность рассмотреть на качественно новом уровне неразработанные до настоящего времени проблемы. Причем особый интерес не только для Керкинитиды и Херсонесского государства, но и античных полисов всего Северного Причерноморья представляют уникальные по своей сохранности архитектурно-археологические комплексы. Историческая значимость последних усиливается и тем, что они относятся именно ко времени, для которого во всем Северном Причерноморье подобных объектов по сравнению с последующими этапами сохранилось, пожалуй, наименьше.

Изучение Керкинитиды позволяет впервые для северо-причерноморского региона воссоздать яркую и объемную историческую картину небольшого пе-

риферийного античного города (естественно, в рамках возможностей археологического источника), динамику градостроительства, эволюцию фортификационной системы, домостроительства. Разработка строительной истории города, определение его демографического потенциала и введение в научный оборот нового хорошо документированного археологического материала стало возможным на базе стратиграфического анализа раскрытых раскопками строений Керкинитиды. Таким образом, античная Керкинитида, известная ранее только по нарративным источникам, эпиграфическим документам и монетам, как бы обретает плоть живого города, что позволяет обогатить наши представления об истории и культуре древнего Крыма. Ценность новых материалов, на наш взгляд, не исчерпывается узко локальным их значением. Они могут вызвать и определенный методический интерес для постановки и разработки аналогичных проблем в других городах Причерноморья.

Предлагаемая читателям монография обобщает результаты исследований античной Керкинитиды. Она — итог многолетних археологических раскопок памятника, проведенных в последние годы. При этом автор помимо чисто исследовательских задач преследовал цель оперативно опубликовать новые материалы и прежде всего ввести в

научный оборот почти не получившие освещение в специальной литературе историко-архитектурные комплексы. Последние позволяют реконструировать реальный облик города. Именно здесь в процессе непрерывной деятельности его жителей происходило накопление тех археологических материалов, которые извлекались в ходе раскопок. Этой книге будет сопутствовать, что отчасти уже осуществимо, ряд статей, сводов и других работ, в которых найдут место публикация и анализ всех основных групп археологических источников — монет, керамических клеев, амфорной тары, граффити, столовой парадной и повседневной посуды и т. д.

В полевое изучение Керкинитиды 80-х годов был вовлечен молодой и энергичный коллектив (В. В. Анохин, С. Б. Ланцов, Е. П. Подвысоцкая, С. В. Приднев, А. Е. Пузровский и др.), которому удалось в сжатые сроки выполнить большой объем экспедиционных работ. Организационная работа на начальном этапе раскопок проведена старшим научным сотрудником Института археологии АН УССР В. С. Драчуком. Возобновление систематических исследований Керкинитиды, а следовательно и написание этой книги, было бы невозможно без неутомимой деятельности О. И. Домбровского.

Глава I ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КЕРКИНИТИДЫ

К проблеме локализации Керкинитиды. Впервые Керкинитида упоминается Гекатеем Милетским (около 500 г. до н. э.) [Нес., fr. 153] в пересказе Стефана Византийского [Steph. Byz., s. v. *Κερκινίτις*]. Дважды сообщает о городе Геродот, используя его каждый раз в качестве географического ориентира: в первом случае он подчеркивает, что именно у Керкинитиды впадает в море р. Гипакирис [Herod., IV, 55], во втором — город у Геродота является южной границей древней Скифии, от которой начинается горная страна тавров [IV, 99]. Более поздние указания античных авторов еще менее информативны. Так, Плиний Старший помещает Каркину на побережье одноименного залива и вполне определенно отмечает, что от него начинается Таврика [Plin., NH, IV, 84—85]. На берегу Каркинитского залива размещает город и Помпоний Мела [Mela, II, 4]. Арриан, а вслед за ним и анонимный автор приводят точное расстояние от Херсонеса до Керкинитиды и от нее до Калос-Лимена [Arr., P. Pont., 30; Anonym., P. Pont., 83 (57)]. И, наконец, Клавдий Птоломей располагает Каркину за пределами Крымского полуострова, на р. Каркинит и указывает его местоположение в градусах [Ptol., Geogr., III, 5, 13].

Приведенные выше отрывочные упоминания Керкинитиды в нарративных источниках на протяжении XVIII — первой половины XIX в. оставались единственным подтверждением существования в Северном Причерноморье этого античного города. Однако последние оставляли широкий простор для различных, в том числе взаимоисключа-

ющих предположений и догадок о его локализации. Какие-либо конкретные археологические материалы практически полностью отсутствовали, а, следовательно, точное местоположение Керкинитиды оставалось неизвестным. Несколько позже — в середине XIX в. — стали впервые известны и монеты полиса, а в последней четверти того же столетия при раскопках Херсонеса были обнаружены уникальные памятники лапидарной эпиграфики: Херсонесская присяга и декрет в честь Диофанта [IOSPE, I², 352, 401], по-новому освещающие историю Керкинитиды.

Учитывая важность проблемы локализации древнего полиса, прежде всего кратко изложим историю развития взглядов по данной проблеме, так как необходимость проверки кабинетных гипотез привела в конечном счете к поискам города на местности, а их логическим завершением явилось открытие реального памятника, отождествляемого с Керкинитидой*. Поскольку в современной литературе утвердилось мнение о существовании в Причерноморье одного города с таким названием (с чем автор этой монографии полностью согласен), в предложенной работе будет использоваться более позднее название полиса, встречаемое, помимо письменных источников и монет, в эпиграфических памятниках.

В силу указанных причин полемика

* Посвященная локализации и археологическому изучению города литература лишь частично получила отражение в отечественной и зарубежной историографии [Семенов-Зусер, 1947, с. 34, 146—147; Нейхардт, 1982, с. 38—39; Доватур, Калустов, Шишова, и др. 1982, с. 287—290; de Ballu, 1960, с. 58—59; Princeton Encyclopedia, 1979, с. 449].

по поводу локализации античного полиса базировалась главным образом (а в начале исключительно) на литературной традиции. Уже в начале XVIII в. Ф. З. Байер предпринимает первую попытку спроецировать данные Геродота на местность [Байер, 1728, с. 152—154; Bayer, 1728, с. 412—413] и на приложенной к статье карте располагает Керкинитиду в устье современной р. Каланчак. К аналогичному выводу приходит значительно позже французский посол к крымскому хану Пейсональ и д'Анвилль [Reyssonnel, 1765, с. 6; d'Anville, 1770, с. 580]. Однако уже вскоре, в 1784 г., немецкий исследователь Тузмани размещает позднейшую Керкинитиду Арриана и анонимного автора у современной Евпатории [Тузмани, 1936, с. 41]. Таким образом, с самого начала мнения ученых в вопросе интерпретации античных источников и, следовательно, локализации города разделились между его размещением на северном побережье Керкинитского залива и на Западном берегу Крымского полуострова. К сожалению, оба эти предположения основывались первоначально на анализе только определенного контекста из Геродота или Арриана и анонимного автора, а не совокупности данных всех нарративных источников, в которых упоминался город (впрочем, это и не входило в задачу каждого конкретного исследования, основанного на анализе текста одного из античных авторов). Кроме того, следует иметь в виду, что авторы XVIII — первой половины XIX в. не могли учитывать такие ценнейшие эпиграфические памятники, как декрет в честь Диофанта и Херсонесскую присягу, обнаруженные в последней четверти XIX в. при раскопках Херсонеса.

Приведенная выше локализация Тузмани осталась незамеченной, и продолжала господствовать первая точка зрения, обязанная своей популярностью Пейсонелю [Gythrie, 1802, с. 49; Богуш—Сестренцевич, 1806, карта; Rennell, 1830, с. 84; Eichwald, 1838, с. 305; Dubois de Montpereux, 1843, tabl. XI; Malden, 1845, с. 254; Brandstätter, с. 41—42, tabl.; Думшин, 1852, с. 60—61]. Наряду с ней появились попытки

локализовать Керкинитиду и в других местах: возле г. Николаева [Linder, 1841, с. 48—49; Логвинов, 1910, с. 197], на Кинбурской косе [Надеждин, 1844, с. 53, прим. 61, с. 87] *.

Принципиально новым дополнением к этим двум основным позициям в последующее время явилось предположение о существовании в Причерноморье двух сомненных городов, различающихся в написании первой гласной буквы: одного на побережье Каркинитского или Тамиракского залива и другого — на Западном побережье Крыма [Friedlaender, 1845, р. 232—234]. К этому выводу ученый пришел на основании сопоставления названий города на трех публикуемых им монетах из Минцкабинета Берлинского музея (с аббревиатурами КЕРКИ, КЕР) и данных письменных источников. Вскоре Г. Спасский, оспаривая выводы Г. Фридлендера, пришел к заключению о том, что упоминаемые античными авторами сведения относятся к одному и тому же городу, расположенному в устье Гипакириса — Каланчака [Спасский, 1848, с. 26; 1850, с. 180; Spasski, 1850, р. 334]. С тех пор мнения всех последующих исследователей, писавших о Керкинитиде, разделились: одни (следуя за Г. Фридлендером) предполагали существование двух одноименных городов в Северном Причерноморье [Аркас, 1852, с. 148, прим. 12; Neumann, 1855, с. 375, 443; Бурачков, 1875, с. 119; 1881, с. 222; 1884, с. 97; 1888, с. 11; Head, 1887, с. 23; Толстой, Кондаков, 1899, с. 16; Брун, 1899, с. 220; Жебелев, 1953, с. 314, прим. 1; ATL, I, с. 497; Гайдукевич, 1949 а, с. 144; 1949б, карта; Danoff, 1962, карта, с. 869—870, 1109—1117] *. Первона-

* Кроме того, не упоминая Керкинитиду, в это же время отождествляли Гипакирис с Ингульцом [Тереженко, 1853, с. 5] и Северным Донцом [Hansen, 1844, с. 23—27].

* Х. Штейн, В. Г. Тизенгаузен, М. Кислинг, Томашек, касаясь Керкинитиды лишь в связи с повествованием Геродота, локализовали его в устье р. Каланчак [Stein, 1877, с. 56, прим. 3; Тизенгаузен, 1880, с. 185—186; Kiessling, 1914, с. 198—199; Tomashek, 1897, с. 787]. Свое согласие с локализацией Керкинитиды у Каланчака В. Г. Тизенгаузен выразил в письме П. Бурачкову от 16 июня 1874 г. [Архив ЦНБ, V, 3464].

чально того же мнения придерживалась и М. А. Наливкина [1940, с. 107]. Другие вслед за Г. Спасским признавали существование только одного города, располагая его либо на северном побережье Каркинитского залива [Кене, 1856, с. 109; Хвольсон, 1869, с. 121], либо в Западном Крыму [Брун, 1872, с. 24; 1880, с. 8; Юргевич, 1881, с. 29; Орешников, 1892, с. 4; 1915, с. 24; Латышев, 1892, с. 10; 1909, с. 155; Кулаковский, 1899, с. 30; Minns, 1913, с. 17; Белов, 1948, с. 56, прим. 2; How, Wells, 1912, с. 337; Артамонов, 1949, с. 143—144; Тюмепев, 1955, с. 38]. Попыткой связать эти две противоположные точки зрения явилось предположение В. Ф. Гайдукевича о том, что указанный населенный пункт в IV в. до н. э. был перенесен из местности за пределами Крыма на полуостров в связи с передвижением части скифского населения [1949 а, с. 144].

Местоположение Керкинитиды на Западном побережье Крыма (независимо от того, признавали исследователи существование одного или двух городов) определялось с незначительным различием. Так, Ф. К. Брун размещал этот город к западу от Евпатории в уроч. Юртлук у лимана Ойрчи, связывая его с реальными античными остатками возле источника пресной воды, где им самим были собраны археологические находки [1872, с. 23]. Вслед за Бранштетором он допускал, что Геродот принимал за нижнее течение Гипакириса Каркинитский залив [Брун, 1880, с. 3, 46; Вгиз, 1873, с. 65], с чем позднее согласились Л. С. Клейн, Б. И. Граков и В. П. Яйленко [1961, с. 46; 1971, с. 16; 1983, с. 53]. Не исключал этого и М. И. Артамонов [1949, с. 144]. Однако такое отождествление А. Н. Щеглов вполне справедливо счел «фантастическим» и ничем не обоснованным [1978, с. 22].

Значительная часть исследователей локализовали Керкинитиду возле г. Евпатории [Dessimoni, Belgrano, 1867, с. 125; Кондараки, 1875, с. 20; 1885, с. 16; Юргевич, 1881, с. 31; Лапко-Данилевский, 1887, карта; Бертье-Делагард, 1920, с. 21, прим. 2; Орешников, 1892, с. 23; 1915, с. 19; Якунчиков,

1909, с. 26; Готье, 1925, с. 148; Иессен, 1947, с. 60; Гриневич, 1949, с. 155; Зограф, 1951, с. 160; Дьяков, 1939, с. 74—75; Гайдукевич, 1969, с. 16]. Н. Ф. Романченко [1894, с. 15; 1896, с. 227; 1907, с. 172], а вслед за ним Е. Минз [1913, с. 17], В. В. Латышев [1904, с. 19], В. Д. Блаватский [1953, с. 25, прим. 2] — более конкретно — между Биюк-Мойнакским озером и Карантинным мысом в черте современного города или на берегу упомянутого озера, которое, по мнению Н. Ф. Романченко, было в древности заливом [1896, с. 227]. Другие ученые помещали тот же полис около Донузлавского озера, которое, по их мнению, могло приниматься в античную эпоху за реку [Dessimoni, 1868, с. 250; Neumann, 1855, с. 378, 443; Кречетов, 1889, с. 480; Кулаковский, 1899, с. 30; Соболевский, 1929, с. 1—3; Шульц, 1941, с. 271]. С этим затем согласился и Ф. К. Брун [1880, с. 7]. При чем П. О. Бурачков [1875, с. 122; 1881, с. 232] связывал Керкинитиду с античным поселением у так называемого Беляусского трактира. Однако, как показывают археологические раскопки трех последних десятилетий, городище Беляус ни по своему характеру, ни по размерам и датировке не может отождествляться с этим городом [Дашевская, Щеглов, 1965, с. 255]. Вместе с тем отсутствие античных поселений по берегам упомянутого озера (как это было, например, по берегам Днестровского и Днепровско-Бугского лиманов) свидетельствует о том, что уже в то время Донузлав был отделен от моря пересыпью [Дашевская, 1965, с. 151—152]. И, наконец, З. Аркас помещал Керкинитиду у мыса Карам-Бурун на Тарханкутском полуострове [1852, с. 148].

Недавно И. В. Кукулина пришла к заключению о том, что свидетельство Геродота относится к двум различным, но одноименным городам: один в Северном Причерноморье у Гипакириса, другой — южнее Дуная. О последнем, по ее мнению, упоминает и Гекатей [1981, с. 168, прим. 45; 1985, с. 99—101]. Однако, как отмечала в дискуссии на II Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья в Цхалтубо

О. Д. Дашевская, при местоположении Керкинитиды в Евпатории эти противоречия снимаются, так как в данном случае город в меридиальном отношении находится южнее Дуная [ДСПВГК, 1984, с. 281]. Завершая историографический очерк, отметим, что Г. А. Стратановский в комментариях к отечественному изданию Геродота [1972, с. 568] и Б. А. Рыбаков [1979, с. 50, 75, 92, 102] вновь вернулись к локализации Керкинитиды за пределы Крыма.

Итак, главным основанием для сторонников существования в Северном Причерноморье двух близких по названию городов послужило различное его написание на монетах у античных авторов и в эпиграфических документах. Из них становится якобы очевидным, что Керкинитиды Геродота и Каркинит Плиния находились в преддверии Таврики; напротив же, Керкинитиды Арриана и анонимного автора определено помещалась ими на Западном побережье полуострова. Сторонники противоположной точки зрения исходили из логически маловероятного факта существования в ближайшем соседстве двух практически одноименных городов. Обоснование своего мнения они выводили из анализа одних и тех же письменных источников, что и заставляет нас еще раз сгруппировать вместе все имеющиеся в настоящее время данные.

Одной из причин столь различной интерпретации одних и тех же письменных свидетельств могло послужить, во-первых, отсутствие достаточно убедительных археологических фактов, во-вторых, то обстоятельство, что сообщения античных авторов проецировались на современную топооснову в то время, когда в представлении греческих мореплавателей и, вероятно, в действительности очертания побережья в античную эпоху несколько отличались от нынешних. Сказанное в наибольшей степени относится к мелководному Каркинитскому заливу, который в период колонизации если и не был лиманом, отделяющимся от моря пересыпью, то, по крайней мере, перегораживался подводным баром, обозначенным в настоящее

время Джарылгачской и Бакальской косами [Невесский, 1967, с. 140—156]. Последний при более низком уровне моря (учитывая продолжающееся в настоящее время тектоническое погружение дна залива) мог располагаться на столь незначительной глубине, что вряд ли был преодолим «тяжелыми» греческими судами. Все это исключает возможность основания греческого полиса на побережье несудоходного залива.

Кроме того, местоположение Керкинитиды у Евпатории полностью соответствует тому месту в описании Геродота, согласно которому от названного пункта начинается горная страна тавров [Herod., IV, 99]. И действительно, панорама Горного Крыма с Чатыр-Дагом в центре открывается при плавании на корабле вдоль побережья сразу после Евпатории [Лочия, 1867, с. 81]. Вероятно, древний историк понимал под Таврикой не весь современный полуостров, а лишь его горную часть [Орешников, 1892, с. 3—4; Дьяков, 1939, с. 72—73; Тюменев, 1955, с. 41; Соломоник, 1976, с. 48]. Напротив, предположение о расположении Керкинитиды за пределами Крыма не соответствует упомянутому описанию Геродота. Такое заключение не является произвольным, во-первых, потому, что Перекопский перешеек в V в. до н. э. был, скорее всего, значительно шире современного, а его западная часть проходила, по крайней мере, по линии Чурюмского подводного вала; во-вторых, греческие корабли от Ольвии, а при необходимости и прямо от Истрии, следовали не вдоль извилистого побережья, а по прямому маршруту к мысу Херсонес [Иессен, 1947, с. 63; Гайдукевич, 1969, с. 13]. Кроме того, при комментировании Геродота следует учитывать следующее важное обстоятельство: в V в. до н. э. (вплоть до основания Херсонеса) Керкинитиды была единственной греческой апойкией на значительном пространстве побережья (от Ольвии до Феодосии). Поэтому Геродот был вынужден использовать ее в качестве основного географического ориентира, и тогда выражение древнего пи-

сателя *κατὰ Καρκινίτιν πόλιν* * не следует понимать буквально. Достаточно вспомнить читателю весьма оригинальное наблюдение Ф. Бруна [1880, с. 8] о городе Истре, находившемся, по свидетельству того же Геродота, около южного устья одноименной реки, несмотря на расположение его в действительности в 500 стадиях от места впадения Дуная в море. Сказанное в значительной степени может оправдывать локализацию Керкинитиды не у самой р. Гипакирис, как считали многие исследователи, а на некотором расстоянии от нее. Плиний вполне определенно располагает Керкинит в преддверии Крыма, у перешейка [Herod.; IV, 85]. Это описание римского автора может быть объяснено следующим образом. В своей компиляции он использовал разнообразные не только по характеру, но и по времени источники. С одной стороны, он был хорошо знаком с сообщением Геродота о расположении Керкинитиды за пределами Таврики, с другой — от Страбона он получил точное, более достоверное, чем по известию Геродота, представление о конфигурации полуострова. Однако Плиний не учел того обстоятельства, что под Таврикой Геродот мог представлять только Горный Крым, а не весь Крымский полуостров, и расположил город перед последним в полном соответствии с географическими представлениями о Северном Причерноморье I в. н. э.

И, наконец, весьма выразительна топография монетных находок Керкинитиды с ранним наименованием города: все известные паспортизированные нумизматические находки происходят из Евпатории и ее округа [Медведева, 1985, № 1—17]; это неоднократно подчеркивали А. В. Орешников [1892, с. 3; 1915, с. 24] и Н. Ф. Романченко [1896, с. 228; 1907, с. 186—187]. Наиболее

* Предлог *κατὰ* имеет одно из значений «напротив, против», что соответствует местоположению Керкинитиды на месте Евпатории при отождествлении Гипакириса как с р. Каланчак, так и с оз. Донузлавом. Последнее предположение представляется более убедительным, так в противном случае становится непонятным умалчивание о Донузлавском озере античными авторами [Сравни: Дашевская, 1970, с. 122].

ранняя из известных в настоящее время монетная серия города последней четверти V в. до н. э., состоящая из двух номиналов, обнаружена исключительно при раскопках памятника в Евпатории [Кутайсов, 1986, с. 94—97]. Их документированные находки в других местах пока не известны. Причем монеты Керкинитиды в Ольвии очень редки: там обнаружено за все время раскопок всего несколько экземпляров, к тому же два из них — более позднего времени [Латышев, 1887, с. 224; Карышковский, 1965, с. 156—157; Анохин, 1986, с. 76; Русяева, 1986, с. 57, прим. 145]. Как известно, в Херсонесе найдено большое количество керкинитидных монет, но опять же позднейших типов [Косцюшко-Валюжинич, 1891, с. 23; Гилевич, 1968, с. 30—31]. Заметим здесь, что при расположении города у Каланчака монеты Керкинитиды должны были бы встречаться в Ольвии чаще. В нашем же случае их несравненно больше в Херсонесе. Приведенные выше данные, а также сходство оборотных сторон чеканенных монет с КАРК и КЕРК окончательно убеждают в справедливости отнесения сведений письменных источников, упоминающих название города в двух формах, к одному и тому же пункту Северного Причерноморья.

Единственным известным в настоящее время памятником, существовавшим в VI—V вв. до н. э. на значительном пространстве от Ольвии до Херсонеса, является античное городище в Евпатории, о чем свидетельствуют отрицательные результаты систематических археологических поисков, проводившихся здесь на протяжении более столетия. Напомним также, что сторонники существования двух одноименных городов полагали, что Крымская Керкинитиды была основана Херсонесом во второй половине IV — начале III в. до н. э. Вероятно, поэтому А. И. Тюменев и О. Д. Дашевская считали, что открытие культурных отложений конца VI—V в. до н. э. при раскопках в Евпатории снимает проблему существования двух одноименных городов в Причерноморье и подтверждает локализацию Керкинитиды именно здесь [Тюменев, 1955,

с. 40; Дашевская, 1970, с. 121]. Ни один из других археологических памятников по своим размерам, по мощности культурных напластований не может претендовать на отождествление его с античным городом.

В заключение отметим, что в районе Евпатории генуэзские картографы располагали топонимы, созвучные названию древнего города [Dessimoni, Belgano, 1867, с. 125, карта VIII; Кордт, 1899, № 1; 1910, № 11; Брун, 1880, с. 8], что может свидетельствовать в пользу локализации тут Керкиптитиды.

Основные этапы археологического изучения Керкиптитиды. В археологическом исследовании Керкиптитиды можно выделить три этапа, принципиально отличающиеся по своим целям и задачам, а также по методике проведения работ. Поскольку точное местоположение города (привязка его к конкретному археологическому объекту) оставалось неизвестным, а единственными связанными с ним археологическими реалиями служили монеты из собраний различных отечественных и зарубежных музеев и частных коллекций, первый этап был главным образом связан с поисками Керкиптитиды на местности. Он охватывает значительный по времени промежуток с 70-х годов XIX в. и до начала 1918 г. Уже Ф. Брун пытался отождествить древний город с конкретными античными остатками и источником пресной воды [1872, с. 23]. Однако первые археологические разведки в Западном Крыму в поисках города предпринял в 1873 г. П. О. Бурачков (1815—1894) [1875, с. 122—123], отмечавший находки античной керамики на пространстве между Мойнакским озером и Евпаторийским Карантином. Отсутствие строительных остатков не позволило ему предположить существование именно тут древнего города. Острая дискуссия вокруг проблемы локализации Керкиптитиды вызвала необходимость повторного обследования местности. Новые работы были проведены тем же П. О. Бурачковым в 1880 г. и носили широкомасштабный характер. Во время этих поисков был снят план местности с нанесением на него всех

видимых на поверхности следов поселений и участков проведенных раскопок [1881, с. 245]. Исследователь пришел к заключению о расположении между Мойнакским озером и Карантином, по крайней мере, трех различных и разновременных селищ площадью «не менее одной квадратной версты каждое» [1881, с. 242]. Особенно хорошо сохранились постройки возле упомянутого озера, где на двух из трех поселений различались направления улиц. Наибольший интерес представляют раскопки укрепления, состоящего из участка стены, протяженностью около 150 м, фланкируемого двумя круглыми башнями [1881, с. 245]. В планировочном отношении оно напоминает аналогичное сооружение на поселении Панское I [Scegllov, 1987].

В. Х. Кондараки отметил находку в 1867 г. у Евпатории плитовой гробницы [1875, с. 21]. Несколько позже, в 1880 г., Д. Я. Самоквасовым на берегу Мойнакского озера был раскопан курган с погребениями эпохи бронзы [Самоквасов, 1908, с. 90—92; Анучин, 1884, с. 824—825], а также произведен сбор разновременного (в том числе и античного) подъемного материала вблизи города [1892, с. 85—86].

В 1893 г. в связи со случайными находками памятников античного искусства эта местность была вновь обследована петербургским инженером Н. Ф. Романченко [1894, с. 9—15]. Эти исследования вызвали настолько большой интерес, что Таврическая комиссия попросила Н. Ф. Романченко прислать подробное сообщение для его публикации в Известиях [ИТУАК, 1893, № 19, с. 118—119]. В 1895 г. им были проведены раскопки могильника у Евпаторийского карантина и остатков ранее обнаруженной античной постройки у Мойнакского озера [1896, с. 223—225; ОАК за 1895, с. 22—23], во время которых найден рельеф с изображением отдыхающего Геракла. Изучение тех же объектов было продолжено Н. Ф. Романченко в 1896—1897 гг. [1907, с. 172; ОАК за 1896 г., с. 70; ОАК за 1897 г., с. 39—40], в результате чего были раскрыты остатки античных сооружений (сельскохозяйственных уса-

Исследователи Керкинитиды: Н. Ф. Романченко (1871—1923), Л. А. Моисеев (1882—

деб) на побережье упомянутого выше озера, а также получены данные о некрополе города, в котором зафиксированы трупосожжения и трупоположения в плитовых гробницах. Раскопки привели автора к убеждению о том, что обнаруженный им некрополь и строительные остатки относятся к Керкинитиде [1907, с. 186—187]. Однако Н. Ф. Романченко не обратил внимание на сельский характер открытых им построек, разбросанных на значительном пространстве. Отсутствие же на поселении у Мойнакского озера характерной для городов и памятников городского типа сплошной застройки, значительное расстояние (около 3 км) между обнаруженными им строительными комплексами и погребениями некрополя полностью опровергают высказанное Н. Ф. Романченко предположение о местоположении тут Керкинитиды. Скопление отдельно стоящих сельскохозяйственных усадеб образовывало здесь своего рода селище.

В результате дальнейшей застройки дачного района Евпатории ранее рас-

крытые эллинистические постройки и некрополь стали активно разрушаться. В Археологическую комиссию начали поступать лишь отдельные разрозненные находки: в 1899 г. — коллекция бронзовых монет И. Ю. Захио [Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, № 55, л. 57], в 1902 г. — четыре клейма, две терракотовые статуэтки, приобретенные здесь Ю. А. Кулаковским [ОАК за 1902 г. СПб., 1904, с. 133]. Особый интерес представляет открытое в 1903 г. надгробие Амбатии, дочери Геродота, с надписью на дорийском диалекте — единственный до сих пор памятник лапидарной эпиграфики Керкинитиды [Латышев, 1904, с. 18—19; Kieseritzky, Watzinger, 1909, с. N 91; IOSPE, 1², 339; ИАК, 1903, приб. к № 6, с. 75; Zgusta, 1955, § 890]. Обильные керамические материалы с клеймами (из разграбленных погребальных сооружений) были собраны местным учителем гимназии В. Ф. Штифтаром [1911, с. 461—462; 1912, 1913, с. 202—206; 1914, с. 221—222; 1917, с. 182; 1927, с. 165—166]. Им же в 1916 г., с привлечением

1946), П. Н. Шульц (1899—1982), М. А. Наливкина (1904—1981).

гимназистов, раскопан один из курганов вблизи Евпатории [Моисеев, 1918, с. 246; Ростовцев, 1925, с. 396; Rostowzew, 1931, с. 351] *. Оценивая эти раскопки, М. И. Ростовцев отметил их дилетантский характер [1931, с. 130].

Новые археологические изыскания были вызваны планировавшимся строительством грязелечебницы у Мойнакского озера. Деятельное участие в остановке строительства и организации археологического исследования приняли М. И. Ростовцев и П. И. Уварова [Ростовцев, 1916, с. 1—6; Архив ЛОИА, ф. 1, 1916, № 128, л. 18—26]. Официальным руководителем раскопок был назначен известный археолог-антиковед Б. В. Фармаковский. Однако фактически раскопки проводил член Археологической комиссии, руководитель раскопок Херсонеса, Л. А. Моисеев (1882—1946), долгое время участвовавший в изучении Ольвии под руко-

водством Б. В. Фармаковского. Исследования проводились в течение двух археологических кампаний: с 25 декабря 1916 г. по 14 июня 1917 г. и с 28 ноября 1917 г. по 16 января 1918 г. Работы были начаты с археологических поисков на берегу Мойнакского озера с целью проверки наблюдений Н. Ф. Романченко. Здесь были открыты остатки большого «эллинистического загородного дома», прекратившего свое существование в конце II в. до н. э. [1918, с. 250; ИТУАК, 1919, № 56, с. 310]. Его отличительной чертой, по мнению Л. А. Моисеева, являлось отсутствие башни [Архив ХИАЗ, р. 1, № 1804, л. 4]. Он перекрывал остатки более ранних построек культового характера со стенами, сложенными в полигональной технике. Одна из них, по мнению автора раскопок, напоминает «целлу» архаического храма, другая — «сокровищницу или мегарон» [1918, с. 250]. Однако анализ строительных остатков участка убеждает, что они относились не к одной, а к двум примыкающим друг к другу сельскохозяйственным

* Краткая информация о раскопках В. Ф. Штифгара была опубликована в протоколах заседания Таврической ученой архивной комиссии [ИТУАК, 1916, с. 232—233, 240].

усадебам с периметральным расположением помещений и большим двором в центре, что же касается назначения более ранних построек, то их интерпретация без новых дополнительных материалов затруднительна. Тем не менее, как нам кажется, сооружение в северо-западном углу участка могло быть дилисьным храмом, расположенном на живописном берегу лимана [Сравни: Щеглов, 1978, с. 97—98; рис. 52, 6; Колесников, 1985, с. 6, 14—15]. Открытие сельскохозяйственной постройки убедило Л. А. Моисеева в том, что античный город следует искать в другом месте. Поэтому работы были перенесены на территорию старого Евпаторийского Карантина, возведенного еще во второй половине XVIII в. [Тимофеев, 1984, с. 181], расположенного около открытых Н. Ф. Романченко погребений некрополя. Здесь и были обнаружены остатки древнего города, отождествленного Л. А. Моисеевым с Керкипитидой.

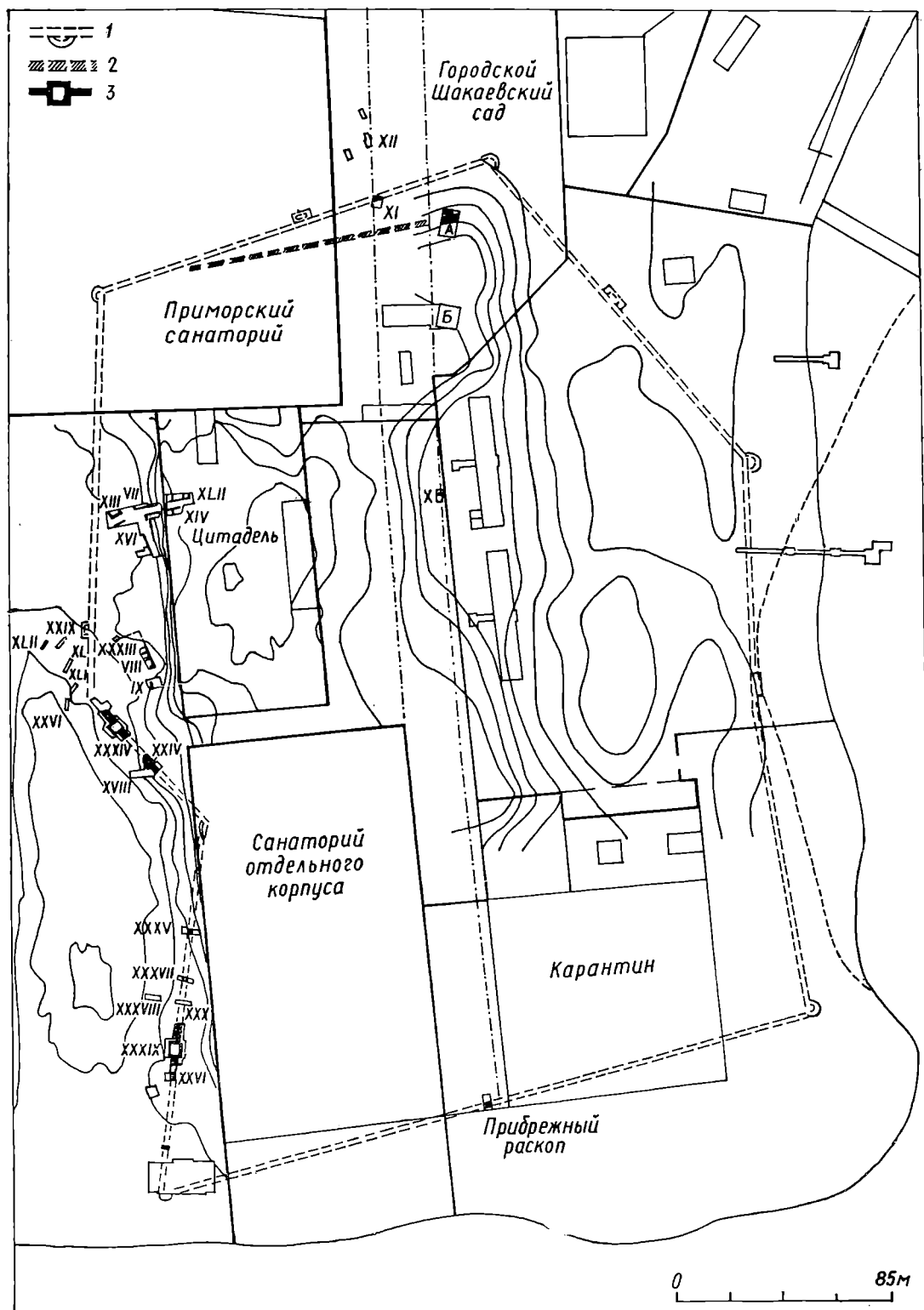
В процессе этих раскопок были изучены западная и южная (прибрежная) оборонительные линии города с двумя квадратными башнями и примыкающий к ним участок городской застройки с мощеными плитами улицами (рис. 1). В раскрытой жилой застройке Л. А. Моисеевым было выделено в одном случае три, а в другом — четыре строительных периода, которые первоначально он относил к V — рубежу II—I вв. до н. э. [ИТУАК, 1919, № 56, с. 310; Архив ЛОИА, ф. 1, 1916, № 128, л. 141], отмечая при этом полное отсутствие более поздних сооружений. Спустя некоторое время им была предложена более дробная периодизация участка раскопок. Наиболее ранние сооружения Л. А. Моисеев относил к концу VI—V вв. до н. э., следующие — к IV — концу II в. до н. э. и позднейшие к I—II вв. до н. э. [Моисеев, 1918, с. 252, 259]. В датировке последнего периода на этот раз он исходил из общесторических построек в ущерб полученным ранее археологическим данным.

Л. А. Моисеевым было высказано предварительное и самое общее суждение о планировочной системе и харак-

тере жилой застройки памятника. Особенно интересные результаты получены в западной части города (раскопы VII, XIII, XIV, XVI, XLII), где открыто пересечение двух городских улиц и фрагменты жилых построек. Л. А. Моисеев не ограничился изучением только городища, а произвел также раскопки некрополя Керкипитиды [1918, с. 253], где были выделены различные типы погребальных сооружений: обычные грунтовые могилы, склепы, погребения в амфорах, сооружения под курганной насыпью [Архив ЛОИА, ф. 1, № 128, л. 140]. Особенно важна для нас намеченная исследователем схема пространственного роста территории могильника (рис. 2) — от оборонительных стен в западном направлении [1918, с. 253]. Таким образом, Л. А. Моисеевым было проведено (и в короткие сроки) комплексное археологическое изучение памятника, охватившее городище, его некрополь и аграрную округу, что само по себе могло бы послужить целой программой для работы современной археологической экспедиции. Основное внимание раскопок города Л. А. Моисеев справедливо сосредоточил на изучении оборонительных сооружений с целью выяснения конфигурации и площади впервые открытого памятника. К сожалению, методика полевых работ на городище оказалась на недостаточно высоком уровне. Это прежде всего проявилось в том, что Л. А. Моисеев отказался от успешно примененного при исследовании сельскохозяйственных усадеб (хорошо известного ему по раскопкам в Ольвии) метода изучения античных памятников широкими площадями, а ограничился несколькими траншеями, проложенными в разных направлениях. Такой подход к делу не позволил ученому с должной полнотой раскрыть

Рис. 1. План Карантинного мыса в Евпатории с обозначением на нем участков раскопок Л. А. Моисеева в 1917 и в 1929 гг. Сечение горизонталей через 0,25 м. Римскими цифрами показаны номера раскопок 1917 г: А, Б — раскоп I и II 1929 г.

1 — эскиз реконструкции оборонительной системы Керкипитиды; 2 — уточненное в 1929 г. направление северной крепостной линии города; 3 — реальные остатки фортификационных сооружений [Архив ЛОИА, ф. 1, № 128, л. 166; черт. № 730, 5596, 5618].

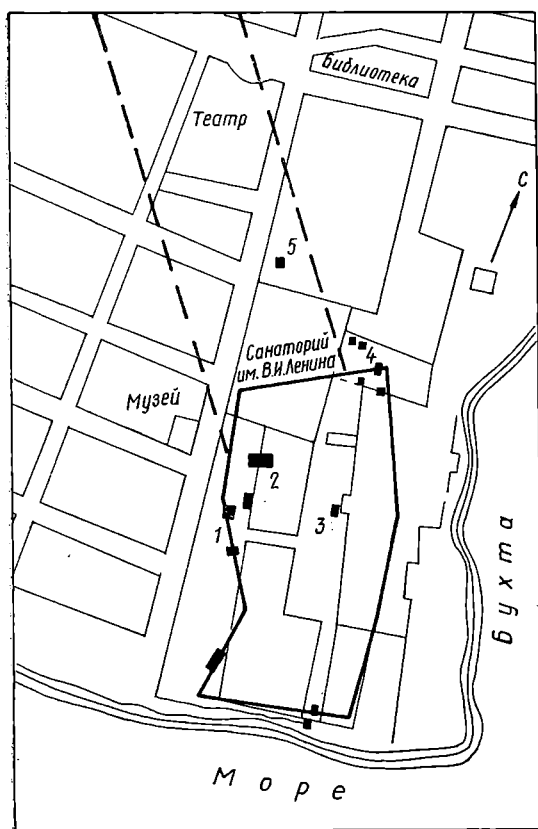

Рис. 2. План города Евпатория с реконструкцией на нем конфигурации древнего городища и границ некрополя. Цифрами на плане обозначены места раскопок Л. А. Моисеева:

1 — границы городища; 2 — границы некрополя; 3 — участки раскопок [Архив ЛОИА, 1929, ф. 2, оп. 1, д. 130, л. 97].

хотя бы один архитектурно-строительный комплекс Керкинитиды.

Несмотря на настоятельные требования Археологической комиссии, подробный отчет о проведенных раскопках так и не был составлен; этому помешали те сложные обстоятельства, в которых оказался исследователь в годы гражданской войны и интервенции. Основные результаты археологических работ Л. А. Моисеева получили отражение в его письмах в Комиссию [Архив ЛОИА, 1916, ф. 1, № 128, л. 138—143], в Таврическую архивную комиссию [ИТУАК, 1919, с. 310] и в опубликованной публичной лекции [Моисеев, 1918]. Кроме того, сохранились черте-

жи и фотонегативы [Архив ЛОИА, ф. № 730, № 1—23], подробные описи находок, а также дневники раскопок, существенно дополняющие наши представления о проделанной Л. А. Моисеевым работе [Архив ГХИАЗ, р. 1, № 1526]*. Подробность и качество полевых экспедиционных материалов позволяют получить полное представление о проведенных исследованиях, а при необходимости подготовить даже сейчас научный отчет об этих исследованиях. Отмеченные выше недостатки в работе Л. А. Моисеева, главным из которых является отсутствие экспедиционного отчета, не позволяют согласиться с М. А. Наливкиной, квалифицировавшей эти раскопки как «недостаточно научные и дилетантские» [1934, с. 163]. Тем более, что именно в их процессе был впервые открыт древний город.

Как видно из сказанного выше, первый период — это этап поисков и проверки различных по своей сути гипотез. Закономерным его завершением явилось открытие ранее не известного античного города и его некрополя, получение первичной информации о характере и строительной периодизации данного археологического памятника, о качестве фортификационных сооружений, о погребальном обряде и топографии могильника. Следует, однако, подчеркнуть, что результаты наиболее информативных и важных для понимания памятника раскопок 1917—1918 гг. так и не получили должного отражения в печати. Не восполняет этот пробел и единственная, неоднократно упоминающаяся выше, публикация Л. А. Моисеева, лишенная четкости изложения, без чертежей и фотографий. В результате итоги первых раскопок Керкинитиды остались, в основном, незамеченными и почти не привлекались в исследованиях по Северному Причерноморью.

* Дневники раскопок Л. А. Моисеева, в которых наиболее подробно отражен процесс полевых работ, поступили в архив ГХИАЗ только в 70-е годы. Естественно, наши предшественники не могли ими пользоваться в своих исследованиях.

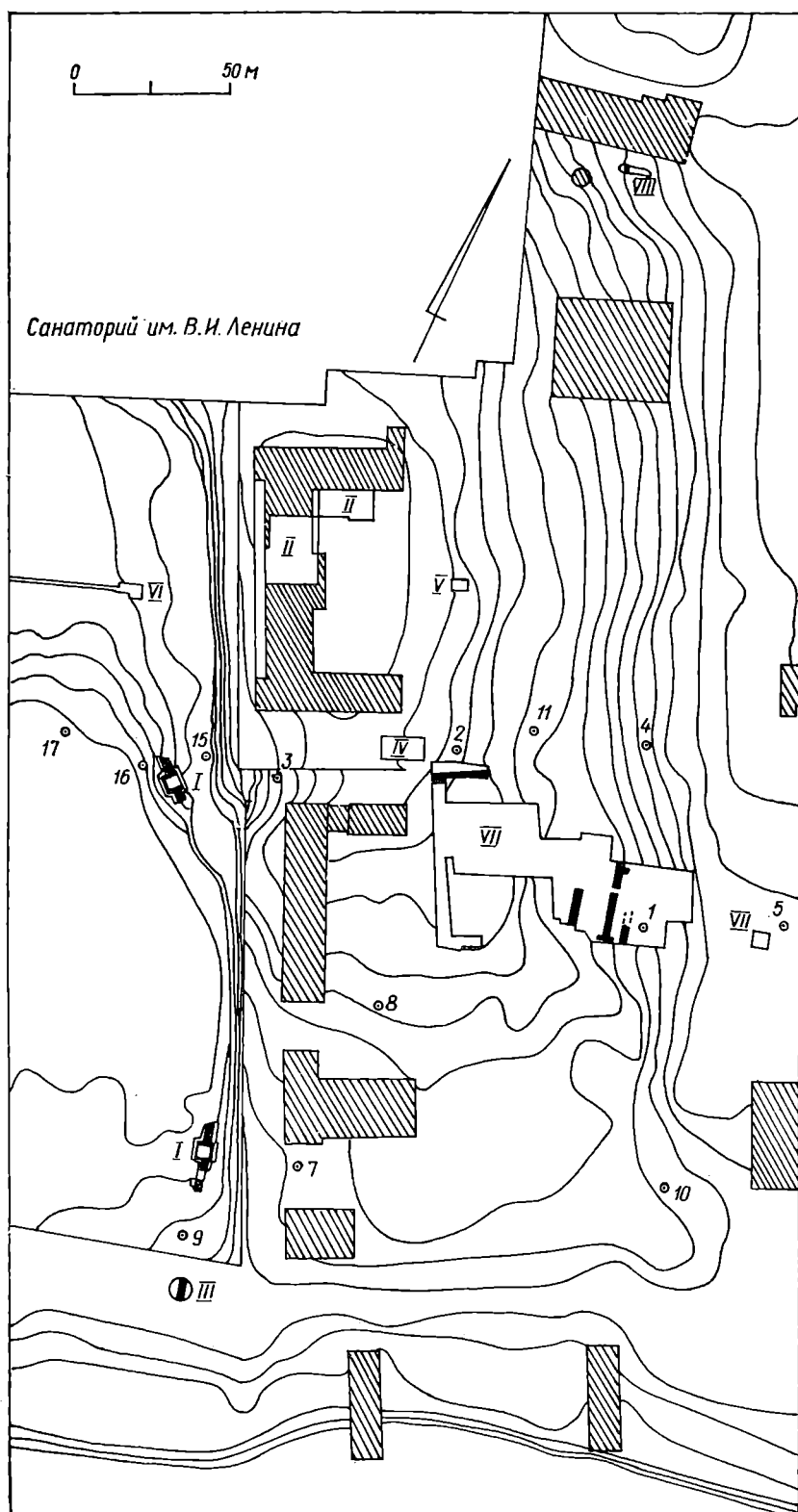
В 1921 г. вскоре после освобождения полуострова, Ревком Крыма объявил собственностью республики район раскопок Евпаторийского Карантина [Ревкомы, 1968, с. 159—160]. Позже аналогичное решение было принято ЦИК республики и Евпаторийским городским Советом [КОГА, р. 663, оп. 1, № 567, л. 175—177; р. 1036, оп. 1, № 52, л. 64]. Необходимость продолжения раскопок Керкинитиды отмечалась на Второй конференции археологов СССР в Херсонесе в 1927 г. [Штифтар, 1927, с. 34—36, 63].

Второй этап (1929—1978 гг.) по продолжительности примерно равен первому. Он начался в 1929 г. небольшими раскопками памятника, вновь проведенными Л. А. Моисеевым при участии М. А. Наливкиной [Эрнст, 1931; Моисеев, Отчет 1929 г.]. В этот раз были открыты остатки северной крепостной стены, что позволило уточнить не только ее местоположение, но и по иному реконструировать направление всей восточной оборонительной линии города [Архив ЛОИА, 1929, ф. 2, оп. 1, л. 97]. Южнее крепостной кладки при рытье ямы был обнаружен двор жилого здания с плитовой вымосткой и колодцем [Отчет, 1929, с. 6].

Ряд ценных замечаний, основанных на материалах раскопок 1929 г., был высказан М. А. Наливкиной. Она пришла к выводу о том, что город был основан на совершенно пологом месте у залива. Само же всхолмление территории памятника — результат накопления культурных отложений [1934, с. 163]. Данное заключение было сделано на основе того, что напластования памятника подстилались чистым песком. Последний перекрывался глинистым слоем IV—III вв. до н. э., а еще выше залегал щебенистый слой III—II вв. до н. э. Причем древние отложения отделялись от турецко-татарского горизонта тоже чистым песком, свидетельствующим о перерыве в жизни на Карантинном мысу. Приведенные выше стратиграфические наблюдения М. А. Наливкиной носят в основном локальный характер из-за незначительных размеров раскрытой площади (около 23 м²).

Вскоре после этого (несмотря на то что памятник находился в ведении Евпаторийского музея) его территория была включена в парковую зону ближайшего санатория, а затем стала интенсивно застраиваться. В 1932 г. тот же местный краевед В. Ф. Штифтар обследовал дно большого вырытого на площади городища котлована (рис. 4), сделал ряд ценных археологических наблюдений и занес их в дневник. Он же выполнил схематические обмеры кладок и собрал значительный вещественный материал. Однако перечисленная документация этих работ не сохранилась, а сам исследователь погиб в годы войны. Единственным источником информации о его раскопках может послужить их краткое (в надежде на скорую публикацию В. Ф. Штифтара) описание, сделанное П. Н. Шульцем. Важность данной работы П. Н. Шульца заключается в том, что им выделены три строительных горизонта описываемого участка Керкинитиды: IV—III в. до н. э., II в. до н. э., I в. до н. э. Они были перекрыты отложениями XVII—XVIII в. общей толщиной до 6 м.

Исходя из своих наблюдений, П. Н. Шульц пришел к интересным выводам следующего содержания: город возник «на отлогом песчаном берегу, что топографически резко отличает Керкинитиду от остальных пунктов колонизации», а площадь памятника составляла 10 га [1934, с. 18—27; 1937, с. 253; 1941, с. 268—269]. С одной стороны, плоский песчаный берег позволил придавать плану города геометрическую правильность», а с другой — это потребовало создания мощных оборонительных сооружений [1934, с. 20]. Из сказанного нетрудно заметить, что М. А. Наливкина и П. Н. Шульц предложили (почти одновременно) одинаковую реконструкцию древнего ландшафта в период появления здесь греческих колонистов. Значительная мощность отложений турецко-татарского времени не характерна для остальной части городища и объясняется топографическим расположением раскопа 1932 г. на территории «турецкой цитадели».

Насколько можно судить по плану городища, составленному П. Н. Шульцем [Архив ЛОИА, 1934, ф. 2, оп. 1, № 130, черт. 1], исследованная В. Ф. Штифтаром территория была значительной (около 500 м²) и, что особенно важно, данный участок вплотную примыкал к раскопкам Л. А. Моисеева (рис. 3). В нижнем ярусе городища (на дне котлована) был открыт мощный плитами двор с колодцем, окруженный постройками. Их стены, шириной 0,4—0,6 м, были установлены на материк [Шульц, 1934, с. 22].

В 1933—1934 гг. комплексное исследование Северо-Западного Крыма было проведено Евпаторийской экспедицией ГАИМК и Евпаторийским музеем под руководством П. Н. Шульца (1899—1982), с именем которого связана и организация последующих раскопок Керкинитиды (1934, 1937, 1941). Он выдвинул концепцию одновременного появления здесь в IV в. до н. э. двух противостоящих одна другой оборонительных систем: греко-скифской и скифо-сарматской. Первая из них, включая Керкинитиду, прекратила существование на рубеже II—I вв. до н. э., вторая просуществовала до III—IV вв. н. э. [Шульц, 1941, с. 270—271]. Эта, на первый взгляд, стройная модель получила полное признание современников, но отражала слабую степень изученности археологических объектов района. Она была подробно разобрана и прокомментирована А. Н. Щегловым [1978, с. 9—10].

В марте — апреле 1941 г. сотрудник Евпаторийского музея П. И. Филоничев обследовал в округе Керкинитиды место находки светильника с 30 медны-

ми древнегреческими монетами, одна из которых была очищена и оказалась херсонесской. Здесь был открыт фундамент круглой башни, выложенной из крупных блоков известняка [Филоничев, 1941]. Судя по топографическому расположению объекта, он идентичен одному из круглых сооружений, обозначенных на плане у П. О. Бурачкова [1880, табл. 1].

В 1950—1952 гг. археологическое исследование города и его ближайшей округи проводила М. А. Наливкина. В первый год (рис. 4) раскапывался южный участок оборонительной линии города (раскоп I) [1952, с. 114—115; 1957, с. 261]. В 1950—1951 гг. продолжено изучение круглого сооружения П. И. Филоничева в дачном районе Евпатории, интерпретированное ею первоначально как культовое строение или кромлех кургана, позже как круглая башня IV—III вв. до н. э. [1953, с. 133; 1957, с. 266]. К разряду культовых построек без каких-либо оснований и аргументации относили данное сооружение Н. И. Сокольский, И. Р. Пичикян и В. В. Лапин: первые два считали его толосом [1976, с. 60, 62; 1984, с. 230], последний — апсидальным храмом [1966, с. 119—120]. А. Н. Щеглов справедливо предположил, что это жилая круглая башня IV—III вв. до н. э. [1978, с. 62].

Наиболее интересные результаты были получены в 1952 г. в центральной части городища (раскоп II), где культовые отложения были вскрыты на всю их глубину (до 5,5 м), а также жилая застройка центра Керкинитиды (рис. 4). Однако, как свидетельствуют публикации и экспедиционный отчет, М. А. Наливкина не смогла до конца разобраться в сложной стратиграфической и строительной периодизации участка раскопок, несмотря на самое подробное описание отдельных строительных узлов и второстепенных деталей. Так, в экспедиционном отчете и предварительной публикации она выделяет три строительных периода участка от VI—V до II вв. до н. э. (VI—V, IV—III, III—II вв. до н. э.) [Отчет, 1952, с. 32; 1955, с. 71—72]. В более поздней статье М. А. Наливкиной фигурируют

Рис. 3. План городища Керкинитиды с обозначением основных капитальных сооружений санатория. Вертикальная съемка 1988 г., сечение горизонталей через 0,25 м. Римскими цифрами отмечены участки раскопок разных лет, арабскими — номера скважин, пробуренных на территории памятника:

I — башни раскрытые Л. А. Моисеевым в 1917 г.; II — территория, обследованная В. Ф. Штифтаром в 1932 г. (местоположение участка определено по П. Н. Шульцу) [Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1933, № 130, черт. 105]; III — раскоп I 1950 г. М. А. Наливкиной; IV—V — раскопы II—III 1952 г. М. А. Наливкиной; VI — траншея 1979 г.; VII — участки раскопок 1980—1987 гг.; VIII — траншея с остатками восточной оборонительной стены города.

уже четыре строительных этапа от VI—V вв. до н. э. до I в. до н. э.— I в. н. э. (VI—V, IV—III, II вв. до н. э., I в. до н. э.— I в. н. э.) [1957, с. 268]. При этом ее не смущает длительный разрыв между разрушением ранней постройки V в. до н. э. и сооружением в конце IV в. до н. э. так называемого дома с подвалом, что в условиях плотной городской застройки и непрерывности жизни вряд ли было возможно. Анализ архивных материалов (планов, прежде всего разрезов), действительно позволяет говорить о четырех строительных периодах, но вместе с тем и об иной планиметрической реконструкции открытых М. А. Наливкиной жилых построек. Пока отметим одно — между «архаичным домом» и зданием с подвалом выступает еще один строительный горизонт, фиксируемый в продольном разрезе участка раскопок*. Нетрудно заметить, что периодизация М. А. Наливкиной в своей основе почти полностью соответствует стратиграфической схеме П. Н. Шульца с той лишь разницей, что последней были зафиксированы строительные остатки VI—V вв. до н. э.

Особый интерес представляет жилой комплекс начала V в. до н. э., при раскопках которого обнаружены фрагменты лепной керамики с врезным орнаментом, что послужило основанием для предположения о существовании догреческого поселения, на месте которого и возник город [1957, с. 267; 1959, с. 184; 1963, с. 55]**. Однако О. Д. Дашевская и А. С. Голенцов считают, что эта керамика не может служить доказательством существования варварского поселения, предшествующего античному городу, а говорит лишь о наличии в составе населения Керкинитиды местных этнических элементов [Дашевская, 1963, с. 208—209; Голенцов, 1981,

с. 230—231***]. Последняя точка зрения стала общепринятой в настоящее время для объяснения аналогичных ситуаций в других городах Северного Причерноморья [Марченко, 1976, с. 164; 1979, с. 132—137; Брашинский, Щеголов, 1979, с. 38].

Результаты раскопок 50-х годов получили широкое освещение в литературе [Наливкина, 1955, 1957, 1963 а, б], а подробнее отражены в научном отчете [Архив ИА АН УССР. 1952, № 959]. Кроме того, некоторые группы материала были проанализированы М. А. Наливкиной в отдельных публикациях [1959, 1970], а коллекция керамических изделий с граффити введена в научный оборот А. С. Голенцовым [1983, с. 56—62] и Э. И. Соломоник [1984, с. 44—50].

После 1952 г. археологическое исследование памятника не возобновлялось, а его территория интенсивно застраивалась. Особенно губительным для древнего города было развернувшееся в 60—70-е годы санаторное строительство, проводившееся без какого-либо предварительного научного исследования. Можно лишь с сожалением вспомнить, как в 1918 г. Л. А. Моисеев с нескрываемой радостью отмечал, что Керкинитиды осталась незастроенной современными зданиями [1918, с. 252].

В 1975 г. сотрудник Евпаторийского музея Б. Ю. Михлин произвел небольшие охранные раскопки участка некрополя на месте строительства кафе Театральное. Он здесь выявил погребения двух типов: труположение (грунтовые могилы, плитовые гробницы, захоронения в амфорах) и кремацию [1975; 1981, с. 181—191]. В 1977 г. при строительных работах А. С. Бирюков случайно обнаружил каменный склеп IV—III вв. до н. э. с уступчатым перекрытием и повторным погребением конца II в. до н. э. [Бирюков, Отчет, 1977; Михлин, Бирюков, 1983, с. 28]. Однако эти раскопки не удалось превратить в регулярно продолжающиеся работы.

* Архитектурный анализ этих сооружений сделан в монографии С. Д. Крыжицкого [1982, с. 48, 53—54, 57—58].

** Как стало ясно в процессе раскопок последних лет, сооружение этой постройки («архаического дома») связано с первым градостроительным горизонтом памятника и относится к концу первой трети V в. до н. э.

*** Подробную публикацию и анализ этой группы материала см.: Кутайсов, 1987 б, с. 27—40.

Краткая суммарная характеристика некрополя Керкинитиды приведена В. М. Зубарем во втором томе Археологии СССР [Зубарь, 1986, с. 361—362].

Второй этап исследований Керкинитиды, таким образом, сопровождался накоплением новых археологических данных о памятнике. Археологические раскопки в указанное время носили бессистемный и эпизодический характер, без четко сформулированных целей и задач. Они были в большинстве случаев связаны со строительными работами на территории городища и некрополя и проводились различными лицами. Случайные исследования тех лет по своим масштабам и по ставившимся целям значительно уступали первым раскопкам Л. А. Моисеева; они, к сожалению, не стали систематическими. Главной причиной тому послужила сначала гражданская война, а после нее — отход Л. А. Моисеева (по независящим от него обстоятельствам) от археологической деятельности.

Прекращение регулярных и непрерывных раскопок памятника привело в конечном счете сначала к включению городища в черту ближайшего санатория, а затем — и к частичной его застройке. Последнее отрицательно сказалось на дальнейшем изучении античного города. Незначительность площадей проведенных раскопок не позволяла ставить и разрабатывать историко-градостроительную проблематику. Полученных данных оказалось недостаточно даже для того, чтобы правильно очертить древнее городище, определить его размеры, конфигурацию, выяснить характер оборонительной системы и жилой застройки. Важно и то обстоятельство, что исследователи не обратили должного внимания на основные результаты раскопок Л. А. Моисеева, в частности на факт открытия культурного горизонта VI—V вв. до н. э. [См.: Шульц, 1941, с. 269]. Обнаружение последнего необоснованно связывалось с раскопками М. А. Наливкиной [1955, с. 64; 1963, с. 55; 1959, с. 183].

Закономерным результатом второго этапа явилось итоговое исследование Керкинитиды в монографии А. Н. Щеглова [1978, с. 20, 30—31, 35—36, 57,

94—98], посвященной более общей проблематике и более длительному хронологическому диапазону, что привело к конспективному рассмотрению им этого античного города. А. Н. Щеглов не проводил сам раскопок памятника и был вынужден пользоваться материалами своих предшественников. Тем не менее, как показали раскопки последних лет, именно он дал наиболее объективную оценку памятника, насколько позволяла источниковедческая база того времени. Вполне понятно, что продолжающиеся в настоящее время работы вносят существенные коррективы в предложенные ранее схемы и гипотезы.

А. Н. Щеглов единственный из всех авторов, писавших о Керкинитиде, коснулся планировки города в целом и ориентации его планировочной сети в частности. Вместе с тем он отметил крайне недостаточную изученность территории городища, малочисленность каких-либо данных о размерах кварталов и характере их внутренней застройки, отсутствие хотя бы одного полностью раскопанного дома Керкинитиды [1978, с. 78]. Автор считал, что уже с начала V в. до н. э. город имел регулярную «гипподамову» планировку, которая была сохранена и позднее, во второй половине IV в. до н. э., после присоединения его к Херсонесскому государству. Многие из этих предположений (ориентация планировочной сети, преобладание городской структуры) получили подтверждение в настоящее время. Кроме того, А. Н. Щеглов выделил в культурных напластованиях памятника четыре горизонта: 1-й — начало V — первая половина IV в. до н. э., 2-й — вторая половина IV — начало II в. до н. э., 3-й — рубеж II—I вв. до н. э.; 4-й — рубеж н. э. — середина — вторая половина II в. н. э. [1978, с. 35—36]. Однако предложенная им периодизация была основана не столько на анализе культурных отложений Керкинитиды (автор не мог это сделать в силу недостаточного количества данных), сколько на общих соображениях, вытекавших из сравнительного анализа стратиграфии памятников Северо-Западного Крыма. Неудивительно поэто-

му, что указанная схема полностью совпадает с главными хронологическими этапами всего региона [1978, с. 42—43]. Вместе с тем строительная деятельность внутри города далеко не всегда была непосредственно связана с внешнеполитическими событиями и благополучием полиса, а нередко определялась решением чисто градостроительных проблем. К тому же город, защищенный мощными оборонительными стенами, не так чутко реагировал на военные акции скифов, как, например, слабо укрепленные или совсем не защищенные сельские поселения. Нельзя также согласиться с утверждением А. Н. Щеглова о прекращении существования Керкинитиды в середине — второй половине II в. н. э. Оно базируется на находках в Евпатории римских монет, позднейшая из которых относится к Фаустине Старшей [1978, с. 36]. Все эти нумизматические приобретения были лишь куплены Н. Ф. Романченко в Евпатории [1894, с. 13]. Никакой уверенности в их происхождении с территории памятника, а не из любого другого места, у нас нет. К тому же из раскопок Керкинитиды столь поздние монеты не известны.

Таким образом, несмотря на то что фактический объем информации, полученной в 1929—1978 гг., был незначительным, а данные раскопок Л. А. Моевеева практически не использовались, главное достижение второго этапа состояло в постепенном переходе от литературно-источниковедческого метода к разработкам исторической проблематики на основе археологических данных. Начало такому подходу было положено в 30-е годы П. Н. Шульцем, а дальнейшее развитие он получил в работах А. Н. Щеглова.

В декабре 1979 г. сотрудниками Евпаторийского краеведческого музея были проведены охранные раскопки по линии траншеи, прорытой на западной окраине городища. Здесь были выявлены строительные остатки трех периодов, относящихся к V—III вв. до н. э., включая и фундамент оборонительной стены середины IV в. до н. э. [Анохин, 1988, с. 3—5].

В 1980 г. Евпаторийский отряд Юж-

но-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР под общим руководством О. И. Домбровского приступил к археологическому изучению Керкинитиды (начальником отряда в 1981—1982 гг. был В. С. Драчук, руководителем раскопок и автором всех экспедиционных отчетов В. А. Кутайсов). Начало раскопок было связано с планировавшимся строительством корпусов расположенного здесь санатория. Они продолжались до 1982 г. включительно [Драчук, Кутайсов, 1981, 1982, 1983, 1985; Кутайсов, 1985 а, б; 1986 а, 1987 а, б, д]. В 1983 г. раскопки Керкинитиды были прерваны с целью обработки значительных материалов, обнаруженных за предыдущие годы*. С 1984 г. изучение памятника продолжала Западно-Крымская экспедиция Института археологии АН УССР [Кутайсов, 1986 б, с. 259; 1987 в, с. 359—360].

Систематические и крупномасштабные раскопки 1980—1982 и 1984—1986 гг., по существу, явились началом нового этапа в изучении античной Керкинитиды. В процессе этих исследований на широкой площади были раскрыты фортификационные сооружения и жилищная застройка восточного района города, наиболее значительные комплексы которой опубликованы [Кутайсов, 1985 б, с. 178—190; 1986 в, с. 61—72; 1987 а, с. 168—182]. Получен обширный и разнообразный археологический и эпиграфический материал, позволяющий принципиально по-новому осветить историческое развитие Керкинитиды, проследить возникновение, становление и развитие полиса; выяснить его градостроительную структуру, характер оборонительной системы и жилой застройки. Кроме того, в 1980 и 1982 гг. было проведено геоморфологическое исследование Карантинного мыса в Евпатории, на котором расположен памятник, с целью наиболее полного изучения стратиграфии города, определения уровня залегания материковых пород, обработки методики, а в итоге реконструкции

* Поэтому странным выглядит публикация в АО за 1983 г. результатов раскопок, произведенных в сентябре—ноябре 1982 г. [Драчук, 1985, с. 273—274].

древнего ландшафта и выделения антропогенных элементов в современном рельефе [Кутайсов, 1985 а, с. 43—44]. В 1985 г. экспедиция возобновила раскопки некрополя для выяснения его топографии, погребального обряда и характера погребальных сооружений [Ланцов, 1986, с. 88—89; 1987, с. 363; 1988, с. 75—84].

Итак, в истории исследования Керкинитиды четко выделяются три этапа. Первый из них был связан с поисками древнего города на местности и его первыми (в основном разведочными) раскопками. Второй характеризуется дальнейшим накоплением источнико-

ведческой информации о памятнике и переходом к историческому осмыслению археологических материалов. И, наконец, третий этап, продолжающийся в настоящее время, связан с систематизацией, обобщением и исторической интерпретацией накопленного за все годы археологического материала и дальнейшими планомерными раскопками этого города, рассчитанными на многие годы.

Логическим завершением последнего периода должна стать музеефикация и экспонирование уникальных по своей сохранности архитектурных остатков Керкинитиды.

Глава II СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Стратиграфия культурных отложений и сопряженных с ними архитектурных остатков как основа для историко-градостроительной периодизации Керкинитиды долго не являлась предметом специального изучения — сначала из-за несовершенства методики археологических раскопок, позднее из-за отсутствия достаточного количества данных. Такое положение резко изменилось в последние годы, когда в процессе полевых исследований памятника и археологических наблюдений за всевозможными земляными работами вокруг него были открыты значительные по протяженности искусственные обнажения культурных и естественных наслоений. Более того, для получения полной стратиграфической картины и выяснения характера залегания античных напластований в общем позднечетвертичном горизонте было проведено бурение на территории Карантинного мыса, которое дало возможность построить его поперечный разрез, в своей северо-восточной части он стыкуется с геологическими колонками донных отложений Евпаторийской бухты, составленными инженером В. Ю. Руммелем на основании его собственных изыскательских работ [1899, табл. 7]. Таким образом, в нашем распоряжении оказалась ценнейшая информация, по которой можно судить не только о геологическом строении упомянутого мыса, но и рассмотреть другие научные проблемы, выходящие за рамки нашей работы. Проведенные на базе всех этих материалов палеогеографические исследования приводят к интересным выводам по реконструкции древнего ландшафта в районе Керкинитиды в античный период и его

изменениям в историческое время [Кутайсов, 1988 а, с. 5—16].

Целый ряд стратиграфических данных свидетельствует о том, что уровень моря во время выведения апойкии во второй половине VI в. до н. э. находился приблизительно на отметке минус 2 м, а, следовательно, конфигурация побережья у Евпатории лишь незначительно отличалась от современной: кромка берега в то время проходила на расстоянии не более 100 м от настоящей.

Керкинитиды была основана на выступающем к востоку мысу, на небольшом вытянутом с юго-востока на северо-запад пространстве между (рис. 2—3) Евпаторийской бухтой, берегом моря и балкой, в низовьях которой находился мелководный лиман. Древняя городская гавань располагалась к северо-востоку от Керкинитиды, на месте нынешнего морского порта, глубина которого была вполне достаточной и при более низком уровне Черноморского бассейна.

В настоящее время территория памятника представляет собой прямоугольное в плане всхолмление, размерами 400×135 м, вытянутое с юго-востока на северо-запад (рис. 4). Оно возвышается над окружающей местностью на 4,0—4,5 м и имеет резкое понижение на юго-запад (при перепаде высот 2 м) и более пологий наклон в противоположную сторону. Культурные отложения Керкинитиды, как уже отмечалось, залегают над береговым песчаным валом, на сnivelированной поверхности которого и начали свою строительную деятельность первопереселенцы. Они представляют собой в поперечном вер-

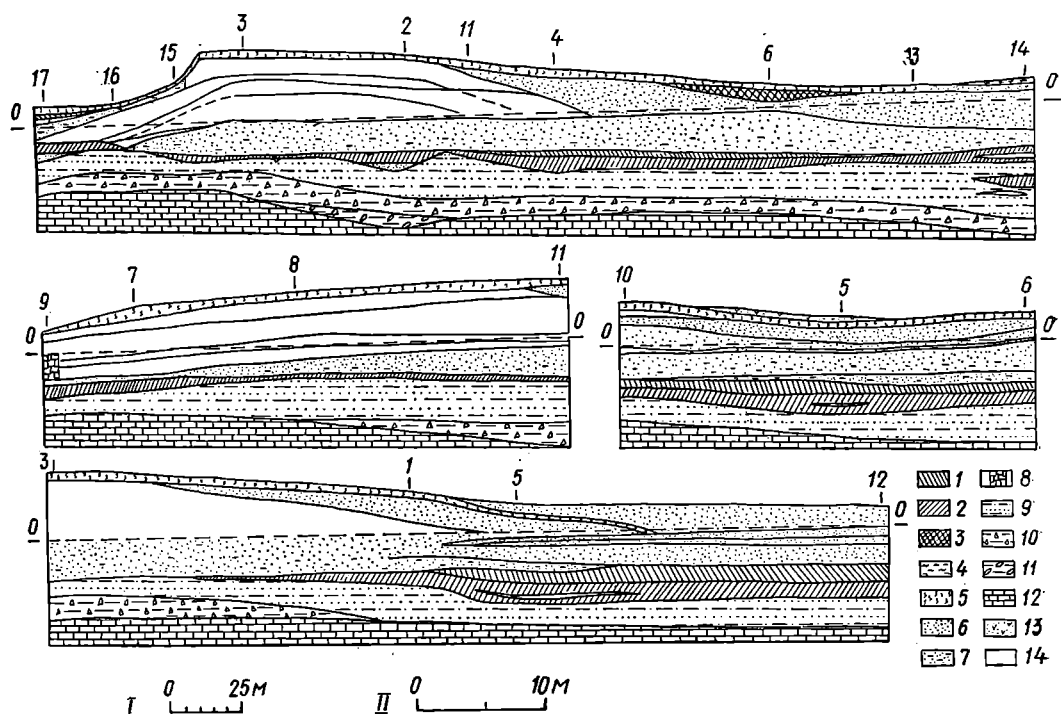

Рис. 4. Стратиграфические разрезы, составленные на материалах бурения 1980, 1982 гг.:

I — горизонтальный масштаб; II — вертикальный масштаб. Спецификация: 1 — запесоченные или с галькой; 2 — голубовато-серые тугопластичные по структуре илы; 3 — современный перемешанный слой; 4 — зольный слой; 5 — навезенный при создании парка чернозем; 6 — песок; 7 — глинистые пески; 8 — каменная кладка (оборонительная стена); 9 — желтый по цвету суглинок; 10 — суглинок с известковой крошкой — предскальный грунт; 11 — суглинок с фрагментами известняка; 12 — коренные породы — мезотические известняки; 13 — переложный песок; 14 — античные культурные отложения.

тикальном сечении близкую к трапеции фигуру с приблизительно одинаковыми боковыми сторонами (рис. 4). Их максимальная толщина достигает 4,5—5,0 м, не считая современного балластного слоя. Такой силуэт древних напластований объясняется прежде всего тем, что их накопление происходило внутри периметра крепостных стен.

Поскольку, как выяснилось в процессе раскопок, Керкинитидя являлась сырцово-каменным городом, и основным строительным материалом служил для нее сырцовый кирпич, культурные отложения памятника представляют собой в значительной степени мощные развалы разновременных сырцовых строений (рис. 4). При этом накопление

подобных напластований протекало не непрерывно, а в результате периодического и сознательно производившегося разрушения обветшалых стен и нивелирования его продуктов. Разравнивание сырцовых развалов каждый раз приводило к значительному повышению дневной поверхности квартала на 0,6—0,8 м. Эти завалы преимущественно желтого цвета, реже светло-серых оттенков и разделены тонкими глинобитными полами или утопанными золистыми древними поверхностями.

В культурных напластованиях на территории памятника выделяется два основных культурно-исторических периода — скифский и греческий, ограниченных, в целом, промежутком времени от начала V в. до н. э. — до конца II в. до н. э. Они не равнозначны по мощности отложений и длительности их образования. Один из них (более поздний и менее продолжительный) относится ко второй половине II в. до н. э. и связан со строительной деятельностью захвативших город скифов (период А). К другому, более раннему, относится строительство греческих поселенцев. Оно протекало на трех градо-

строительных этапах, не считая локальных перестроек, коснувшихся отдельных жилых комплексов или смежных с ними строений. Первый этап — конец первой — начало второй четвертей — конец V в. до н. э., (период D); второй — конец V в. до н. э. — третья четверть IV в. до н. э., (период C); третий — третья четверть IV в. до н. э. — третья четверть II в. до н. э. (период B). При этом урбанизации Керкинитиды предшествовал период с третьей четверти VI по первую четверть V в. до н. э., когда первое греческое поселение размещалось в вырытых в песке полуземлянках (период E) *.

В связи с частой и капитальной перестройкой Керкинитиды на протяжении V—IV вв. до н. э., каждый раз приводившей к повышению дневной поверхности города, выскажем одно возникшее в процессе раскопок предположение. Конечно, в таких случаях решались вполне конкретные градостроительные проблемы, о которых будет сказано ниже. Однако одной из немаловажных причин этих повторяющихся через каждые 60—70 лет строительных перемен могло быть ускорение в указанное время трансгрессии Черноморского бассейна, повышение грунтовых вод, а следовательно — подтапливание жилых кварталов города. К сожалению, для проверки сказанного в нашем распоряжении пока недостаточно конкретных данных.

Следует также вспомнить, что А. И. Дзенс-Литовский обратил внимание на совпадение времени гибели Керкинитиды и других городищ Северо-Западного Крыма с образованием мощного слоя донных соленых отложений в Евпаторийской группе озер. Это было вызвано, по мнению упомянутого геолога, с исключительно сухим и жарким климатическим периодом [1936, с. 54—55].

Никаких строительных остатков и древнего погребенного культурного слоя позднее конца II в. до н. э. за все время изучения памятника на различных его участках не зафиксировано.

* Хронологическая периодизация дана в ретроспективной последовательности.

Это определенным образом отличает Керкинитиду от других, в том числе и ближайших памятников (например, Чайка), продолжающих существовать вплоть до I в. н. э. [Щеглов, 1978, с. 43; Яценко, 1983, с. 65]. Стратиграфия культурных отложений на исследованном в последние годы участке показала отсутствие здесь более поздних напластований. Следует, однако, вспомнить находки в золистом суглинке обломков керамической тары III в. н. э. и фрагменты амфор IX—X вв. н. э.

Письменные источники несут недостаточную информацию об абсолютной датировке памятника и градостроительной периодизации Керкинитиды. Так, наиболее раннее известие о ней относится приблизительно к 500 г. до н. э. [Dilke, 1985, с. 56] и принадлежит Гекатею Милетскому [Нес., fr., 153]. Из декрета в честь Диофанта, относящегося к концу II в. до н. э. [IOSPE, I², 352], вытекает, что город был захвачен скифами накануне составления этого документа и обратно возвращен Херсонесу полководцем Митридатом. Промежуточное положение между этими двумя источниками занимает упоминание Керкинитиды у Геродота [Herod., IV, 55, 99] и в присяге херсонеситов [IOSPE, I², 401]. Следует, однако, вспомнить надпись из Аттики 119/118 гг. до н. э. в честь эфебов, в которых среди прочих назван некий сын Аполлония, керкинит [Граков, 1936, № 6, с. 244]. Указание на этникон в названном декрете позволяет заключить, что Керкинитиды как греческий город, в котором родился чествуемый эфеб, еще в третьей четверти II в. до н. э. существовала. Следовательно, город был захвачен скифами накануне похода понтийских войск и они владели им совсем недолго. Сказанное подтверждается и археологическими наблюдениями.

Более позднее сообщение о Керкинитиде у римских авторов носит топографический характер. Никакой другой информации, в том числе и по хронологии памятника, они не несут. Таким образом, из нарративных и эпиграфических источников можно сделать вывод о том, что три градостроительных

горизонта античной Керкинитиды укладываются в промежуток времени с начала V в. до н. э. и до третьей четверти II в. до н. э., а скифский ярус относится к последней четверти II в. до н. э. — времени, непосредственно предшествующему походам войск Митридата. Уточнение и конкретизация их датировки могут быть достигнуты только на основании археологических данных.

Только в результате последних раскопок было обнаружено 340 монет, а археологические коллекции пополнились (не считая массового материала) более чем 9 тыс. экз., в том числе 900 керамическими клеймами. Понятно, что в данной работе не ставилась задача подробно проанализировать все находки из Керкинитиды. Здесь мы ограничимся лишь общей суммарной их характеристикой в том объеме, в котором необходимо предварительно обосновать абсолютную хронологию стратиграфии памятника. Детальная публикация основных коллекций — дело ближайшего будущего.

В процессе археологических исследований было принято и уже использовано в печати ретроспективное буквенное обозначение основных градостроительных и архитектурно-строительных этапов: период А — скифский; В, С, D — этапы строительства греческого города [Кутайсов, 1987 б, с. 27—28]. На основании новых наблюдений, полученных в 1985—1986 гг., можно ввести для наиболее раннего горизонта памятника (когда поселение состояло еще из полуземлянок) период Е. Такое буквенное обозначение основных культурных напластований позволяет в дальнейшем, при публикации различных категорий археологических материалов, надежно их синхронизировать, а при необходимости, пользуясь цифрами, добиваться в периодизации еще большей дробности. Для обоснования абсолютной хронологии отдельных горизонтов городища кратко остановимся на характеристике основных керамических, нумизматических и эпиграфических находок.

Прежде чем к этому приступить, остановимся на анализе наиболее позднего и немногочисленного раннесредне-

векового материала. При раскопках обнаружено дно сильно пострадавшей от современных перекопов ямы. В ее заполнении были крупные фрагменты средневековых сосудов. Из них четыре относятся к типу так называемых причерноморских амфор с зональным рифлением, яйцевидным корпусом, сужающимся кверху коническим горлом и срезанным венчиком [Якобсон, 1979, с. 32]. При этом три из них практически одинаковые и принадлежат одному варианту указанного типа (рис. 5, 1, 3, 5). Такие же амфоры выпускались и гончарными мастерскими Горного Крыма [Якобсон, 1979, с. 39—59]. Судя по структуре черепка (от красного внутри и до серо-зеленого по краям) одна амфора (рис. 5, 1), вероятно, херсонесского производства [Антонова, Даниленко, Ивапуга, и др., 1971, с. 38—39]. Они обычно датируются VIII—IX вв. н. э. [Романчук, 1981, с. 323—324; рис. 4, 2]; А. Л. Якобсон ограничивал время их бытования IX в. н. э. [1979, с. 32]. Однако наиболее поздние экземпляры подобных амфор обнаружены в комплексах X в. н. э. [Белов, 1953, с. 254; рис. 26; Плетнева, 1959, с. 244; рис. 29].

К другому варианту причерноморских амфор относится четвертый сосуд, украшенный на плечиках тремя горизонтальными и одной волнистой линиями, нанесенными белой краской (рис. 5, 4). Аналогичные предметы обнаружены при раскопках гончарной печи вблизи Херсонеса [Рыжова, 1982, с. 153; рис. 2]. Из других находок в засыпи ямы (рис. 5, 6) отметим обломки дна и высокогогорлого кувшина IX—X вв. н. э. [Якобсон, 1979, с. 32—33; 75]. Таким образом, заполнение открытой в Керкинитиде ямы следует относить, скорее всего, ко второй половине IX—X вв. н. э. Она является пока единственным подтверждением существования какой-то жизни на руинах античного города.

Период А. Датировка этого слоя полностью базируется на керамических материалах, так как все монетные находки относятся к более раннему времени. Особое значение приобретает керамическая эпиграфика. Синопские

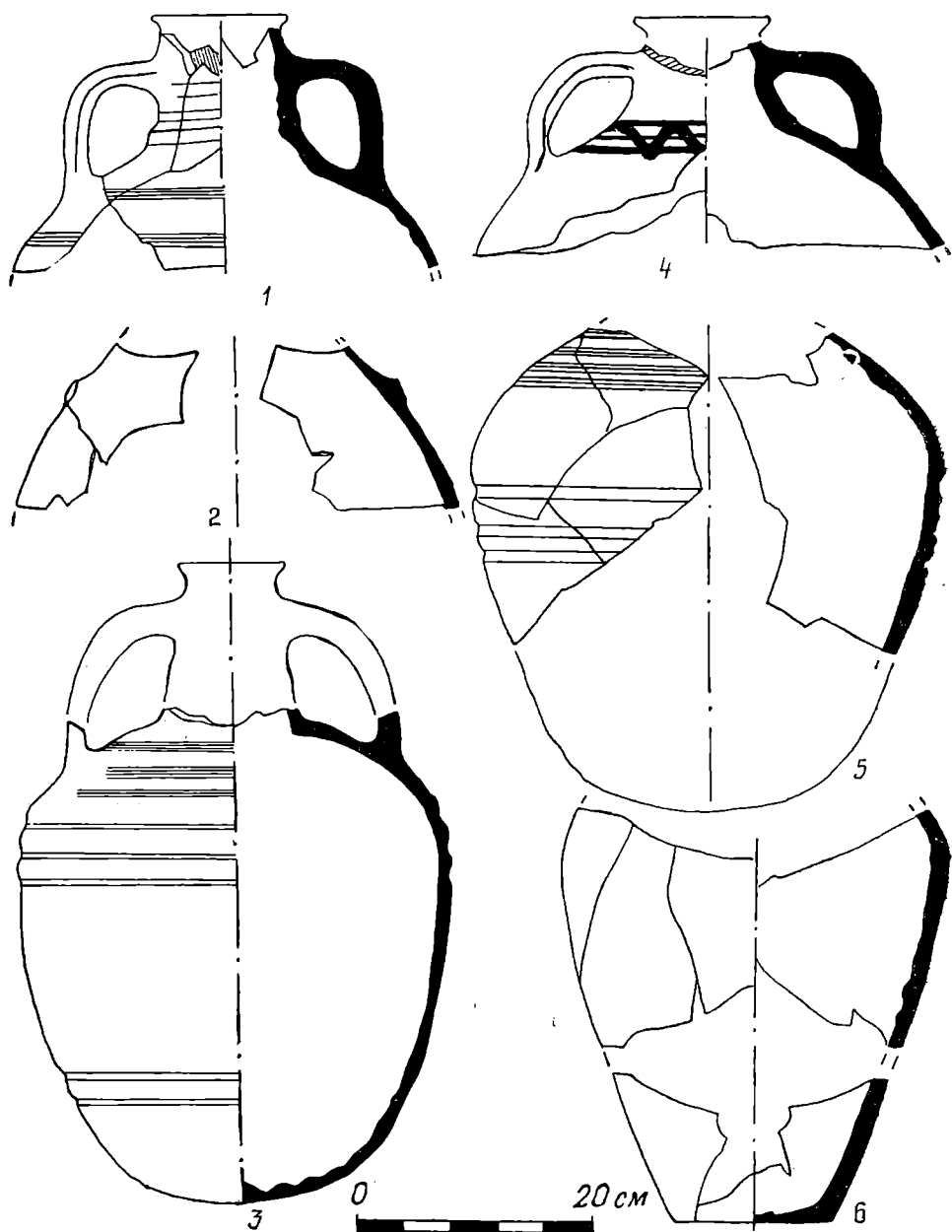

Рис. 5. Фрагменты раннесредневековых амфор из заполнения ямы IX—X вв. н. э.

клейма представлены здесь двумя экземплярами, принадлежащими VI хронологической группе, по Б. Н. Гракову [1928]: астинома Агатона, Филиппа сына Посихара и фабриканта Дионисия. И. Б. Брагинский, как известно,

относил указанную группу ко второй половине II в. до н. э. [1963, с. 133]. Однако абсолютная хронология синопского клеймения пока остается дискуссионной [Шелов, 1975, с. 131—133]. В целом же VI группа синопских клейм всеми исследователями датируется в пределах II в. до н. э. Гораздо лучше обстоит дело с родосскими и книдскими

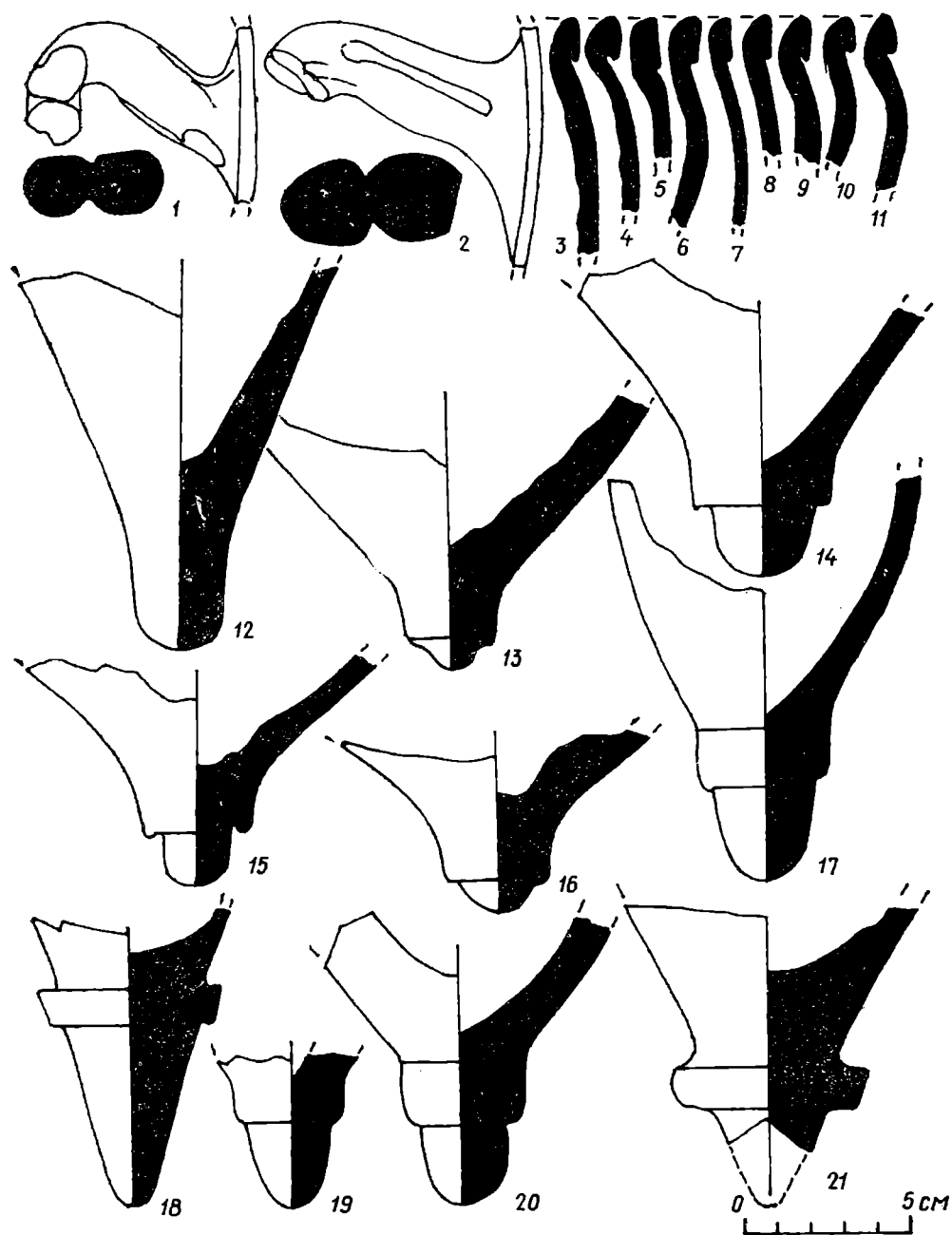

Рис. 6. Фрагменты амфор из скифского горизонта Керчинитиды (период А).

керамическими клеймами. К пятой группе (146—108 гг. до н. э.), по классификации В. Грейс, относятся клейма родосских эпонимов Архибия, Архина, Полиарата; фабрикантов — Главкия,

Драконтида. К шестой группе (108—80 гг. до н. э.) — эпонимные клейма Аристополиса и Архемброта. К пятой группе также относятся книдские клейма — эпонима Тимасикрата и фабриканта Анаксандра, эпонима Гераклея и фабриканта Мосхиона; к шестой группе — эпонима Аристократа и фаб-

риканта Дотоса *. Здесь встречены также ножки кидских амфор (рис. 6, 18, 21) и горло родосской амфоры (рис. 7, 4) с упомянутым выше клеймом эпонима Архиябия.

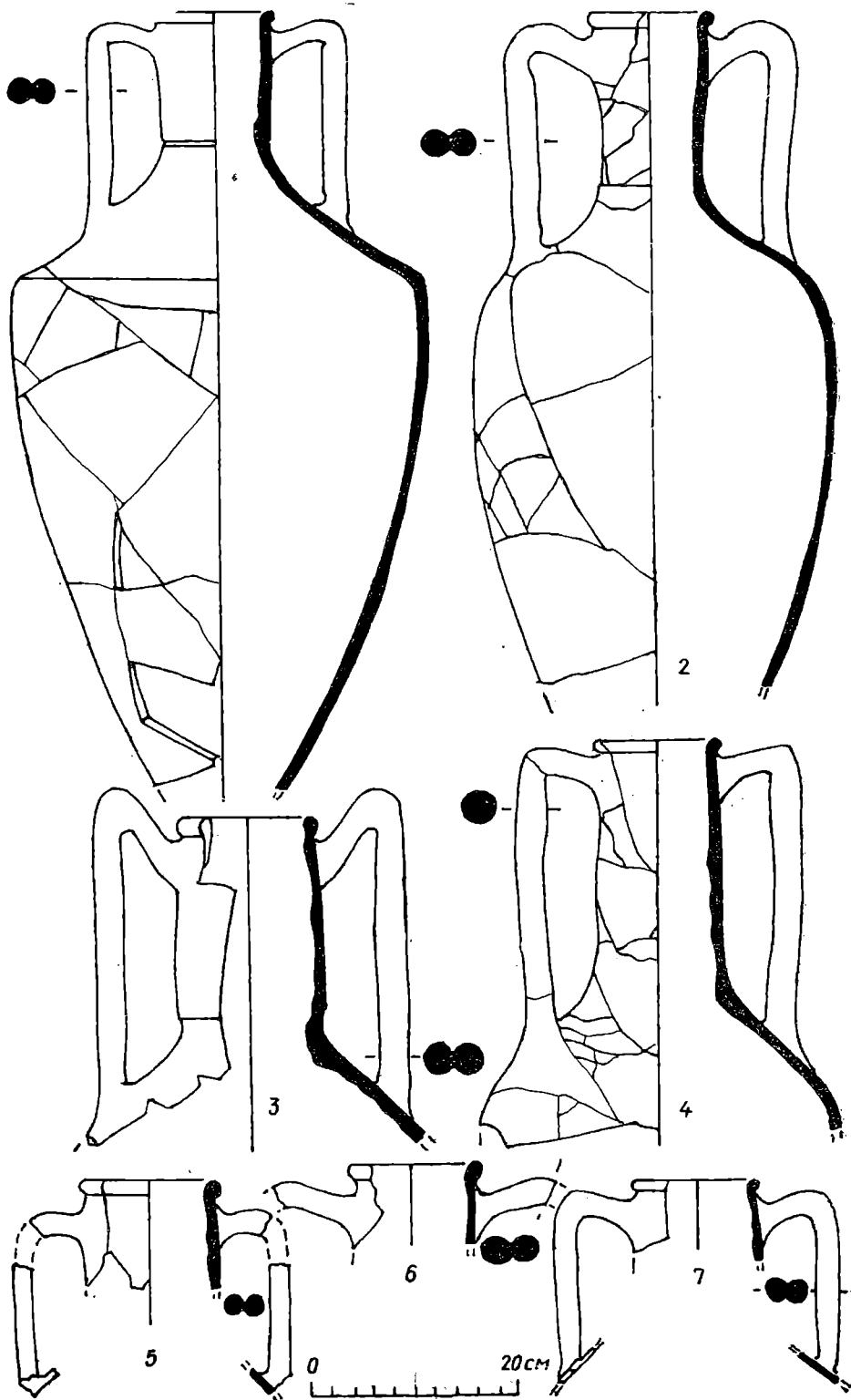
В керамической таре выделяется целая группа косских оранжевоглиняных амфор (рис. 7, 1, 6—7), покрытых светло-зеленоватым ангобом с двухствольными ручками. Они обычно датируются широко — в пределах III—II вв. до н. э. [Зеест, 1960, с. 105]. Среди них выделяется почти целый сосуд с четко обозначенным переходом от плечиков к корпусу. Аналогичные амфоры обнаружены на античном корабле, затонувшем около 80 г. до н. э. [Grace, 1965, с. 15—16; рис. 4, 6—7], а также в колодце, засыпанном во время разрушения Суллой Афин в 87 г. до н. э. [Grace, 1949, № 8, табл. 19]; в последнем случае диаметр корпуса несколько шире. Другой косский сосуд не ангобирован (рис. 7, 2). Отметим также горло синопской амфоры (рис. 7, 3), полностью повторяющее форму косских сосудов с двухствольными ручками. Аналогичные амфоры известны из раскопок скифского горизонта поселения Чайка [Коляков, 1975, с. 251, тип VII]. Остальные обломки тары принадлежат к последнему типу этого центра — I в. до н. э. — I в. н. э. [Зеест, 1960, с. 91; табл. XIV, 31; Коляков, 1975, с. 251]. Они характеризуются немного припухлым горлом, плоской наружной поверхностью венчика и слегка коническими ножками (рис. 6, 3—11, 12). И, наконец, на скифской дневной поверхности, в заполнении скифских ям и перекрывающих их культурных отложениях были обнаружены обломки светлоглиняных, вероятно, синопских амфор с двухствольными ручками (рис. 6, 1—2, 14—17, 19—20; 7, 5). Они наиболее полно представлены недалеко от Керкинитиды, на поселении Чайка [Яценко, 1970, с. 35; рис. 11; 1983, рис. 5—7; Внуков, 1984 а, с. 45—60]. При этом появление светлоглиняных амфор на упомянутом

памятнике относится к первой половине I в. до н. э. [Внуков, 1984 б, с. 68]. Однако в нашем случае фрагменты светлоглиняных амфор при раскопках встречались совместно с косскими оранжевоглиняными и родосскими амфорами (в том числе и в одних и тех же ямах). Даже самое общее знакомство с керамическим комплексом скифского горизонта убеждает в его переходном характере: в нем встречаются как «чистые» материалы II в. до н. э., так и керамика первой половины следующего столетия. Все это свидетельствует о том, что скифский ярус Керкинитиды относится к рубежу II—I вв. до н. э. Более точной даты по археологическим комплексам установить невозможно. Такое заключение позволяет отнести этот слой к периоду, непосредственно предшествовавшему походам Диюфанта в конце II в. до н. э. Следовательно, светлоглиняные амфоры в небольшом количестве стали поступать в Северо-Западный Крым еще в последней четверти II в. до н. э. Завершая характеристику рассматриваемого горизонта, отметим, что именно с ним связано появление тут мегарских чаш, как и на поселении Чайка [Внуков, 1984 б, с. 68].

Период В. Прежде всего следует отметить, что, несмотря на смену населения Керкинитиды, на основании стратиграфических данных можно говорить об отсутствии длительного хронологического разрыва между периодами А и В. В противоположном же случае эти разные горизонты должны были бы разделяться прослойками золотого песка или супесью, как, например, было отмечено на городище Чайка. В Керкинитиде же, напротив, скифские землянки были вырыты прямо в сырцовых развалах греческих построек, а на поверхности сырцового слоя сооружены скифские наземные здания. В культурных отложениях, связанных с разрушением греческого города, найден смешанный керамический материал III—II вв. до н. э. Предметы же второй половины II в. до н. э. немногочисленны, вероят-

* Описанные выше клейма распределены по соответствующим группам на основании следующих работ: Grace, 1952, 1963; Grace, Savvatiadou-Petropoulakou, 1970. Шелов, 1975; Бадалянц, 1976; 1980.

Рис. 7. Фрагменты амфор из скифского горизонта Керкинитиды (период А).

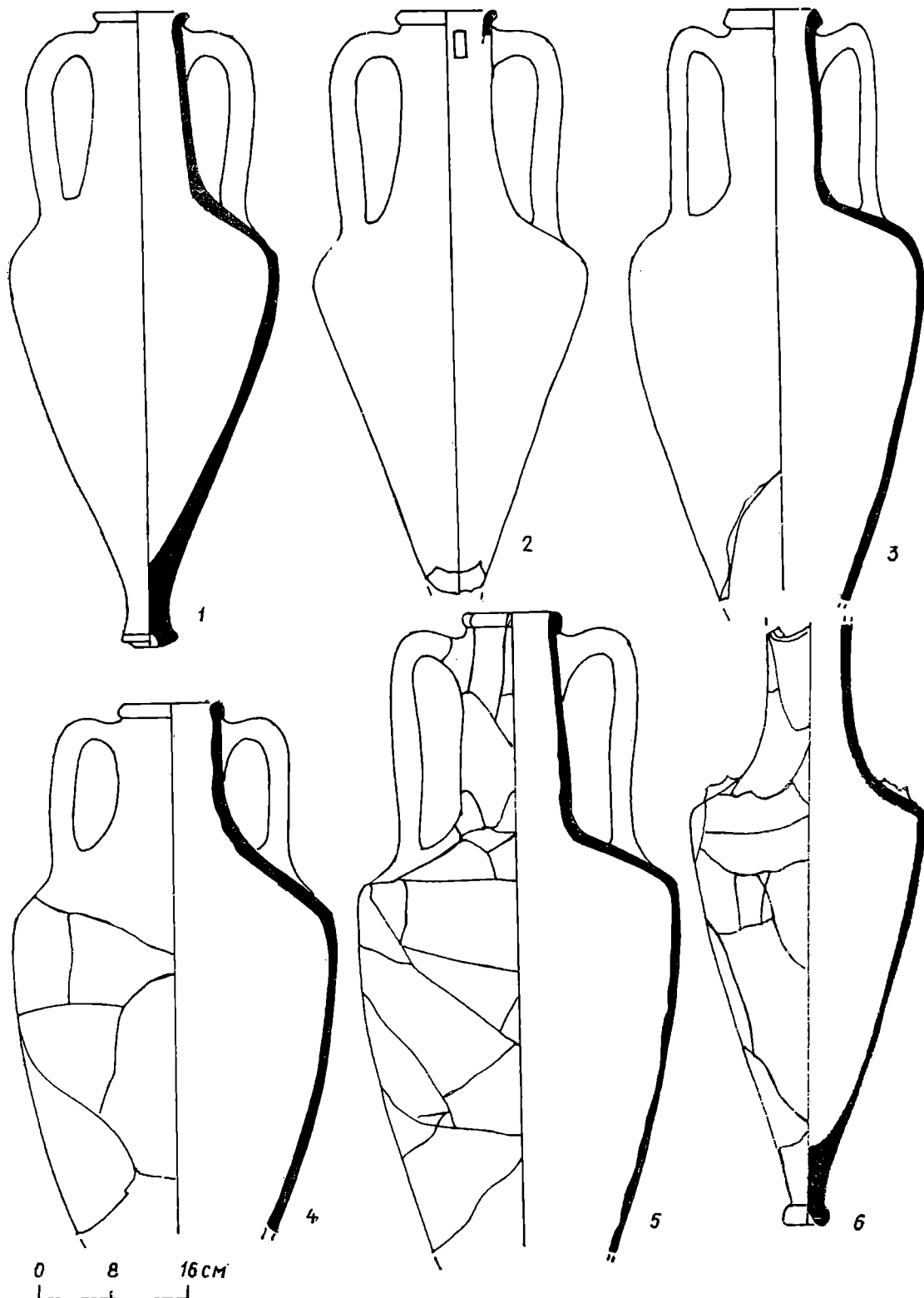
по, и потому, что на полах жилых помещений и во дворах практически отсутствовала — в силу указанных выше причин — находившаяся в повседневном употреблении посуда и тара. Позднейшие находки представлены небольшими фрагментами синопских, косских, киндских и родосских амфор, аналогичных описанным выше типам. Кроме того, отсюда происходят пять керамических клейм: синопское VI группы астинома Нания сына Протагора и фабриканта Менекрита [Граков, 1928, с. 193; 206; Брашинский, 1963, с. 133], два родосских клейма V группы (146—108 гг. до н. э.) фабрикантов Мидаса и Каллона [Шелов, 1975, № 379—382; 407—411; Бадалянц, 1976, с. 40; 1980, с. 11—12] и, наконец, кничские клейма того же времени эпонима Евфраноса и фабриканта Менетоса, эпонима Талинбротиды и фабриканта Асклепиодора [Grace, Savvatianou-Petropoulakou, 1970, № 65, 75—76]. Таким образом, рассматриваемый стратиграфический ярус относится ко второй половине II в. до н. э.

Период С. Керамический материал из культурных отложений данного яруса относится к первым трем четвертям IV в. до н. э. и типичен для Северного Причерноморья. Здесь представлены гераклейские, хиосские, фасосские биконические и мендийские амфоры (рис. 8). Определенный интерес представляет херсонесская амфора с яйцевидным корпусом (рис. 8, 4), близкие аналоги которой известны из раскопок некрополя Херсонеса [Белов, 1977, тип I в). Для датировки этого горизонта мы обладаем большой нумизматической коллекцией из развала сырцовых стен и верхних полов построек, в которой значительная часть монет принадлежит Херсонесу, а несколько экземпляров — Ольвии. Херсонесские монеты распределяются следующим образом: ко второй четверти IV в. до н. э. относятся монеты типов — голова быка — рыба с палицей [Анохин, 1977, 1, 9—12]; голова Девы в венке — палица в венке [Анохин, 1977, I, 13—14]. кратер — венки с палицей [Анохин, 1977, I, 19]; дельфин — палица [Анохин, 1977, I, 21]. К третьей четверти (350—

330 гг. до н. э.) принадлежит монетная серия из двух номиналов — квадрага с Девой — коленопреклоненный воин — 15 экз. — и двуликой головы — льва, терзающего быка, — 9 экз. [Анохин, 1977, II—III, 36—59]. Обращает на себя внимание постоянство этих монетных выпусков, встречаемых при вскрытии данного яруса. Ольвийские монеты представлены четырьмя мелкими медными чеканенными типами: две монеты с изображением Деметры — орла на дельфине, третьей четверти IV в. до н. э. и две монеты — голова Аполлона — орел на дельфине (датировки даны по В. А. Анохину) [Зюграф, 1951, табл. XXXII, 9, 10]. И, наконец, для датировки рассматриваемого периода важно учитывать следующие обстоятельства: в этом горизонте памятника не обнаружено ни одно херсонесское керамическое клеймо. Начало же клеймения херсонесской тары относится к 330 или 320 гг. до н. э. [Михлин, 1979, с. 141; Кац, 1985, с. 100]. Здесь также не найдено поздних гераклейских амфор и клейм конца IV — начала III вв. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 24—25]. Все вышесказанное позволяет ограничить верхнюю границу данного периода третьей четвертью IV в. до н. э.

Период D. При его раскопках в соответствующем горизонте были обнаружены фрагменты амфор пяти центров. Подавляющее большинство из них принадлежит хиосским так называемым позднепухлогорлым амфорам и сосудам с прямым горлом. Первые из них относятся к третьей четверти (рис. 9, 4, 6, 14, 18—19), вторые (рис. 9, 1, 3, 21) — к последней четверти V в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 16; 1984, с. 98]. Отсюда же происходят ранние фасосские амфоры (рис. 9, 12, 15, 17), в том числе и пифоидной формы (рис. 9, 20), третьей четверти V в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 18—19; 1984, табл. XVIII, 1—4]. Следует также выделить горло лесбосской сероглиняной амфоры (рис. 9, 2) последней

Рис. 8. Фрагменты амфор из культурных отложений третьего стратиграфического горизонта Керкинитиды (период С).

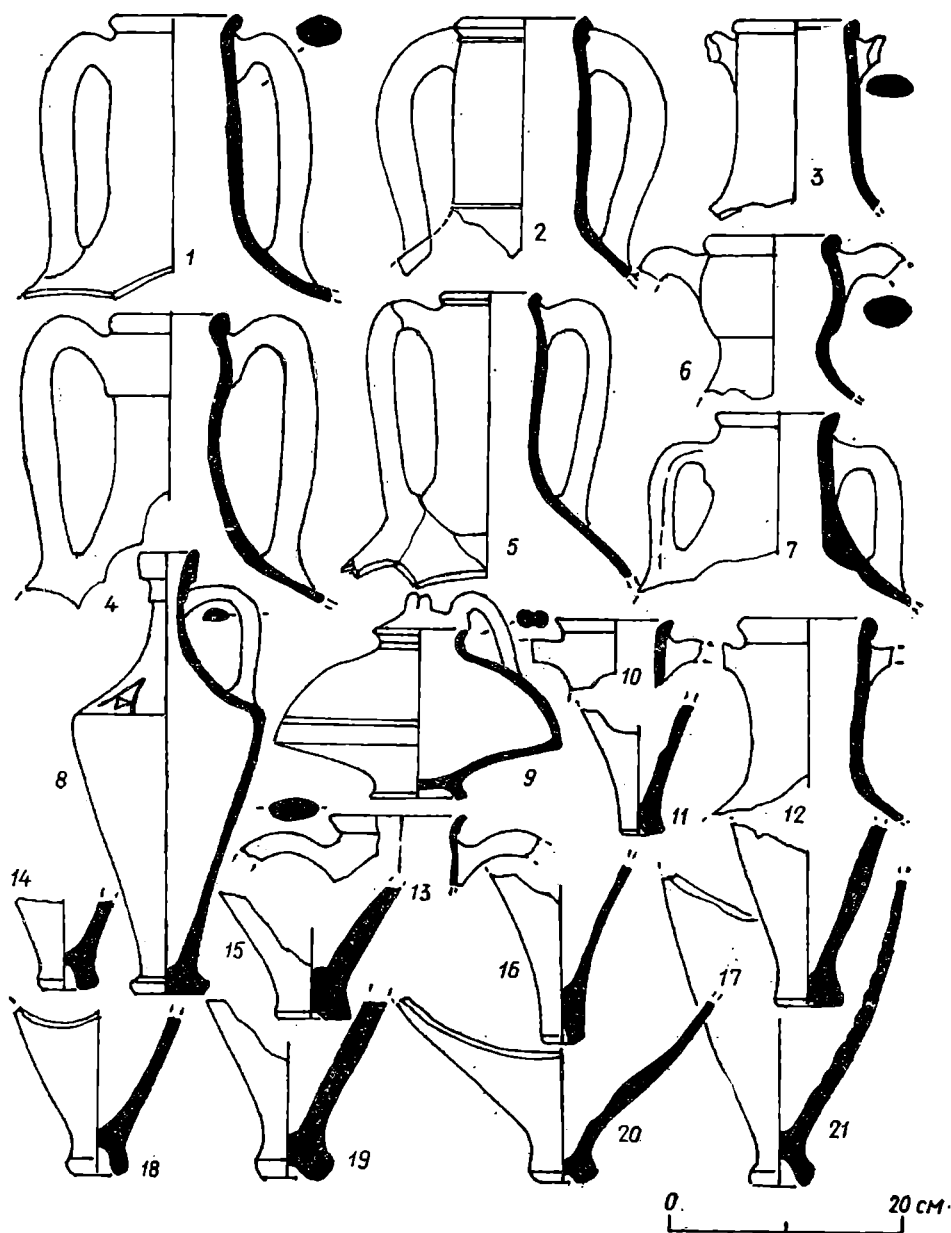

Рис. 9. Фрагменты амфор, кувшин и ойнохой из культурных отложений четвертого стратиграфического горизонта Керкинитиды (период — D).

четверти V в. до н. э. [Clinkenbeard, 1982, № 7] и фрагменты венчиков менидских амфор (рис. 9, 10, 13) того времени [Кастанаян, 1972, рис. 31, 3]. Неатрибутированными остаются так называемые амфоры со стаканообразны-

ми ножками и характерным для позднего типа профилем венчика — треугольным в сечении (рис. 9, 5, 11, 16). К 425—400 гг. до н. э. относится ионийский двухручный (рис. 9, 9) кувшин [Sparkes, Talcott, 1970, № 163—166] и, вероятно, самосский кувшин с граффити на плечиках [Кастанаян, 1971, с. 189; 1972, с. 78, рис. 31, 2], а также осколки аттической чернофигурной по-

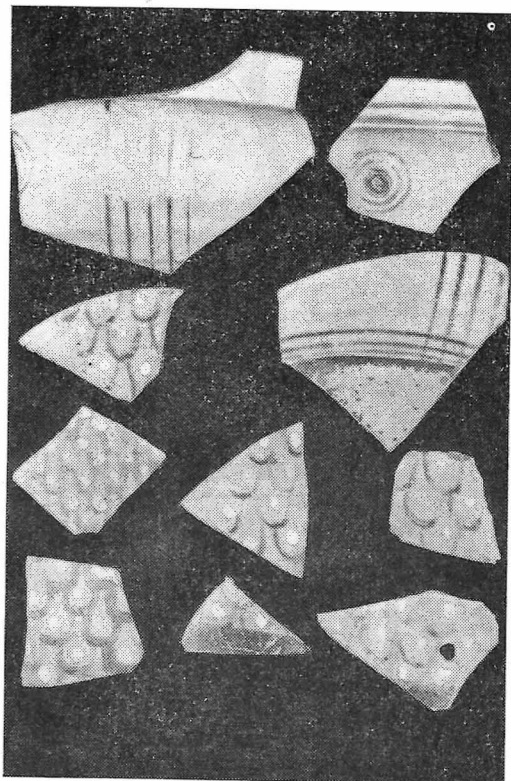
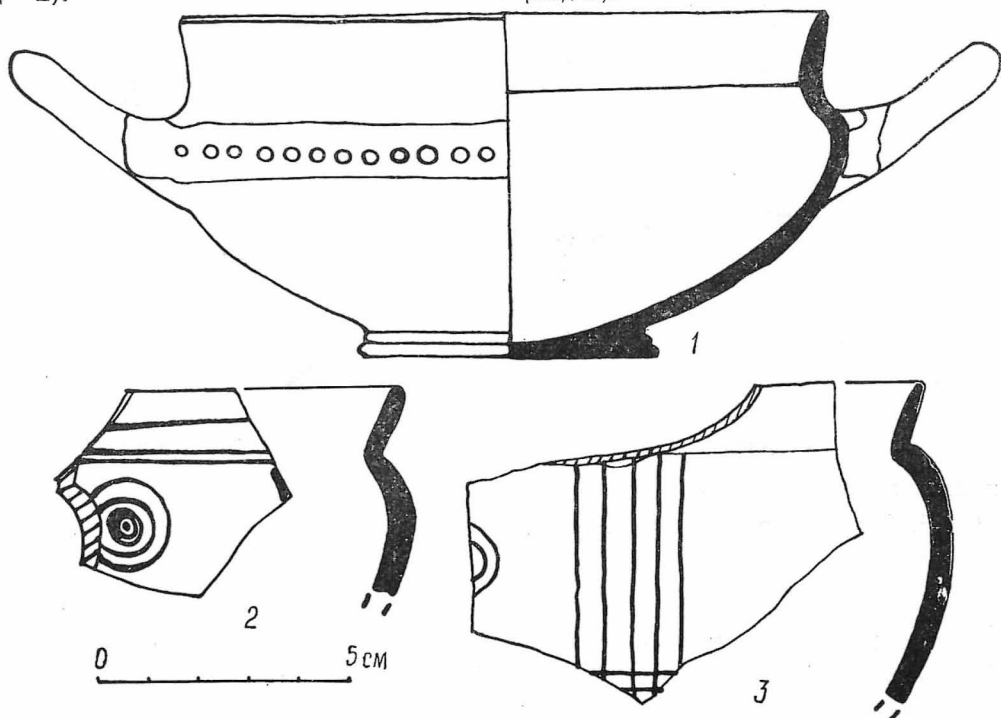

Рис. 10. Фрагменты ионийских киликов и клазоменских амфор из наиболее раннего стратиграфического горизонта памятника (период — Е).

суды. Как видно из перечня основных находок, керамический комплекс рассматриваемого периода синхронен и относится к последней четверти V в. до н. э. Следует также учитывать, что здесь не обнаружено ни одного фрагмента гераклейских амфор, заполнивших северо-причерноморский рынок с самого начала IV в. до н. э. Из этого вытекает, что рассматриваемый ярус относится ко времени не позднее рубежа V—IV вв. до н. э. К сожалению, хронология большинства впервые найденных монет Керкинитиды (стрелки и рыбки) определяется по описанному археологическому контексту. Не противоречит такой датировке и происходящая из этого яруса монетная серия города с изображением на лицевой стороне дельфина и первых двух букв этника на оборотной [Кутайсов, 1986 а], как и колесообразная истрийская монета.

Период Е. Поскольку ядро первоначальной апойки пока не открыто, а известна лишь ее периферия, наиболее ранний материал еще предстоит

Рис. 11. Фрагменты ионийских киликов VI в. до н. э. из заполнения полуземлянок и культурных отложений, сопряженных с ними (период Е).

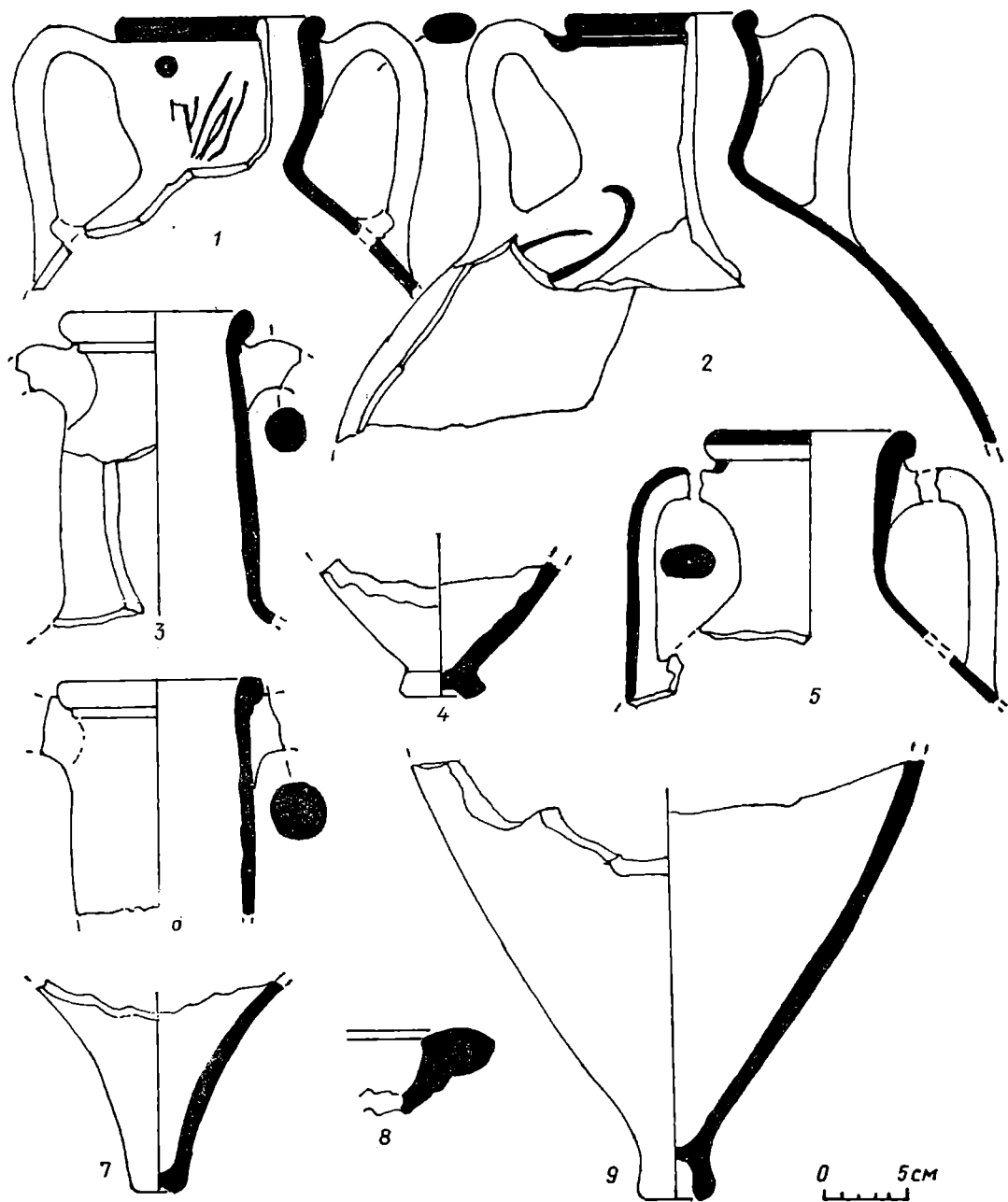

Рис. 12. Фрагменты амфор из заполнения полуземлянки I и культурных отложений, сопряженных с ней (период E).

1—2, 9 — Хиос; 3, 4 — амфоры с усеченно-коническим корпусом; 5 — Самос (?); 6 — Лесбос; 7 — амфора с «широкими полосами»; 8 — лутерий.

открыть. Тем не менее, отдельные находки второй половины VI в. до н. э. встречаются уже сейчас: это прежде все-

го несколько обломков ионийских киликов со смещенным краем и косо расположенной ручкой (рис. 10—11). Один из них сохранился почти полностью; вся его поверхность внутри и снаружи покрыта бурым лаком, а плечики сосуда украшены точечным орнаментом на фоне полосы не покрытого лаком черепка (11, 1). Аналогичный сосуд из

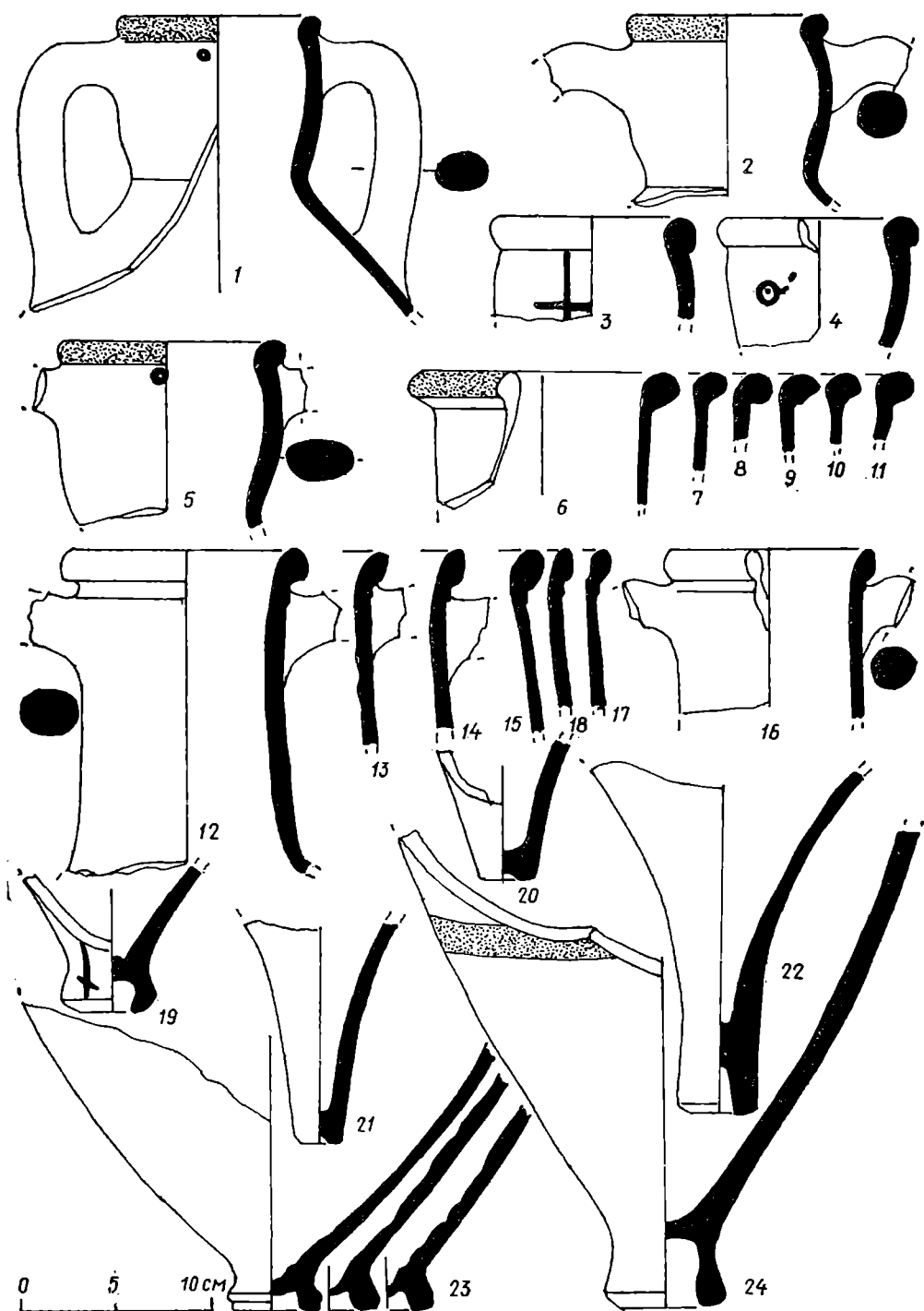

Рис. 13. Фрагменты амфор из культурных отложений, предшествовавших наземным постройкам Керкинитиды (период E).

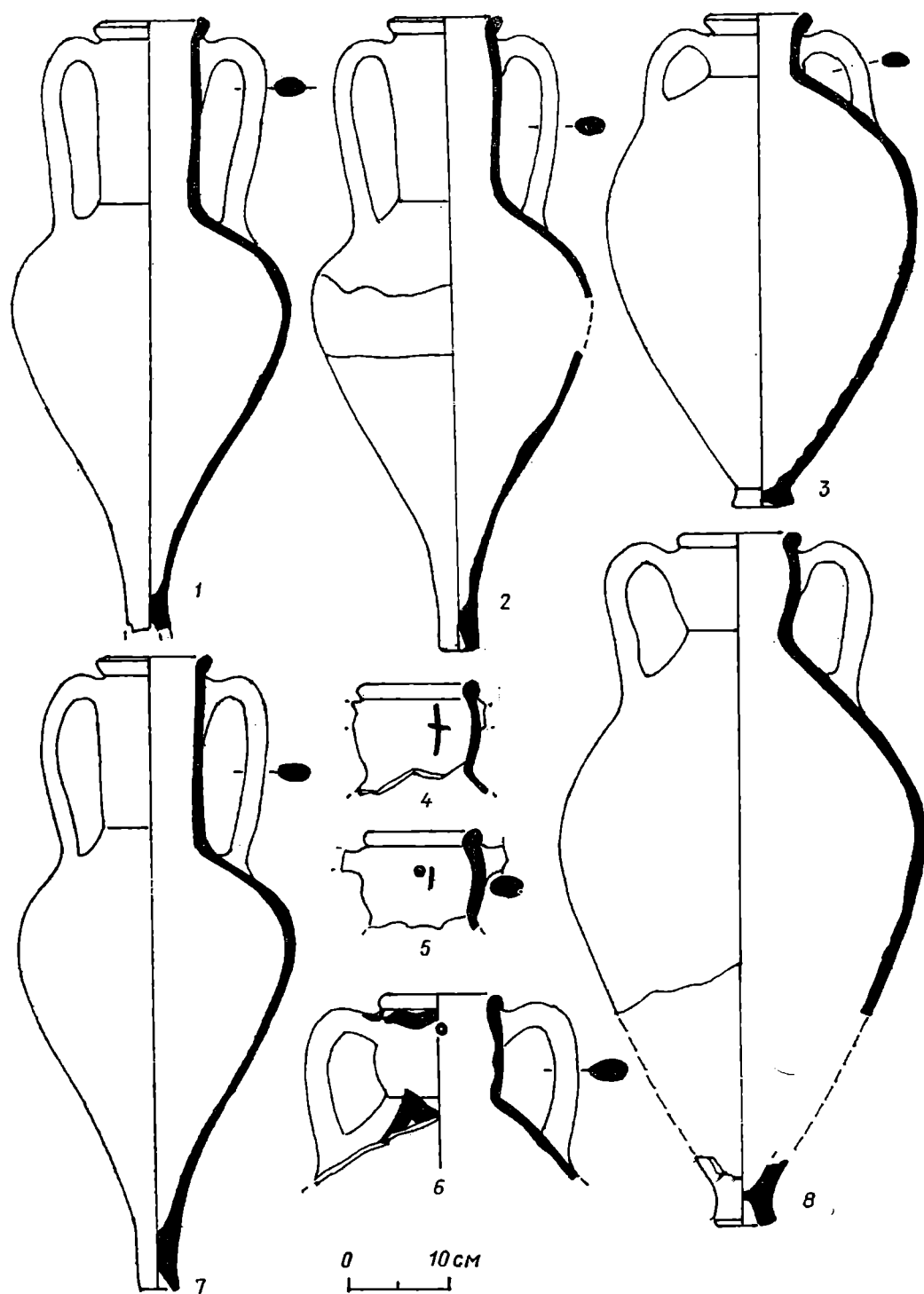

Рис. 14. Амфоры из нижних полов дома 24.

Ольвии Л. В. Копейкина датировала первой половиной — серединой VI в. до н. э. [1976, с. 133, рис. 2;] другой подобный предмет происходит из комплекса конца VI в. до н. э. [Русяева, Сазонова, 1986, рис. 4, 1]. Два других фрагмента киликов, расписанных лаком (узкими полосами и концентрическими кругами) (рис. 11), датируется второй половиной VI в. до н. э. [Сидорова, 1962, с. 145—146, рис. 21, 3]. К третьей четверти VI в. до н. э., вероятно, относятся осколки клазоменских амфор, украшенные чешуйчатым орнаментом [Шмидт, 1952, с. 234—235; Сидорова, 1962, с. 138].

Керамический комплекс в рассматриваемом стратиграфическом горизонте, который перекрывает первые землянки и предшествует наземным постройкам, типичен для поздней архаики 520—480 гг. до н. э. [Брашинский, 1984, табл. XXXI; Roberts, 1986, с. 62—72]. Здесь были представлены многочисленные фрагменты ранних пухлогорлых амфор с окрашенными в темно-красный цвет венчиками и всевозможными знаками в виде кругов, перекрестий, волнистых линий (рис. 12, 1—2, 9; 13, 1—5, 19), ножка, по всей видимости, самосской амфоры, относящейся ко времени не позднее 490 г. до н. э. [Grase, 1971, Pl. 15, 3], обломки до сих пор не атрибутированных (восточногреческий центр?) амфор с широкими полосами (рис. 12, 5; 13, 6—11, 24), амфор с усеченно-коническим корпусом и стаканообразными доньями (рис. 12, 3, 7; 13, 12—18, 20—22). Отсюда же проис-

ходят обломки сосудов (рис. 13, 23), получивших наименование протофасосских амфор или круга фасосских [Зеест, табл. VI, 16; VII, 16]. Крупные фрагменты амфор (в том числе и целые сосуды) были встречены на ранних полах дома 24 (рис. 14). Однако здесь уже появляются хиосские пухлогорлые амфоры второй четверти V в. до н. э. без дипинти. Следует также вспомнить найденное над полуземлянкой I горло лесбосской сероглиняной амфоры (рис. 12, 6), относящейся к 470—460 гг. до н. э. [Clinkenbeard, 1982, № 5].

Вся аттическая чернолаковая посуда, распределенная нами по материалам Афинской агоры, синхронна керамической таре и датируется первой четвертью V в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970], а наиболее поздние ее образцы относятся к 470—460 гг. до н. э. При датировке данного горизонта следует учитывать следующий важный факт: здесь не обнаружено ни одного фрагмента позднепухлогорлых амфор второй четверти V в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 15]. К сожалению, для абсолютной хронологии мы не можем привлечь находимые тут монеты — стрелки и рыбки, атрибутированные впервые. Последние, как уже сказано, датируются по сопутствующему им археологическому контексту.

Таким образом, ранний культурный горизонт Керкинитиды, непосредственно предшествующий урбанизации апойки, можно относить ко времени не позднее 470—460 гг. до н. э.

Глава III   ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Начало изучению фортификационных строений Керкинитиды было положено Л. А. Моисеевым, открывшим западную оборонительную линию города с остатками двух крепостных башен с примыкающими к ним куртинами (рис. 1—3). Башни — квадратной формы размерами 6×6 м и $5,4—5,5 \times 6$ м; их построенные вперевязь между собой стены — двухслойные шириной 0,7—0,75 м. Куртины — трехслойные шириной 1,5—1,7 м (рис. 15—16). Кладки башен и куртин — регулярные однорядные, выложены из хорошо выкадрованного с фасадов известняка. Их отличительной чертой является постепенное утолщение фундаментных рядов к подошве стен. Отсюда и незначительные отличия в толщине различных по сохранности участков крепостных линий. В одном месте отмечено более позднее утолщение куртины по сторонам башни 2 (до 2,55 и 3,1 м). Два небольших фрагмента куртин шириной 1,55 м обнаружены между упомянутыми выше башнями. Позже один из них был укреплен дополнительным поясом и стал достигать в толщину 2,3 м.

Возможно, остатки оборонительной линии открыты также в «пробном раскопе» на морском берегу, где под мощным слоем песка обнаружена массивная каменная кладка, ориентированная вдоль побережья. Она вполне могла являться крепостной стеной, ограничившей город со стороны моря [Архив ЛОИА, р. 1, № 128, л. 166]. Однако местоположение прибрежной оборонительной линии требует уточнения в силу того, что она обозначена только на сводном плане Карантинного мыса как раскопки прапорщика Млинарича;

крупномасштабный план стены, ее размер и обмеры фасадов отсутствуют. Все это пока оставляет данный вопрос открытым.

Проведенные работы послужили основанием для Л. А. Моисеева предложить эскиз реконструкции планировки всей оборонительной системы памятника, исходя из реально раскрытых фортификационных остатков и современной конфигурации Карантинного мыса (рис. 1). Эта условная схема, представляющая собой неправильный восьмиугольник, сохраняется до настоящего времени без существенных изменений [Архив ЛОИА, р. 1, № 730, № 5818]. Она послужила основой при вычислении площади Керкинитиды, определяемой в 7—8 га [Щеглов, 1976, с. 84; 1978, с. 57]. Однако, как показало дальнейшее археологическое изучение древнего города, предложенное Л. А. Моисеевым, восстановление оборонительной системы не точно, особенно в своей северо-восточной части, где крепостные сооружения никогда ранее не открывались; вычисленная же по его эскизу площадь памятника оказалась завышенной. Л. А. Моисеев рассматривал раскрытые им фортификационные сооружения как синхронные херсонесской присяге, относимой им к концу IV в. до н. э. [1918, с. 248, 258]; П. Н. Шульц датировал их второй половиной IV в. до н. э. [1941, с. 268].

В 1929 г. Л. А. Моисеев уточнил направление северной крепостной линии городища [Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, № 130, л. 5]. Она ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением к югу и располагалась на 20 м южнее предполагаемого раньше на-

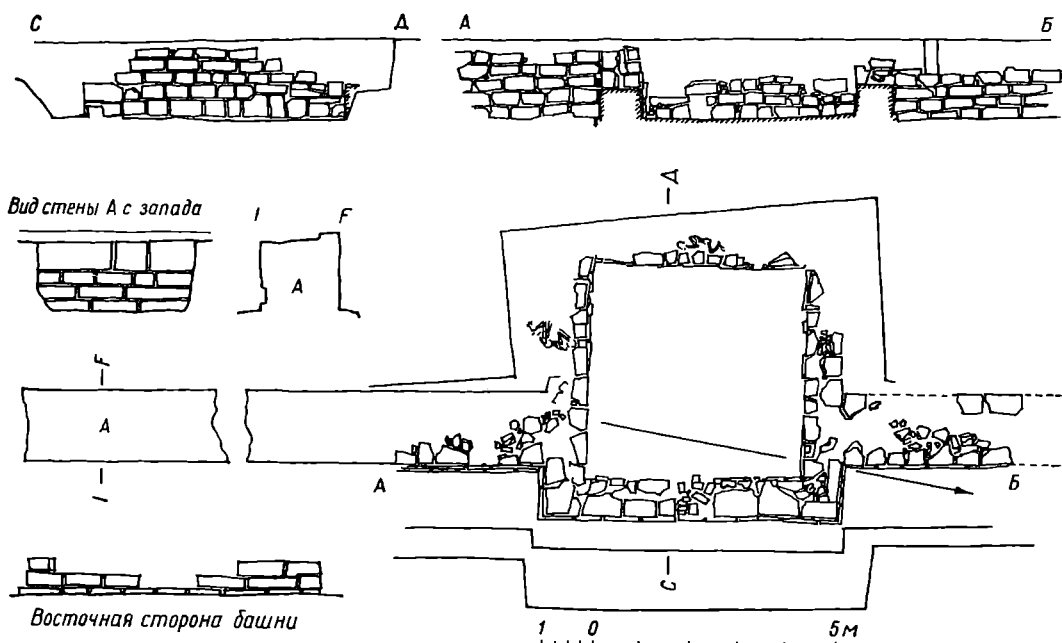
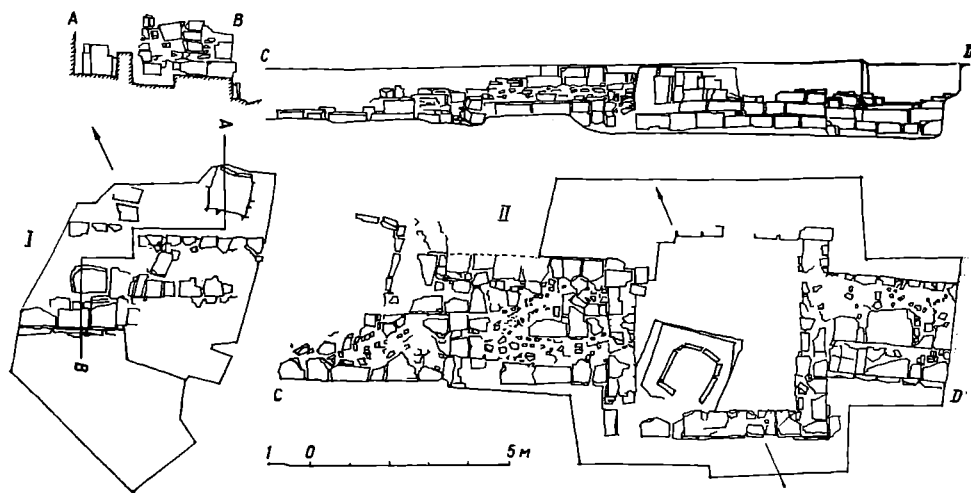

Рис. 15. Башня I, раскрытая Л. А. Моисеевым в 1917 г.

Рис. 16. Участки оборонительных сооружений Керкинитиды, раскрытые Л. А. Моисеевым в 1917 г.:

I — раскоп XXIV; II — раскоп XXXIV.

правления стены, в месте повышения рельефа местности (рис. 1). Насколько можно судить по архивным материалам (планам и разрезам), эта оборонительная кладка имела два строительных периода [Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, № 130, л. 27—43]. Фундамент ранней стены шириной 2 м установлен своей подошвой на плотно утрамбованный

вперемешку с глиной щебень (рис. 17). Он выложен с наружной стороны из трех рядов отесанных уложенных плашмя плит общей высотой 0,75 м, а с внутренней — из постелистого подтесанного на месте бута. Пространство между панцирями стены заполнено буютом на глиняном растворе. Лицевая часть кладки шириной 1,65 м установ-

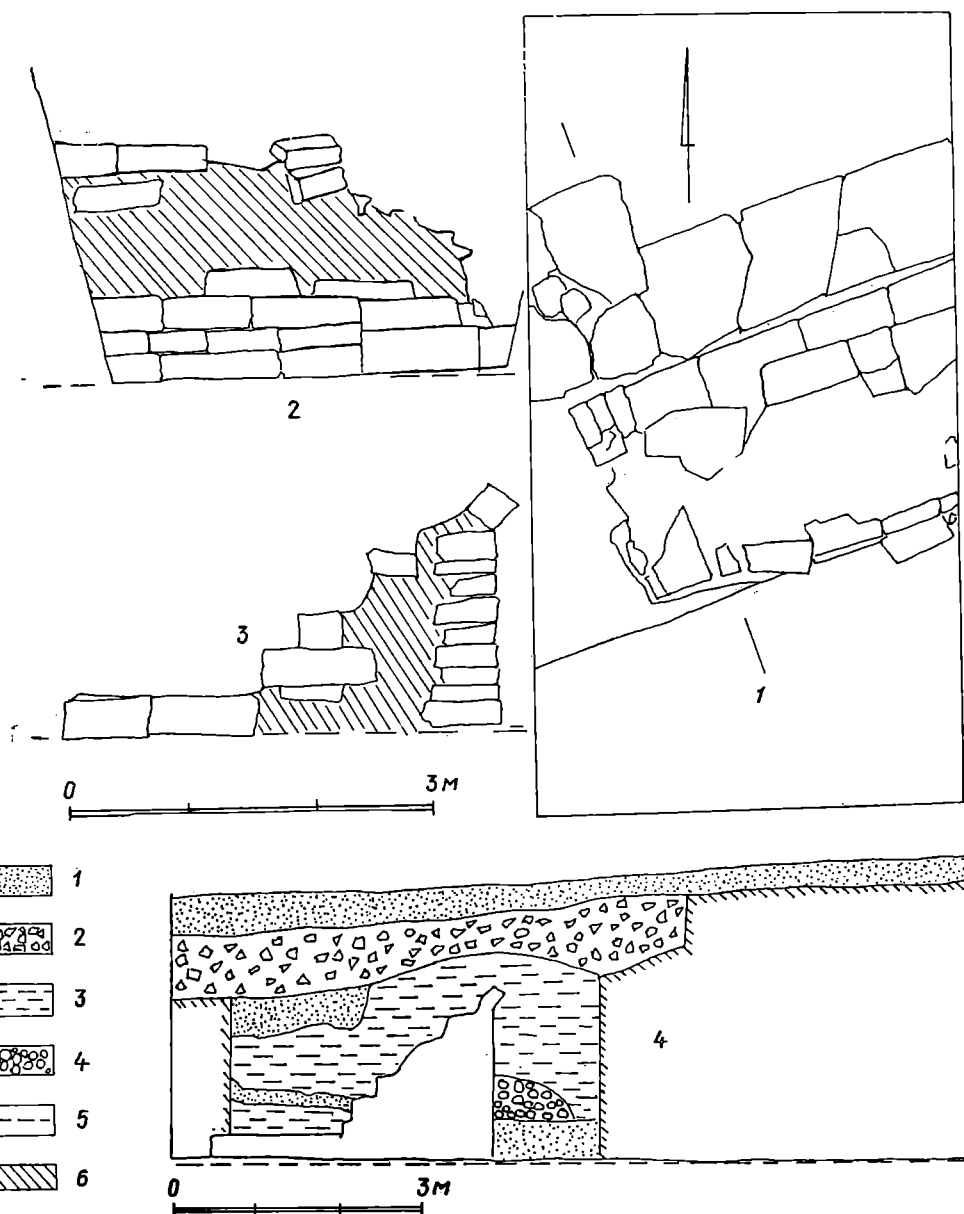

Рис. 17. Участок северной оборонительной стены Керчинитиды, раскрытый Л. А. Моисеевым в 1929 г. [Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, № 130, л. 98—99].

лена таким образом, что с ее фронтальной стороны на 0,35 м выступает цоколь, а с внутренней стороны такой выступ отсутствует. Во время второго строительного периода крепостная кладка была укреплена с внешней стороны дополнительным панцирем тол-

щиной 0,9 м, сохранившееся основание которого сложено из крупных стесанных плит известняка, то есть общая ширина стены в фундаменте стала достигать около 3 м. Кроме того, в западной части раскрытого участка отмечено утолщение цоколя стены до 3,65 м (рис. 17). Л. А. Моисеев связывал его с разрывом в кладке и камнем от дверной пяты, что, по его мнению, признак расположения здесь проема. Однако не

исключено, что описанное приспособление — остатки башенного выступа. В культурных отложениях над остатками стены обнаружен керамический материал III—II вв. до н. э. [Наливкина, 1934, с. 263]. Отметим также, что отсюда происходит родосское эпонимное клеймо Полиарата второй половины II в. до н. э. [1952, с. 529; 1963, с. 333, № 1; Шелов, 1975, с. 69, № 188—185].

На приложенном к отчету о раскопках 1929 г. плане Л. А. Мойсеев по-новому, исходя из современного ландшафта и реально открытого участка северной крепостной стены, реконструировал направление всей восточной оборонительной линии Керкинитиды, а следовательно, и очертания всего городища [Архив ЛОИА, 1929, ф. 2, оп. 1, л. 97]. Площадь города по этой безмасштабной схеме можно определить в 6—6,5 га. К сожалению, эти уточнения остались незамеченными современными исследователями (рис. 2).

В 1950 г. М. А. Наливкиной был открыт участок западной оборонительной линии, расположенный в створе с выявленной Л. А. Мойсеевым куртиной и башней I [1952, с. 114—115; Отчет за 1950 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, № 522]. Здесь на глубине 2 м от современной поверхности залегали остатки трехслойного каменного цоколя шириной 1,8 м, выложенного из плит с отесанными боковой и верхней гранями (рис. 3; 18, 1). От лицевой части стены открыта одна лишь плита, позволяющая говорить, что ширина верхнего участка ее достигала 1,6 м. Датировка этой крепостной кладки автором раскопок менялась в сторону ее удревления: от III до конца IV в. до н. э. [Соломоник, 1951, с. 233; Наливкина, 1952, с. 115; 1957, с. 266; 1963, с. 56]. Вместе с тем М. А. Наливкина отмечала, что подстилающий оборонительную кладку слой относится к началу IV в. до н. э. [1952, с. 115]. Это послужило А. Н. Щеглову основанием для датировки всей кладки временем не ранее второй четверти — середины IV в. до н. э. [1978, с. 57]. Однако непонятно, какие археологические материалы послужили аргумента-

ми для столь узкой датировки слоя. Приходится отметить прежде всего отсутствие здесь, судя по описи находок за 1950 г., характерных керамических находок, например, ранних гераклейских клейм и монет. Весь собранный М. А. Наливкиной не столь уж выразительный материал датируется более широко — в пределах первой половины — середины IV в. до н. э.

В 1980—1982 гг. на восточной окраине Керкинитиды открыты остатки трех разновременных крепостных стен (рис. 3). Перестройка оборонительной линии здесь была связана с перемещением их ближе к Евпаторийскому заливу, что каждый раз приводило к увеличению внутригородской территории. От наиболее ранней из них (конца первой трети V в. до н. э.) сохранились плиты порога калитки, ее юго-восточный откос и 11,5 погонных метров стены (рис. 19—22). Она — двухпанцирная, шириной от 1,25 до 1,48 м, ориентирована с севера — северо-востока на юг — юго-восток. Зафиксированная высота сооружения 1,9 м, причем его нижняя часть, на 0,8 м расположена ниже уровня грунтовых вод, а подшва кладки до настоящего времени не открыта. В наружном панцире стены поверх трех ложковых рядов кладки, толщиной 0,42—0,46, 0,20—0,24, 0,36—0,38 м (сверху вниз), установлены орфостаты высотой 0,76—0,78 м, длиной 0,6—1,1 м (рис. 20; 21, 2). Внутренний панцирь — полностью бутовый и сложен из разнообразного по размерам и очертаниям постелистого известняка, подтесанного с лицевой стороны в процессе строительства в иррегулярной системе. Пространство между панцирями плотно забучено камнем на глиняном вяжущем растворе (рис. 22). Абсолютно горизонтальная поверхность каменной кладки признак того, что она служила цоколем для возвышающейся над ним сырцовой стены, которая в данном случае не зафиксирована. В конце V в. до н. э. при переносе оборонительной линии города на 10,5—11 м северо-восточнее описанное фортификационное строение перестало выполнять свою первоначальную роль, а его северо-западный участок

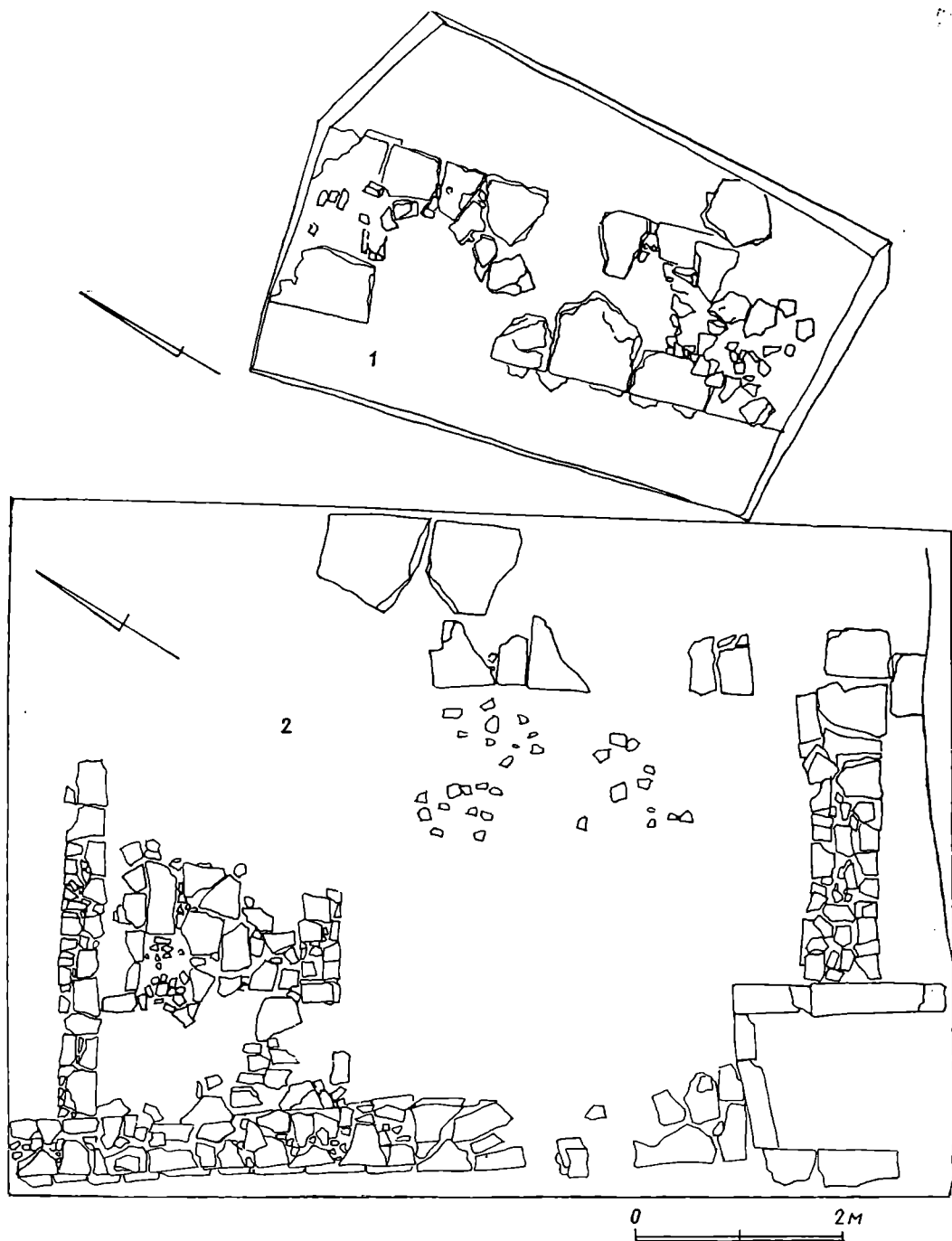

Рис. 18. Оборонительные сооружения Керкинитиды середины IV в. до н. э.:

1 — западный участок, раскрытый в 1950 г.; 2 — восточный участок, раскрытый в 1980 г.

(от упомянутой выше калитки и примыкающей к ней улицы) был пол-

ностью разобран до заглубленного в землю фундамента. При этом не удалось обнаружить остатков этой стены при раскопках 1982, 1984—1985 гг.

Вторая крепостная стена, протяженность открытой части 25,5 м, так-

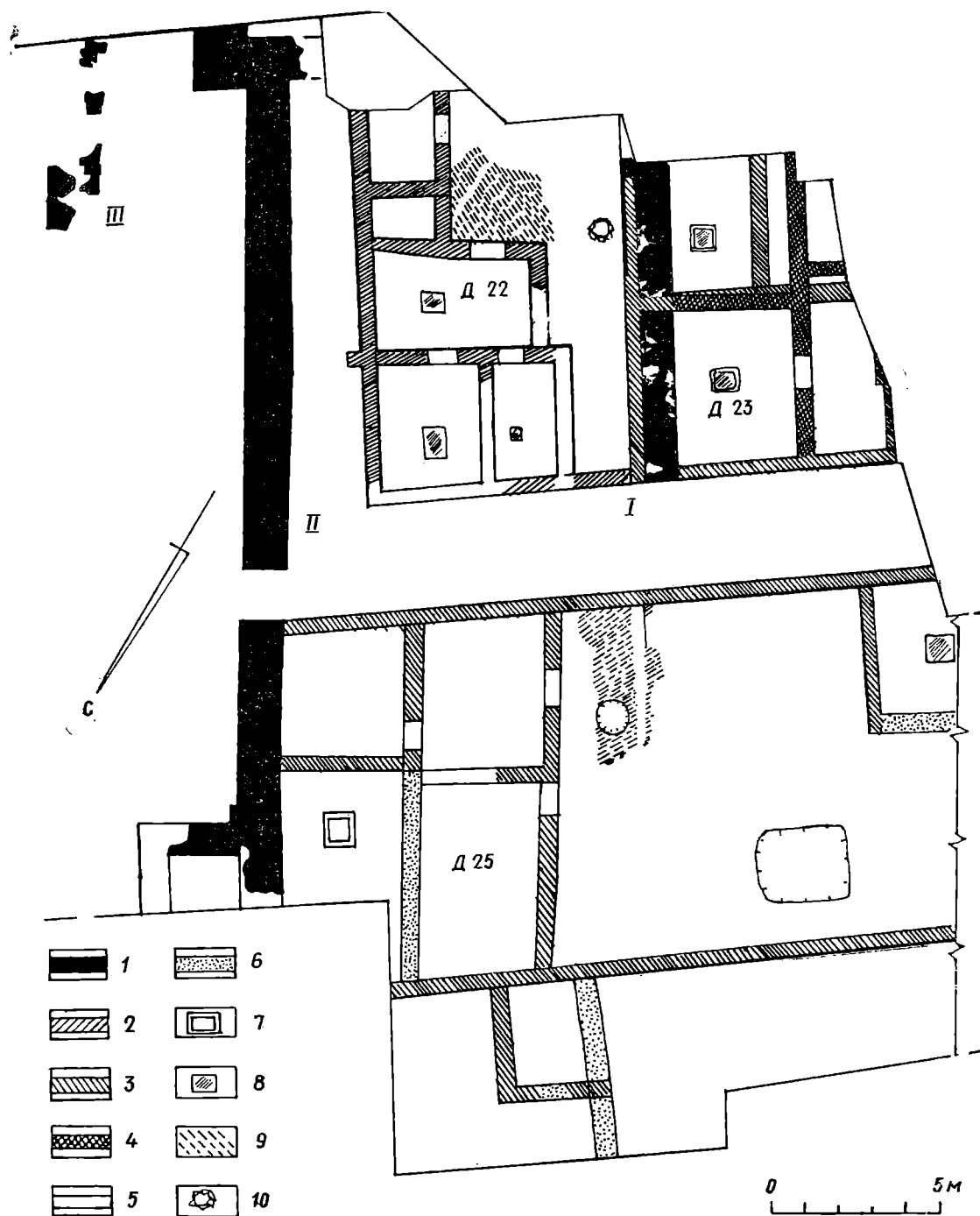

Рис. 19. Восточная окраина Керкинитиды с остатками трех разновременных крепостных стен:

I — оборонительная кладка конца первой трети V в. до н. э.; II — конца V в. до н. э.; III — середины IV в. до н. э. Спецификация: 1 — крепостные стены; 2 — строительные остатки начала IV в. до н. э.; 3 — строительные остатки конца V в. до н. э.; 4 — строительные остатки третьей четверти IV в. до н. э.; 5 — реконструируемые участки стен; 6 — песчаные основания; 7 — плитовые очаги; 8 — сырцовые очаги; 9 — вымостки; 10 — колодец.

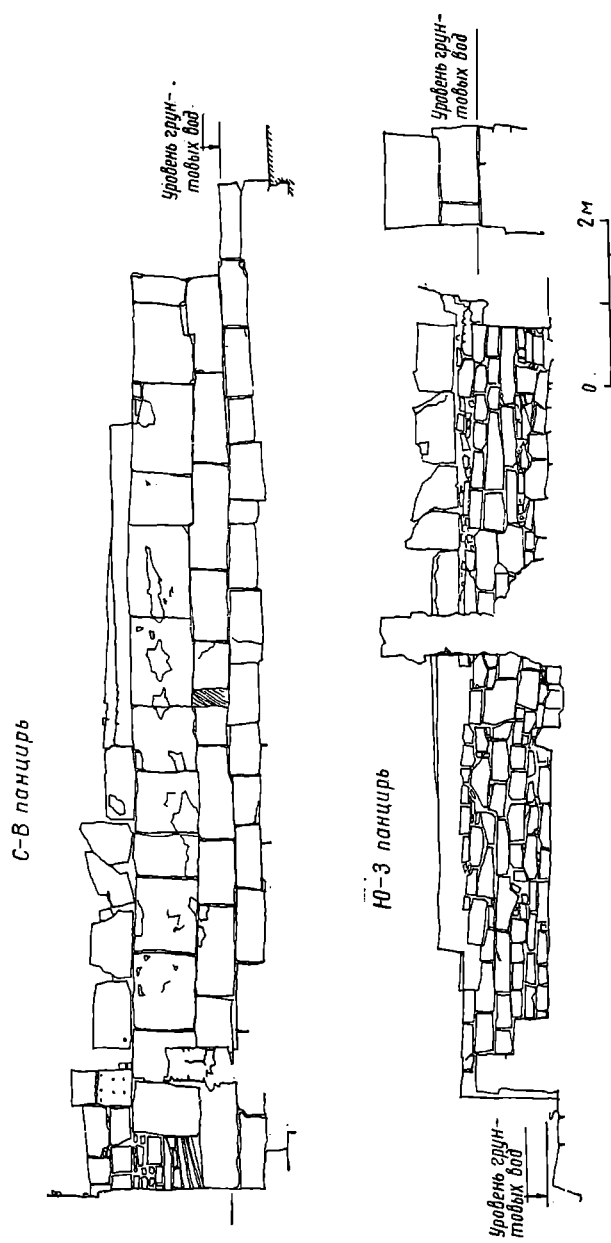

Рис. 20. Крепостная стена конца первой трети V в. до н. э. на восточной окраине Керкинитиды.

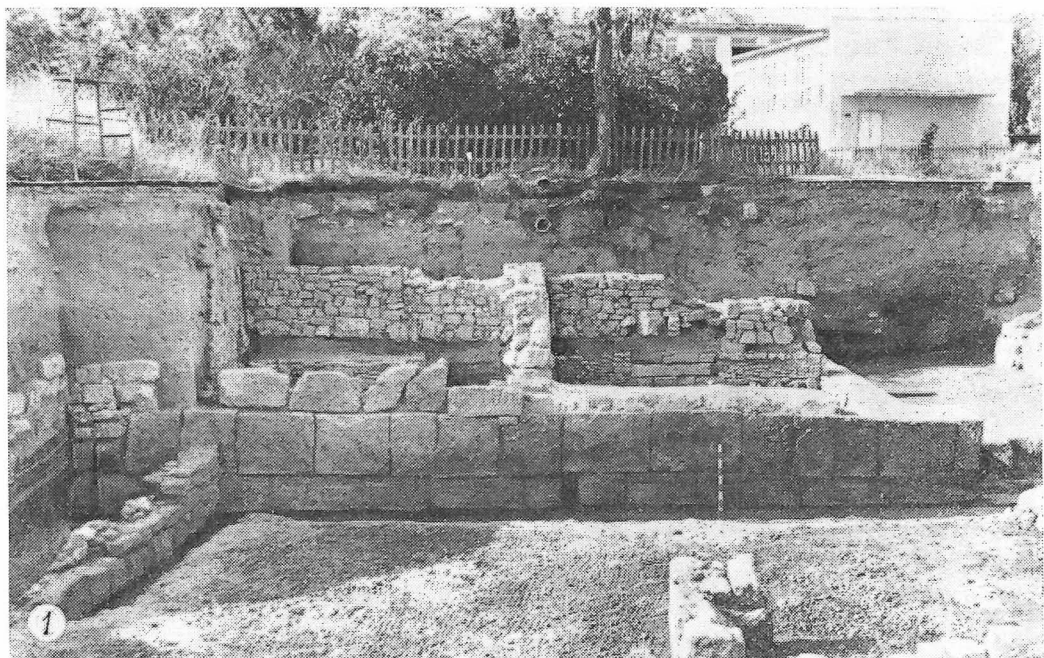

Рис. 21. Крепостная стена конца первой трети V в. до н. э. на восточной окраине Керкинитиды:

1 — вид с северо-востока; 2 — вид с севера.

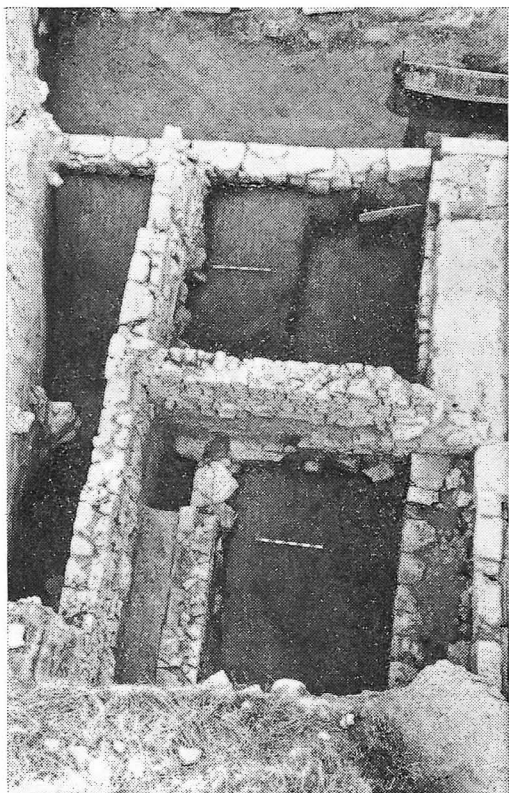

Рис. 22. Наиболее ранняя крепостная стена Керкинитиды, перекрытая более поздней жилой застройкой квартала (домами 23 и 15). Общий вид сверху.

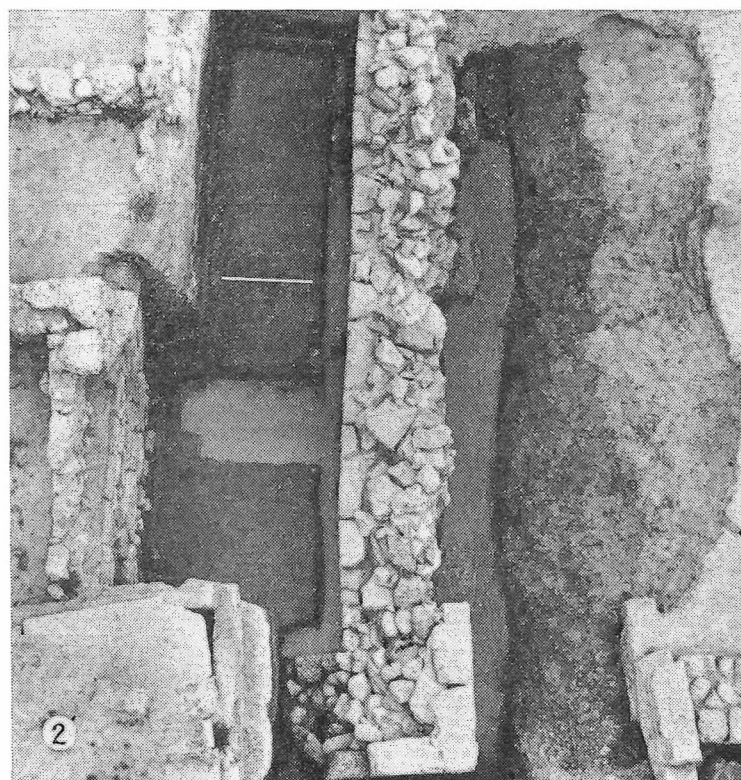
же двухпанцирная шириной 1,20—1,25 м, сохранившейся высотой до 1,56—1,58 м с плотной забутовкой на глине (рис. 23—26). При ее сооружении, вероятно, был использован вторично строительный материал из разобранных участков предыдущей крепостной стены, состоящий из штучного камня, при ее перестройке был также вторично почти полностью выбран (рис. 23, I) и вновь использован в новой оборонительной стене середины IV в. до н. э. Насколько можно судить по оставшимся *in situ* фрагментам, северо-восточный панцирь был выложен из рустованных прямоугольных блоков и орфостатов, нижний ряд которых установлен поверх тонкого цоколя. От лицевой части этой кладки сохранилось от двух до четырех рядов. У юго-восточного конца стены наблюдается чередование

рядов рустованных блоков и уложенных плашмя плит; в остальных случаях поверх двух ложковых рядов установлены орфостаты. Внутренний панцирь сложен в той же строительной технике, как и в более ранней оборонительной стене. Следует также отметить, что в кладке этого панциря, особенно в забутовке, встречено огромное количество экзотических (вулканических) пород, доставленных морским путем из Малой Азии в качестве корабельного балласта. Строго горизонтальная поверхность наиболее сохранившихся участков кладки убеждает в том, что она служила каменным цоколем сырцово-вой стены.

На раскрытом протяжении оборонительной стены находилось два проема (рис. 23, I): первый из них шириной 1,54 м в центре и, судя по небольшим размерам, являлся калиткой, в которую упиралась поперечная городская улица. В сложенных из рустованных блоков откосах калитки остались пазы для дверных засовов. От второго проема пока открыт один лишь северо-западный откос (рис. 26, 4), что не позволяет определить его настоящую ширину. Однако с внутренней стороны последнего находился пилон в ширину стены, что позволяет предполагать существование здесь не второй калитки, а ворот (рис. 24, 2).

Вскоре после сооружения второй крепостной стены с ее наружной (обращенной к бухте) стороны стал интенсивно накапливаться песок золотого происхождения. Таким образом, у стены, являвшейся искусственной преградой на пути перемещения берегового вала, образовался своего рода пандус, достигающий в высоту 1,7 м. Он значительно снизил обороноспособность крепостной линии. Песок также проникал через проемы и внутрь города. Все это потребовало срочных мер по обновлению крепостной кладки. Прежде всего, ворота были закрыты пристроенным к ним башенным выступом шириной 1,6 м, стены которого были выложены в нижней части из пиленых блоков, а внутреннее пространство плотно забучено камнем (преимущественно тяжелыми по весу изверженными

этого строения. Его внутреннее пространство было заполнено плотно утрамбованной глиной.

Описываемая оборонительная стена перекрывала северо-восточный край зольника конца V в. до н. э., что и позволяет надежно ее датировать указанным временем (рис. 9). Вскоре после возведения крепостной кладки участок с ее внутренней стороны был спланирован до одного уровня и застроен жилыми постройками. Причем с северо-восточной стороны поперечной городской улицы X жилые строения вплотную примыкали к оборонительной ограде (рис. 25), с противоположной стена отделялась от жилой застройки узким продольным переулком (шириной 2,2 м), соединяющимся с упомянутой выше поперечной улицей. Отметим и то обстоятельство, что пространство между двумя оборонительными стенами V в. до н. э. некоторое время пустовало и только позднее было застроено жилым домом.

Оборонительная линия третьего строительного периода была еще на 4,5 м вынесена восточней и установлена своей подошвой прямо на песок (рис. 24, 1). Она имеет то же направление, что и предыдущие фортификационные строения. От этой кладки осталось только несколько плоско лежащих плит основания толщиной 0,34 м. Оно двухпанцирное, шириной 1,68—1,70 м и заглублено полностью в грунт. Дневная поверхность времени строительства стены фиксировалась каменным стесом мощностью 0,2 м, перекрывавшим песок. Описываемая оборонительная кладка отделялась от остальной застройки города параллельной ей улицей, расположенной на некотором расстоянии от нее. Причем пространство между улицей и куртиной не было застроено. Здесь был открыт узкий мощный плитами проулок, одним своим краем соединяющийся с улицей, другим — упирающийся в оборонительную кладку (рис. 18, 2). Он, вероятно, ука-

зывает на то, что здесь находилась деревянная лестница, ведущая на боевую площадку стены.

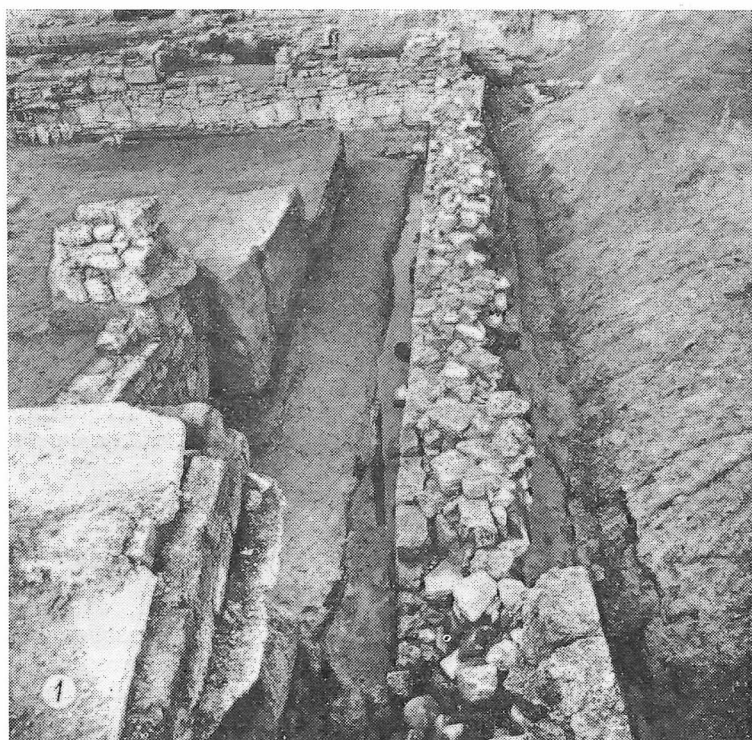
Как уже сказано выше, разрушение второй крепостной стены и сооружение третьей — взаимосвязанные процессы. Для датировки первого события мы располагаем археологическими материалами из культурных отложений, перекрывающих данное строение. Здесь найдены гераклейские клейма с одиночными именами первой — начала второй четвертей IV в. до н. э. — Аргея, Дионисия, Евридама (3 экз.), а также штамп с двумя именами — Сатира и Иона, Онаса и Кола, которые относятся ко второй — третьей четвертям IV в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 39]. Отсюда же происходят три бронзовые херсонесские монеты: первая 390—380 гг. до н. э. типа Дева — палица [Анохин, 1977, 1, 5], вторая — 375—350 гг. до н. э. с изображением Девы в венке на лицевой стороне и венка с палицей на оборотной [Там же, 1, 13—14]; третья — того же времени (обломок) типа голова быка — палица [Там же, 1, 11—12]. В отесе стены обнаружена еще одна херсонесская монета середины IV в. до н. э. типа лев — звезда [Там же, II, 27—32].

Приведенный выше материал позволяет датировать разрушение второй и сооружение третьей крепостных стен серединой IV в. до н. э. Сказанное подтверждается и тем фактом, что в перекрывающих кладку напластованиях отсутствуют фрагменты херсонесских амфор, производство которых было налажено в третьей четверти, а клеймение — в последней трети IV в. до н. э.

В октябре 1984 г. при ремонте трубопровода в узкой траншее был открыт наружный панцирь восточной оборонительной стены города (рис. 3). К сожалению, мы не имели возможности провести археологическое исследование данного участка обороны. Эта стена расположена в створе с описанной выше крепостной кладкой третьего строительного периода и, по всей видимости, пересекалась с оборонительной стеной, открытой Л. А. Моисеевым в 1929 г. В месте их стыка, вероятно, находилась северная угловая башня Керки-

Рис. 24. Восточная окраина Керкинтиды с остатками двух разновременных крепостных стен:

1 — первый этап раскопок, 1980 г.; 2 — крепостная стена конца V в. до н. э. 1982 г. Вид сверху.

нитида, обозначенная в современном рельефе небольшим всхолмлением, зафиксированным на плане 1915 г. От рассматриваемой стены было открыто только две рустованные плиты: одна плосколежащая в основании, перекрывающая орфостатно установленной плитой. Она сложена в той же строительной технике, что и кладка 1980 г. Все это и позволяет относить ее тоже к середине IV в. до н. э. Два отмеченных в различных концах городища участка фортификационных сооружений позволяют в данном случае реконструировать направление всей восточной оборонительной линии города.

В 1981 г. в центре Керкинитида была открыта оборонительная линия, пересекающая городище поперек, почти с запада на восток с небольшим отклонением к югу и северу (рис. 3; 23, III). При этом ее ориентация подчинена общей планировочной сети города. Возведению данного крепостного сооружения предшествовали нивелировочные работы. Так, с наружной северо-западной стороны открытой куртины были срезаны до их основания все постройки IV—III вв. до н. э. (рис. 28). Аналогичные мероприятия были выполнены и с противоположной стороны. Здесь на расстоянии 5,2—5,3 м от крепостной кладки были разобраны все имевшиеся там жилые строения, а само это пространство осталось незастроенным. В результате расположенный тут квартал значительно уменьшился в размерах.

Оборонительная стена во всю ширину раскрыта только на одном небольшом участке (рис. 27). В основном же открыт ее наружный северо-западный панцирь (рис. 23, III; 28—29), а в одном месте обнаружен и внутренний край юго-восточного панциря (рис. 28, 2). Стена — двухпанцирная шириной 2,65—2,70 м в лицевой части и около 3 м в своем основании. Она на три ряда кладки (до 1 м) заглублена в грунт. Пространство между панцирями плотно забутовано разнокалиберным камнем на глине (рис. 27, 1; 28, 2). От ее

паземной части сохранились один, местами два, ряда кладки (0,75 м). В поперечных стратиграфических срезах четко вырисовывалась траншея под фундамент стены. Верхний край этой траншеи вместе со строительным стесом, отложившимся в процессе подтеки блоков на месте при их установке, фиксирует дневную поверхность времени ее возведения. Обращает на себя внимание и тот факт, что каждый нижний ряд камней с лицевой стороны на 5 см выступает из-под блоков, лежащих выше; причем при их укладке строго выдерживалась линия, заранее прочерченная по предыдущему ряду (вдоль его края) острым инструментом. Сама эта черта в момент раскопок хорошо просматривалась. Таким образом стена к своему основанию утолщалась. Она выложена из хорошо отесанных в лицевой части рустованных блоков с выдержанной порядовкой. Наружный панцирь сохранился максимально в высоту пяти рядов кладки (до 4,6 м). По всей видимости, лицевая часть оборонительной стены представляла собой чередующиеся ряды камней, уложенных плашмя и поставленных на ребро плит, по двухрядной простой орфостатной системе. Ряды кладок обоих панцирей строго горизонтальны. Тычковые камни в панцирях почти не встречаются, из-за чего нет необходимой связи между забутовкой и облицовкой. Не объясняется ли этот недостаток тем обстоятельством, что оборонительная кладка возводилась слишком поспешно и при отсутствии достаточного числа квалифицированных мастеров?

Для датировки сооружения крепостной ограды особенно важна ручка херсонесской амфоры с клеймом астинома Ксенокла, сына Апполы (215—200 гг. до н. э.) [Кац, 1985, с. 111, № 7], обнаруженная во внутреннем заполнении стены. Спустя некоторое время данный участок оборонительной кладки был почти полностью выбран до фундамента с целью добычи хорошего штучного камня: в стратиграфических срезах ясно видна траншея над ее остатками, выходящая на скифскую дневную поверхность.

Рис. 25. Восточная крепостная стена конца V в. до н. э. Вид с востока и севера.

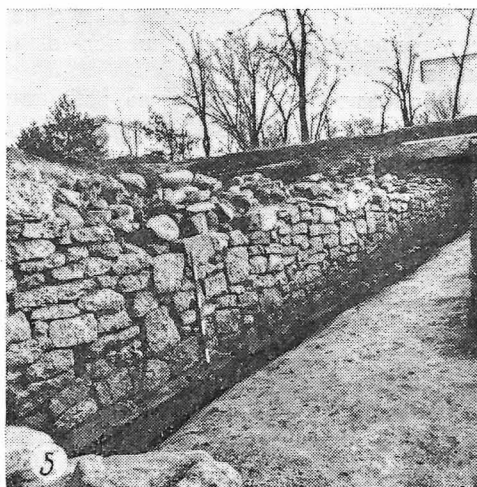
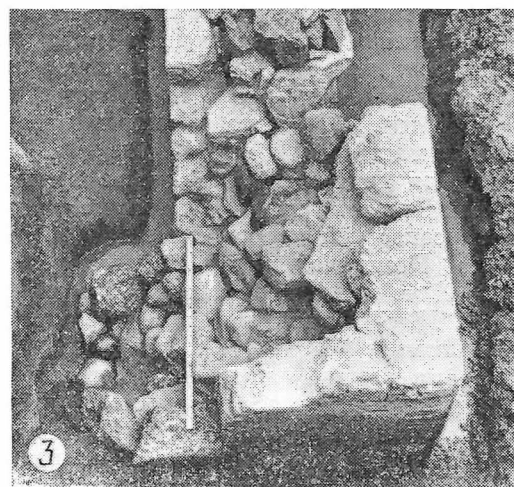
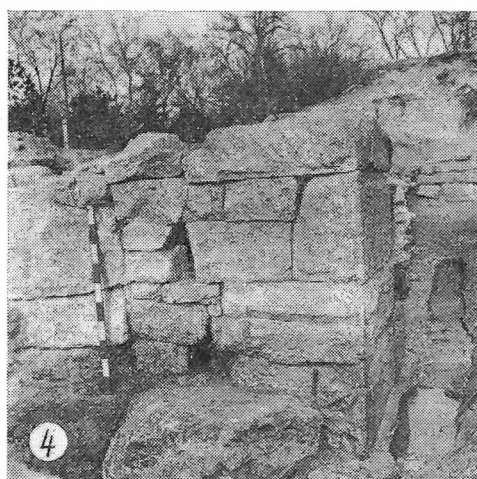
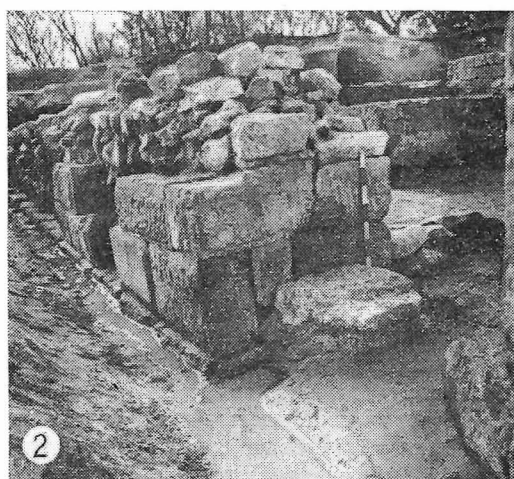
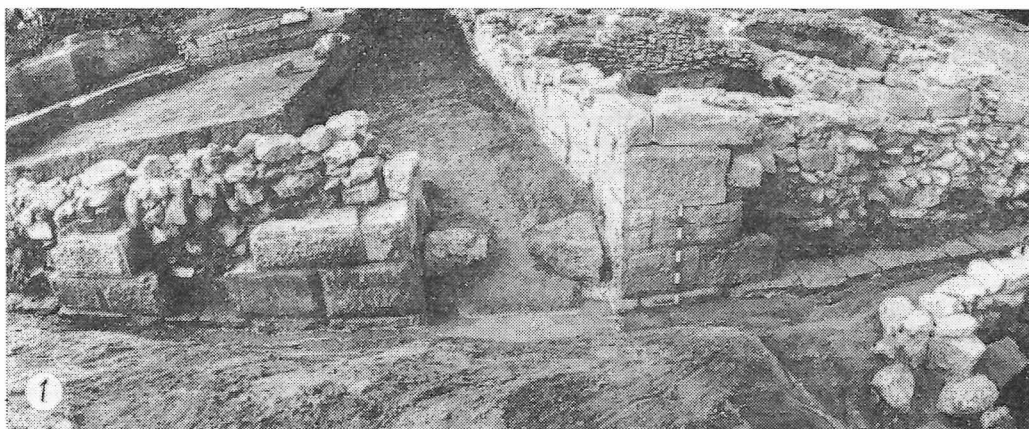

Рис. 26. Восточная крепостная стена конца V в. до н. э. Общий вид и детали:
 1 — калитка в стене; 2—3 — торцы калитки; 4 — пилон проема ворот в стене; 5 — внутренний палицадь, оборонительной кладки.

Таким образом, в результате археологических исследований Керкинитиды открыты следующие остатки оборонительных строений: на северной линии — участок куртины, возможно, с основанием башни, на западной — несколько участков стен с двумя башнями; на восточной — три разновременных одинаково ориентированных куртины, фиксирующие непрерывное расширение городской территории за счет освоения побережья Евпаторийской бухты. Здесь же открыты вылазная калитка и предполагаемые ворота, остатки двух башенных выступов. Наиболее проблематичным в настоящее время остается местоположение южной крепостной стены: раскрытая на берегу моря на незначительном протяжении массивная каменная кладка не позволила (и, вероятно, не без оснований) Л. А. Моисееву уверенно назвать ее оборонительной [Архив ЛОИА, р. 1, 1916, № 128, л. 166]. Тем не менее, направление данной линии обороны, судя по современному ландшафту, не вызывает особых затруднений и на схеме Л. А. Моисеева в целом обозначено правильно. Другое дело, является ли упомянутая каменная кладка на побережье реальными остатками стены или принадлежит какой-нибудь иной городской постройке?

Сопоставление всех полученных данных, с одной стороны, уже сейчас позволяет очертить в принципе древнее городище, определить его конфигурацию, с другой — позволяет существенно скорректировать схему реконструкции планировки оборонительной системы Керкинитиды, предложенную Л. А. Моисеевым. Уточнения прежде всего требует местоположение восточной крепостной линии, ранее никогда не раскапывавшейся. Нельзя также согласиться с реконструкцией направления оборонительной стены в западном углу городища: скорее всего, она здесь продолжалась к западу в створе куртины с башней 2, а не поворачивала строго на север, как обозначено на плане Л. А. Моисеева.

С целью выполнения уточненной реконструкции общей системы обороны города, выяснения последовательности

ее формирования и развития рассмотрим особенности строительной техники и конструкции этих фортификационных сооружений, а также вопрос об их синхронности. При этом будем исходить из существующей в настоящее время классификации фортификационных сооружений. Так, Ф. Винтер на основании конструктивных особенностей разделит все оборонительные строения античных городов на три основные группы: 1) сырцовые стены на каменном цоколе; 2) стены, в которых куртины и нижняя часть башен были каменными, а зубцы и верхняя часть башен — из кирпича и дерева; 3) полностью каменные стены. Последние составляют большинство городских укреплений, построенных после 400 г. до н. э. [Winter, 1971, с. 59]. Большие трудности вызывает выделение конструкций первого типа из-за отсутствия, как правило, каких-либо остатков сырцовых кирпичей. Главным их отличительным признаком, по мнению названного автора, следует признать абсолютно горизонтальную и на значительном протяжении каменного цоколя поверхность (как его фасада, так и внутреннего заполнения). В ином случае каменная кладка имела бы неровную поверхность, а часть выломанных из нее блоков осталась бы возле стены [Winter, 1971, с. 70]. Высота аналогичных оснований достигает 1—1,5 м. Согласно предложенной Ф. Винтером классификации, рассмотрим остатки фортификационных сооружений Керкинитиды.

Среди них к V в. до н. э. относятся две стены на северо-восточной окраине города — одна конца его первой трети, другая — конца столетия. Они не имели глубокого фундамента (до 0,5 м). Поскольку же оба их панциря и забутовка завершаются строго горизонтально, можно уверенно предполагать, что верхняя часть кладок была сырцовой и обмазана глиной [Thuc., III, 20, 3]. Принимая во внимание небольшую толщину стен (1,2—1,4 м), можно предположить, что ее боевые площадки выступали внутрь города и были сделаны из брусьев и толстых досок в соответствии с рекомендациями Филона Ви-

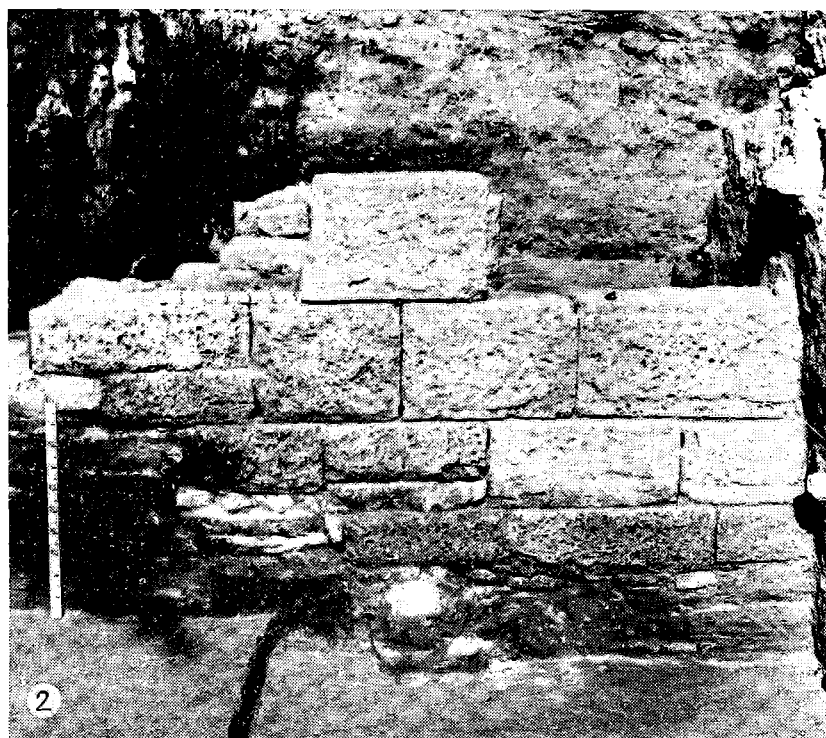

Рис. 27. Крепостная стена III в. до н. э.:
1 — вид сверху; 2 — юго-восточный панцирь стены.

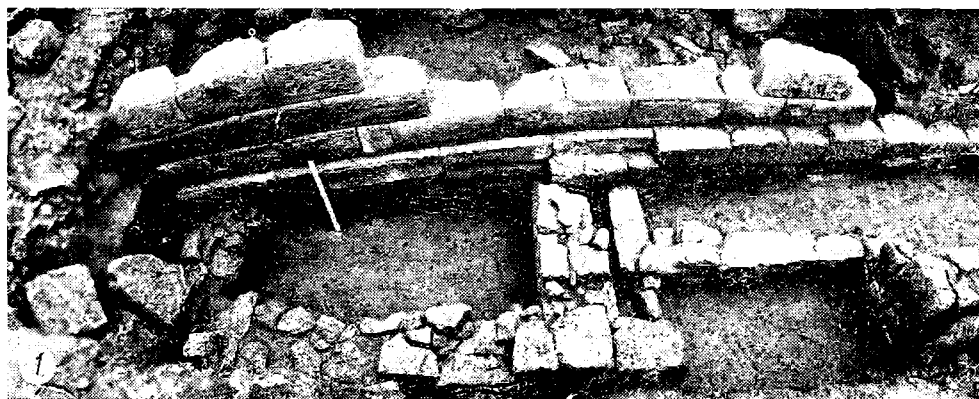
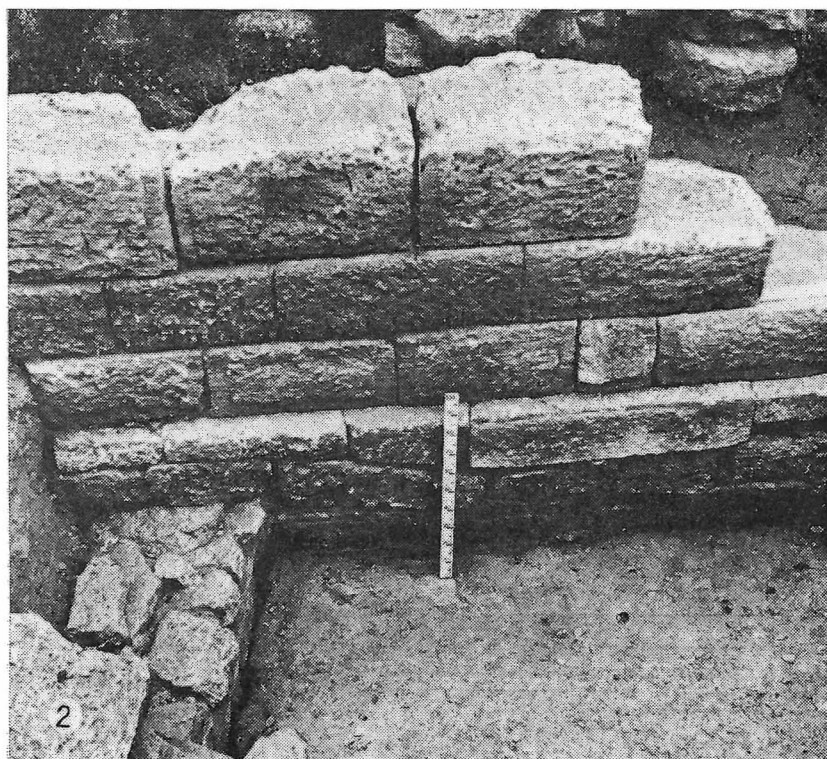
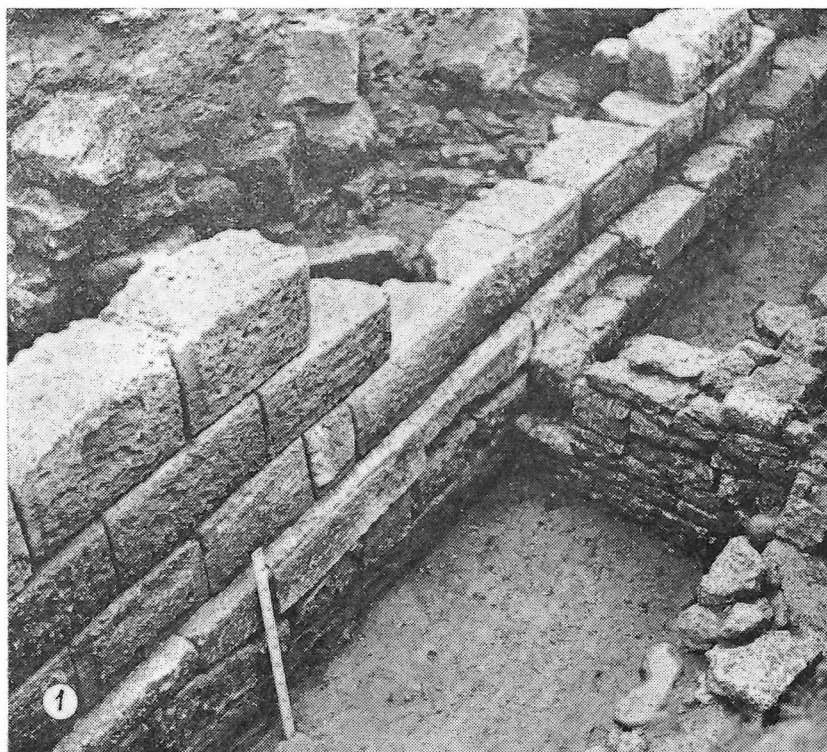

Рис. 28. Крепостная стена III в. до н. э.:

1 — северо-западный внешний панцирь стены (вид с северо-запада); 2 — остатки внутренней забутовки (вид сверху); 3—4 — остатки жилой застройки, свивелированной при возведении стены, вид с юга и запада,

зантийского [Philo., с. 3—5]. Перестройка крепостной линии на восточной окраине города была связана в конце V в. до н. э. не с изменившимися требованиями к фортификационным сооружениям, а с необходимостью расширения внутрикрепостного пространства, то есть диктовалась решением чисто градостроительных проблем. Более того, стена конца V в. до н. э. в незначительной степени по своей мощности (толщина кладки, высота цоколя) уступала предыдущей постройке, что, вероятно, могло быть связано с уменьшением свободного для маневрирования противника пространства между оборонительной линией и уровнем моря.

Все раскрытые участки крепостных стен середины IV в. до н. э. в различных районах Керкинитиды — шириной 1,5—1,8 м (в зависимости от сохранившейся высоты кладок) — имеют заглубленный в землю фундамент (от 0,7 до 0,9 м) и выложены из отесанных блоков известняка, значительная часть которого была позже выломана скифами. Все они не имеют выровненной верхней плоскости, а это, в свою очередь, позволяет предполагать, что оборонительная кладка была полностью каменной. Строительный материал для этого мог легко добываться на небольшой глубине сразу же за пределами города, где имеются обильные выходы известняка*.

Совсем иной характер был у стены III в. до н. э., перегораживающей город в его центральной части, толщиной 2,7 м. Ее панцири конструктивно равнозначны и выложены из одинаковых по величине рустованных блоков. Они имеют глубокий фундамент (до 1 м), что не позволяет без учета других факторов определить ее фронтальную и тыльную стороны. Эта кладка, вполне очевидно, была полностью каменной.

* Техника добычи известняковых блоков в настоящее время хорошо известна благодаря открытию античного карьера вблизи поселения Чайка в Евпатории [Яценко, 1985, с. 378].

Рис. 29. Внешний панцирь оборонительной стены III в. до н. э. Детали. Вид с севера и северо-запада.

Как видно из приведенной выше характеристики оборонительных кладок (все они трехслойные), на протяжении V—III вв. до н. э. наблюдается их конструктивное усовершенствование и не только за счет увеличения их толщины (сначала от 1,2 до 1,5—1,8 м, а затем и до 2,7 м), но также изменения самой их структуры — переход от сырцово-каменных конструкций к полностью каменным. Последнее, в свою очередь, потребовало сооружения глубоких, в зависимости от высоты стен, ленточных фундаментов глубиной до 1 м. Изменения затронули также фасады стен. Для оборонительных кладок V в. до н. э. отмечено устойчивое различие строительной техники их панцирей: наружные сложены по двухрядным простым орфостатным системам с использованием хорошо отесанных и подогнанных друг к другу блоков, внутренние — в однорядной постелистой системе из преимущественно рваного «по слою» бута, подтесанного на месте в процессе строительства. Панцири стен IV в. до н. э. в основном однотипные. Они выложены по однорядной ложковой постелистой системе, реже — простой орфостатной (к сожалению, на чертежах 1917 г. графически изображены только наружные фасады кладок). И, наконец, наиболее совершенна в конструктивном отношении стена III в. до н. э., панцири которой в лицевой части выложены по двухрядной простой орфостатной системе и по однорядной ложковой системе в траншейных фундаментах*.

Касаясь возможной высоты куртин и характера их завершения, отметим следующее. Филон Византийский рекомендует делать крепостные стены толщиной 4,6 м и высотой около 9 м, чтобы неприятель не мог взбираться на них при помощи приставных лестниц [Philo., 3, 1—2]. Учитывая небольшую толщину оборонительных кладок Керкинитиды и устройство под ними не столь уж глубоких ленточных фундаментов, можно предполагать, что их высота вряд ли превышала 6—7 м.

* Характеристика систем кладок дана по С. Д. Крыжицкому [1981, с. 35—41].

Следует также отметить, что за все время раскопок крепостных сооружений этого памятника не обнаружено ни одного каменного мерлона. Следовательно, стены не имели зубцов или могли быть выложены из небольших плит и сырцовых кирпичей. Последнее предположение мало вероятно, так как сырцовый парапет легко размывается атмосферными осадками. К тому же зубчатый парапет не является обязательной принадлежностью куртины [Philo., 3, 1].

Оборонительная система Керкинитиды на всех этапах ее существования состояла из чередования куртин и башен. Последние квадратной в плане формы, выступами вперед. По своим пропорциям и толщине кладок стен они совпадают с большинством аналогичных как городских, так и сельских укреплений IV в. до н. э. в Греции и Северном Причерноморье [Стрежелецкий, 1961, с. 88, 90, 113; Гайдукевич, 1952 а, с. 140; 1952 б, с. 112, рис. 49; Щеглов, 1978, с. 58, рис. 26; Winter, 1971, с. 172; Jones, 1974, с. 308—310; Wycherley, 1978, с. 17]. Такие башни получили особенно большое распространение с конца V — начала IV вв. до н. э. [Winter, 1971, с. 157—158]. А. Н. Щеглов допускал, что общее количество башен по всему периметру укреплений Керкинитиды (протяженностью 1,2 км) составляло не менее 12, при высоте 10—12 м каждая [1978, с. 57].

Этот вопрос, однако, не может быть пока окончательно решен, поскольку расстояние между двумя башнями, открытыми в 1917 г., более 100 м. Однако такая значительная протяженность куртин, предложенная Л. Н. Щегловым, вряд ли возможна. Судя по рекомендациям Филона Византийского [Philo., 8, 6], а также существующей в реальности практики наиболее оптимальным представляется расстояние между башнями порядка 50—60 м.

На основании отдельных раскрытых участков стен и башен с учетом современного антропогенного рельефа мы предлагаем следующую поэтапную реконструкцию оборонительной системы Керкинитиды.

Следует прежде всего отметить, что конкретных данных для восстановления фортификационной системы города на первом этапе недостаточно в силу слабой изученности не только оборонительных стен, но и всего раннего горизонта памятника. Тем не менее, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предполагать, что первоначальное укрепление могло занимать площадь около 3,2—3,7 га. Открытие культурного слоя конца V в. до н. э. практически во всех раскопах разных лет (1917, 1952, 1980—1986 гг.) дает основание считать, что Керкипитида уже в это время стала занимать территорию не менее 4,2—4,3 га*. Однако из оборонительных сооружений указанного времени пока открыт только участок восточной стены. Кроме того, на западной окраине города в современном рельефе наблюдается резкий перепад высот (до 2 м), не совпадающий по направлению с более поздней крепостной стеной IV в. до н. э. Это позволяет реконструировать тут западную оборонительную линию V в. до н. э. Она, судя по всему, имеет выдержанное направление на значительном протяжении с юга на север (с небольшим отклонением). Последнее было связано с существованием в античную эпоху лимана с этой стороны Керкинитиды. Современный ландшафт позволяет предполагать, что в более позднее время крепостная стена, утратившая свое оборонительное назначение, могла использоваться в качестве подпорной крепи: иначе очертания городища были бы здесь более плавленными.

К середине IV в. до н. э. оборонительная система Керкипитиды полностью перестраивается на основе новых фортификационных приемов. Последнее было связано с изменившейся

---

* Постройки конца V в. до н. э. были зафиксированы Л. А. Моисеевым в нижнем горизонте раскопок XIV, XIII 1917 г. [1918, с. 252, 259]. Как теперь выяснилось, они являются пока самыми крайними северо-западными постройками Керкинитиды. Вместе с тем обращает на себя внимание тот странный факт, что на расположенном рядом участке раскопок В. Ф. Штифтар культурные отложения указанного времени не отмечены [Шульц, 1941, с. 269].

в это время тактикой обороны и осады крепостей (использование таранов, воронов, «черепахи», метательных и осадных машин и многое другое). Так, на западной границе Керкинитиды вместо прямого участка стены V в. до н. э. возводятся две расходящиеся под углом 145° крепостные куртины с башнями. Аналогичные изменения, по всей видимости, коснулись и северной линии оборонительных сооружений. В пользу этого свидетельствуют очертания современного рельефа. Северный и восточный углы городища сейчас фиксируются всхолмлениями, отмеченными на крупномасштабных съемках и представляющих собой, очевидно, остатки угловых башен. Как видно на плане города, на восточной окраине Керкинитиды направление оборонительной линии IV в. до н. э. почти не отличалось от более ранней, что, вероятно, объяснялось близостью Евпаторийской бухты. В предлагаемых границах территория Керкинитиды в IV в. до н. э. могла составлять около 5,3 га, а оборонительная система — представлять собой замкнутый многоугольник с периметром около 0,8—1 км, сужающийся в центре.

Указанная перестройка оборонительных строений по системе «косых куртин» была вызвана не столько стремлением увеличить городскую территорию, сколько диктовалась новыми требованиями, предъявлявшимися к долговременным инженерным укреплениям. Это было связано прежде всего с отказом от прямого приступа крепостей как единственного средства их взятия, переходом к широкому использованию инженерной осадной техники [Arist., Pol., VII, 10, 6] и как ответная реакция обороны — замена фронтального обстрела неприятеля более эффективным фланкирующим, устройство вылазных калиток и т. д. [Мишулин, 1940, с. 385]. Последнее обстоятельство вызвало необходимость изменения не только направления, но и самой структуры оборонительных сооружений: вместо сырцово-каменных крепостных стен возводятся полностью каменные с мощными заглубленными фундаментами.

Указанные перемены в строительной технике и конструкциях укреплений в самой Греции произошли на рубеже V—IV вв. до н. э. [Winter, 1974, с. 69, 77], что свидетельствует о довольно быстром внедрении в Северном Причерноморье основных достижений фортификационного зодчества. В связи со сказанным возникает вполне закономерный вопрос: против кого была построена новая оборонительная система Керкинитиды? Как известно, скифы в IV в. до н. э. не обладали соответствующими навыками осады и взятия укреплений. К более позднему времени (периоду скифо-херсонесских войн) относится факт сооружения дополнительных поясов, а следовательно, и применения скифами таранов* [Щеглов, 1978, с. 74]. Иными словами, активное укрепление Керкинитиды в середине IV в. до н. э. было рассчитано прежде всего на защиту города от врагов, владеющих тогдашней передовой военной наукой, то есть эллинов. Единственным полисом, угрожающим Керкинитиде, мог быть только бурно развивающийся в то время Херсонес.

В конце III в. до н. э., как сказано выше, поперек городища, в самом узком месте, была сооружена наиболее мощная оборонительная кладка. При этом, как видно на сводном плане города, она своим западным краем примыкала к одной из башен, открытой Л. А. Моисеевым в 1917 г. С этой же стороны на крупномасштабной съемке видны следы траншеи от выборки из нее камня, полностью совпадающей по направлению с крепостной стеной. По всей видимости, и восточный край этого сооружения примыкал к еще одной городской башне, которую предстоит открыть. Таким образом, город был разделен на две приблизительно равные части: южную, площадью около 2,3 га, и северную, площадью около 3 га.

---

* Изображение тарана известно среди граффити на стенах здания II в. н. э. Неаполя Скифского [Дашевская, 1982, с. 182; Соколовский, 1971, с. 79]. Кроме того, на основании находок двух известняковых ядер со сбоями А. Н. Толстиков допускал возможность использования скифами и метательных орудий [ПЭЭ, 1985, Дискуссия, с. 418].

После этих весьма капитальных фортификационных работ город продолжал, вероятно, существовать по обе стороны от новой поперечной оборонительной линии. В пользу сказанного свидетельствует, во-первых, усиление дополнительными поясами крепостных линий к северу от упомянутой стены, во-вторых, непрерывное использование расположенных здесь жилых построек вплоть до второй половины II в. до н. э. [Моисеев, 1918, с. 252; Шульц, 1941, с. 269]. И, наконец, при реконструкции оборонительных сооружений в III в. до н. э. остро ощущалась необходимость в использовании северных крепостных стен. В пользу сказанного говорит сама логика оборонительной тактики. Иначе город с прямым участком куртины на наиболее доступной стороне становился бы уязвимым для неприятеля. С другой стороны, сам факт возведения поперечной крепостной стены посреди города является результатом того, что захват Керкинитиды скифами в III в. до н. э. уже стал живой реальностью для ее жителей. Именно исходя из такой возможности и было найдено данное архитектурно-инженерное решение: при прорыве неприятелем первой (северной) оборонительной линии население Керкинитиды могло укрыться в южной части укрепления, локализовав тем самым прорыв противника и заставив его вести боевые действия в невыгодной для него обстановке — в условиях узких, с многочисленными тупиками, улиц и плотной жилой застройки, с искусственно создаваемыми завалами внутри нее, препятствующими дальнейшему продвижению врага, его маневрированию. Тем временем гарнизон города мог продержаться до прихода основных сил из Херсонеса.

Одновременно с возведением новой оборонительной линии в III в. до н. э., как справедливо отмечали М. А. Наливкина [1963, с. 56] и А. Н. Щеглов [1978, с. 57], были значительно укреплены (путем пристройки с наружных сторон дополнительных поясов) другие

наиболее уязвимые участки крепостных стен. Толщина куртин стала достигать 2,5—3 м. К сожалению, мы не можем подробно охарактеризовать технику кладок этих пристроек, так как от них сохранились лишь цокольные ложковые ряды, уложенные поверх фундаментного ряда. Однако и это позволяет предполагать, что, по крайней мере, в основании пристроенные пояса совпадают по технике кладки с первоначальными стенами [Сравни: Архив ЛОИА, р. 1, № 730, № 5618].

Выше, исходя из наблюдений над стратиграфией памятника, было высказано предположение о том, что город оставлен жителями в результате реальной угрозы его захвата силой. В этой связи любопытно вспомнить не лишенную смысла догадку Ю. Г. Виноградова о том, что Керкинитиды, Калос-Лимен и другие укрепления херсонесской хоры были захвачены Скилуrom с помощью осадной техники. В качестве обслуживающих ее специалистов могли привлекаться греки с Боспора, имеющего династийные связи со скифской царской семьей [Виноградов, 1987, с. 86]. В таком случае проводимые обитателями Керкинитиды мероприятия по усилению своих оборонительных систем не были лишены основания.

Таким образом, на основании изучения известных в настоящее время различных участков крепостных сооружений, как открытых раньше, так и в последние годы, стала возможной реконструкция всей оборонительной системы Керкинитиды на основных этапах ее формирования. Рассмотрен также процесс перестройки оборонительных строений, их постепенное конструктивно-инженерное совершенствование, сначала путем усложнения реально существующих фортификационных сооружений, а затем и заменой их принципиально новыми строениями. Анализ оборонительных укреплений Керкинитиды убеждает в том, что они реально отражают постепенные перемены в военном зодчестве античного времени.

Глава IV ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ V—II вв. до н. э.

Строительные остатки жилых построек Керкинитиды открыты на трех исследованных в разные годы участках городища: в западной части в 1917 г., центральной — в 1952 г. и в восточной — в 1980—1982, 1984—1986 гг. (рис. 2—4). Причем в первых двух случаях из-за небольших размеров раскопок удалось зафиксировать незначительные фрагменты жилых строений, которые не позволяют восстановить полностью планировку хотя бы одного городского дома. Совсем иначе обстоит дело с памятниками архитектуры на участке раскопок последних лет (рис. 30—34). Здесь удалось в разных градостроительных горизонтах раскрыть 25 жилых зданий, планировка большинства из которых (16) реконструируется полностью или с большой долей вероятности. Таким образом, в нашем распоряжении оказалась целая серия жилых ансамблей классического и эллинистического времени, позволяющая выявить не только общие черты, но и особенности, тенденции развития. Появилась и уникальная возможность проанализировать динамику внутренней застройки одного из городских кварталов Керкинитиды на протяжении значительного промежутка времени, рассмотреть ее трансформацию в связи с изменявшимися потребностями домовладельцев и многими другими причинами.

Жилые дома V в. до н. э. Культурные отложения V в. до н. э. наиболее древние из исследованной территории памятника. Они залегают на глубине 3,7—5,0 м от современной дневной поверхности и перекрыты плотной, хорошо сохранившейся город-

ской застройкой более позднего времени, что лишает нас возможности открытия их на всей площади. Как сказано выше, первое строительство здесь осуществлялось на песке. В наивысшей точке участка раскопок 1980—1986 гг. впервые за все время изучения памятника были открыты остатки двух заглубленных в песок и, вероятно, прямоугольных в плане полуземлянок (до 0,7—1 м), нижняя часть которых в настоящее время расположена ниже современных грунтовых вод. От первой из них сохранился только восточный угол. Однако в поперечном стратиграфическом разрезе был виден северный край котлована, вырытого перед строительством полуземлянки. Таким образом, она, вероятно, была шириной 2,9 м (определить ее длину не удалось). Стены описываемого сооружения в своей нижней части были сложены в следующей строительной технике: поверх шести бутовых рядов каменной кладки общей высотой 0,50 м установлена сырцовая стена, сохранившаяся местами в высоту шести рядов. Размер сырцовых кирпичей 0,32—0,34×0,33—0,36 м, толщина 0,07 м.

От второй полуземлянки, расположенной немного северо-восточнее описанного выше строения, был открыт лишь южный угол (рис. 35). К сожалению, остальная ее часть почти полностью уничтожена при последующей застройке участка. Ее ширина 2,8 м. Каменный цоколь постройки, состоящий из трех бутовых рядов, был перекрыт однослойной сырцовой кладкой, сложенной из кирпичей размерами 0,45—0,47×0,24 м, при толщине 0,07 м. Западный угол полуземлянки был от-

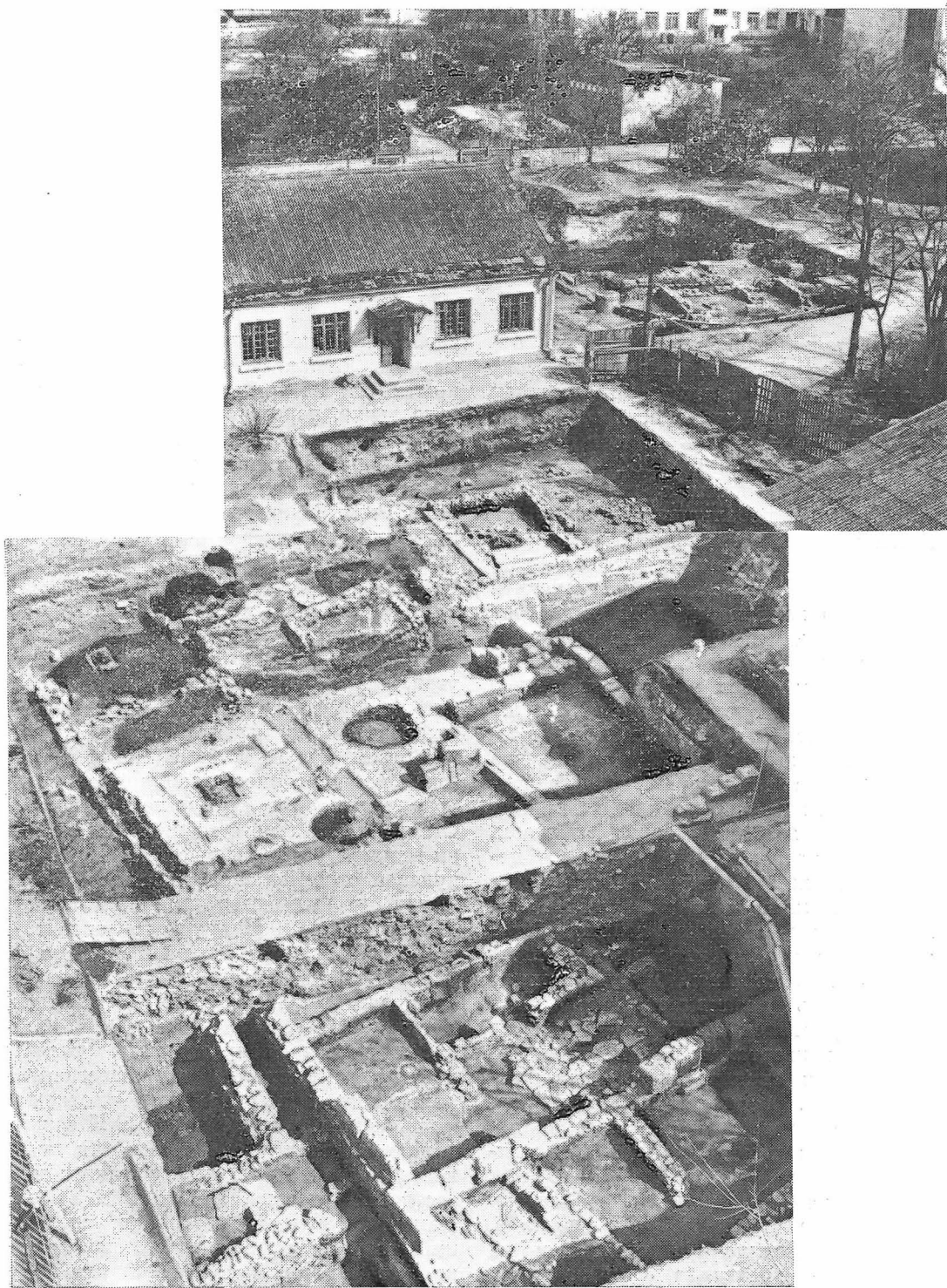

Рис. 30. Общий вид участка раскопок в первый год археологического исследования памятника экспедицией ИА АН УССР, 1980 г. Вид с запада.

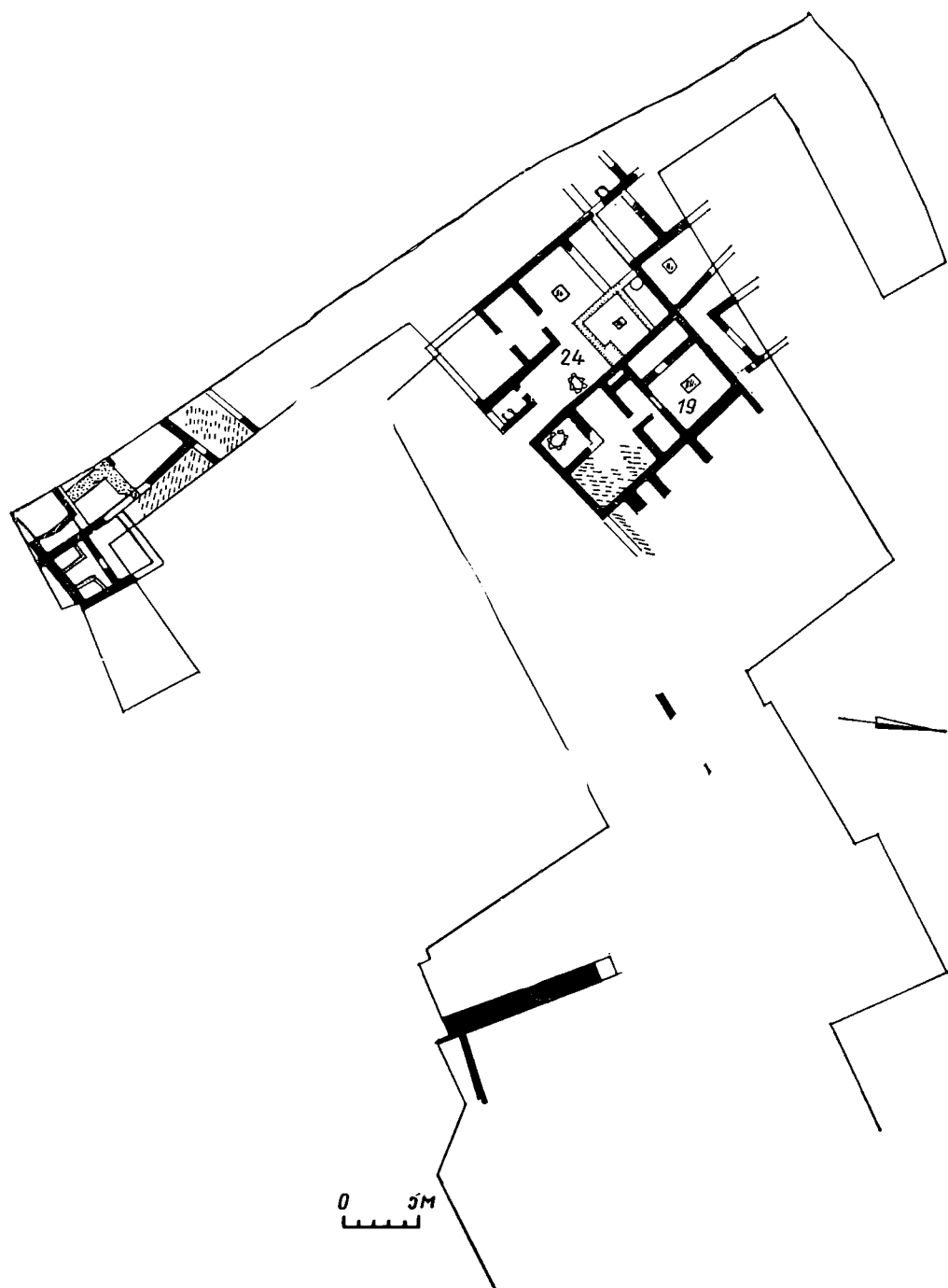

Рис. 31. Первый градостроительный горизонт Керчинитиды — рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э. Условные обозначения см. на рис. 32.

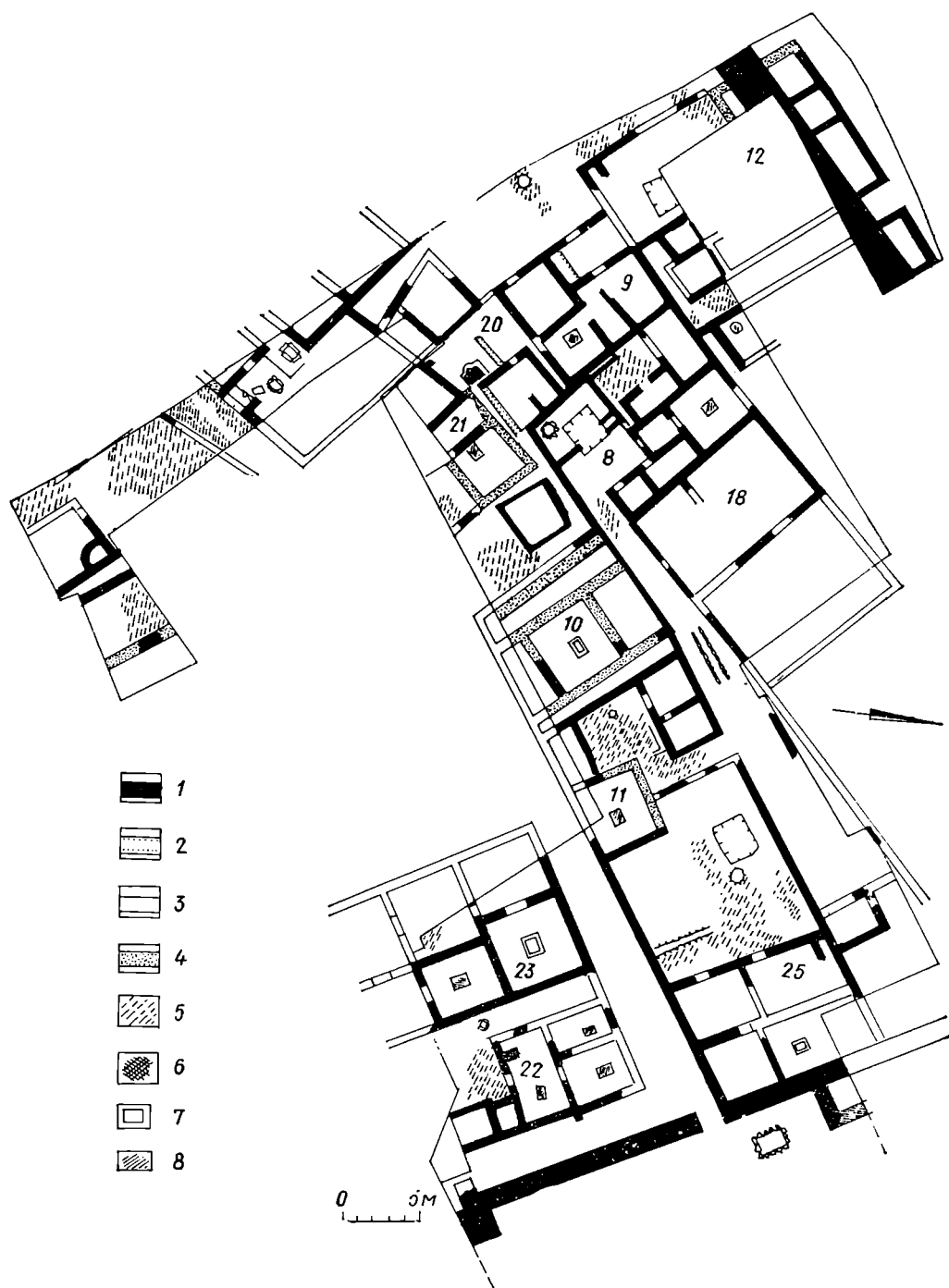

Рис. 32. Второй градостроительный горизонт Керкинитиды — конец V в. до н. э. Спецификация:

1 — сохранившиеся стены; 2 — сырцовые стены; 3 — реконструируемые участки стен; 4 — песчаные основания; 5 — вымостки; 6 — известковый раствор; 7 — каменные очаги; 8 — сырцовые очаги.

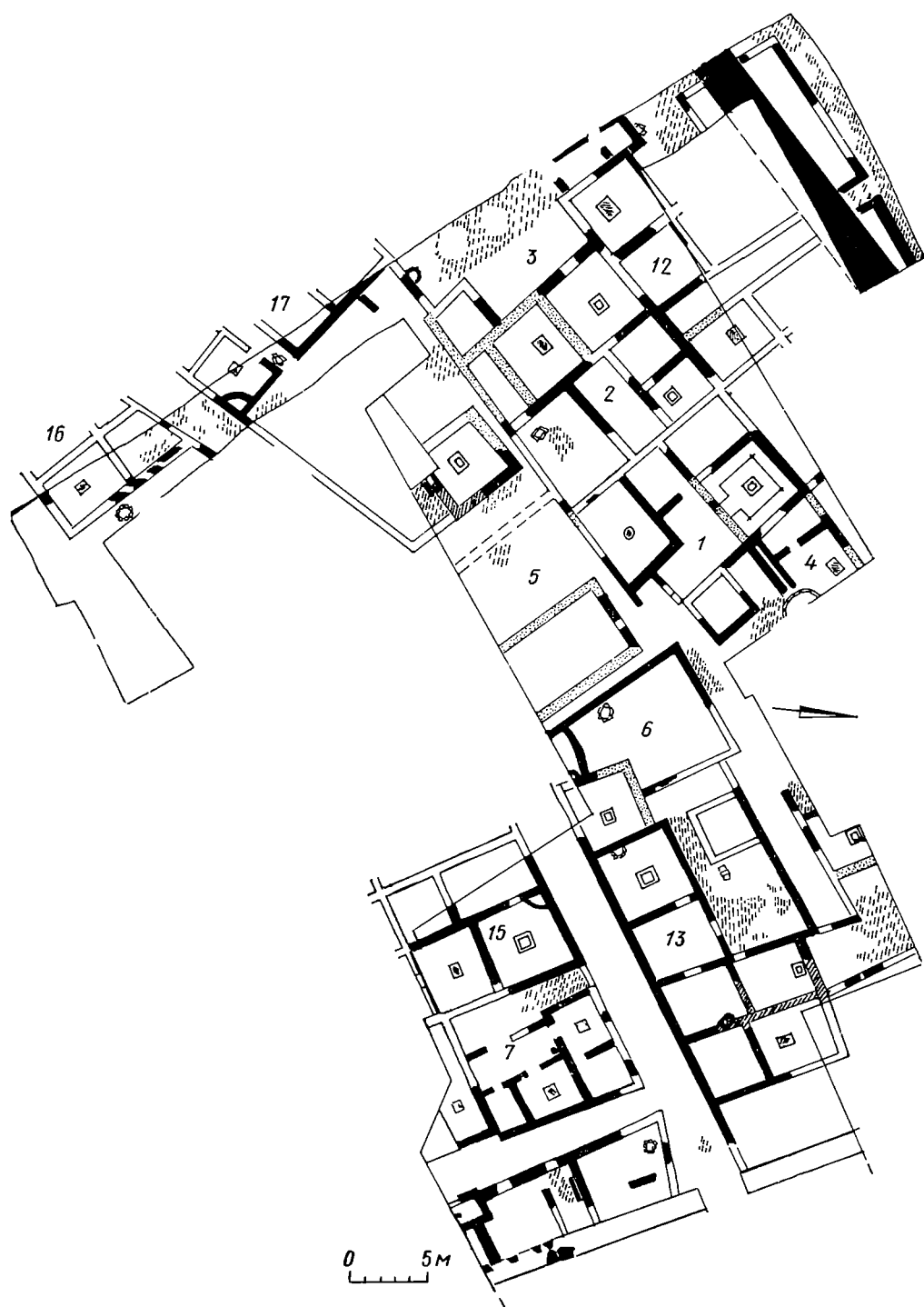

Рис. 33. Третий градостроительный горизонт Керчинтиды — третья четверть IV—II вв. до н. э. Условные обозначения см. на рис. 32.

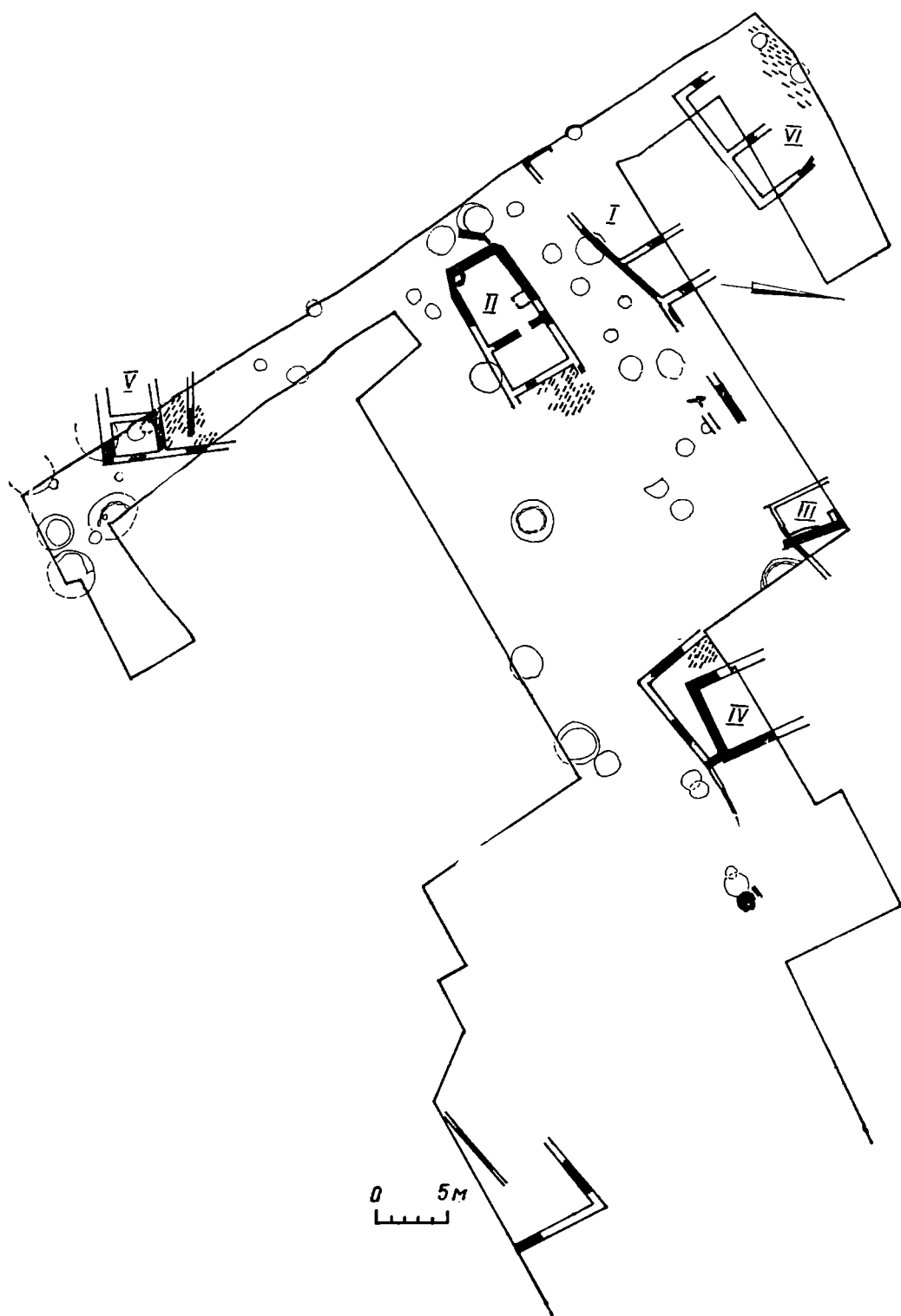

Рис. 34. Скифский строительный горизонт Керкинитиды — вторая половина II в. до н. э.
Условные обозначения см. на рис. 32.

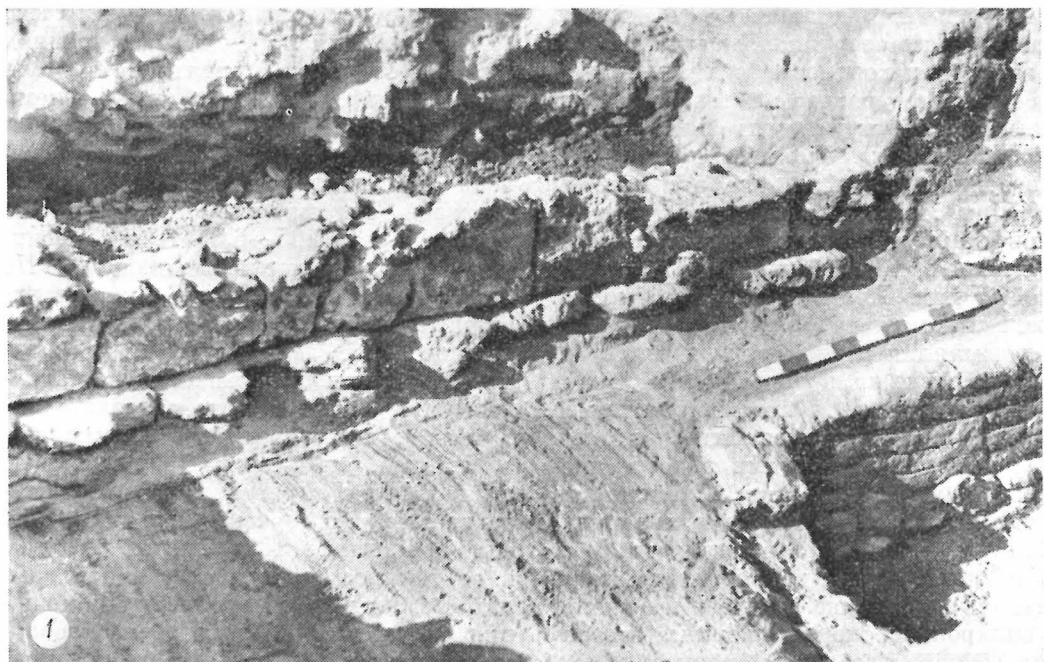

Рис. 35. Полуземлянка первоначальной апойки:

1 — полуземлянка 2, перекрытая более поздней постройкой; 2 — сырцовая стена полуземлянки 2.

горожен от остальной ее части камепной кладкой. Учитывая тот факт, что остатки этих сооружений заглублялись в грунт с поверхности песка — наиболее древнего уровня, с которого начали свою строительную деятельность первые колонисты, — можно с большим основанием полагать, что это остатки крайних северо-восточных построек на периферии первоначальной апойкии, возникшей на побережье Евпаторийской бухты. Кроме того, они были и позднейшими, так как аналогичные полуземлянки не обнаружены ни к северо-востоку, ни к югу и востоку. Последнее наблюдение подтверждается не только стратиграфическими данными, но и связанными с ними археологическими материалами. Так, в заполнении наших полуземлянок найден керамический материал первой четверти V в. до н. э. (рис. 12), позволяющий говорить об их засыпке в указанное время. В синхронных же отложениях, связанных с использованием полуземлянок, также обнаружен материал, не выходящий за рамки первой четверти того же столетия (рис. 13). Следовательно, они могли быть вырыты не ранее рубежа VI—V вв. до н. э.

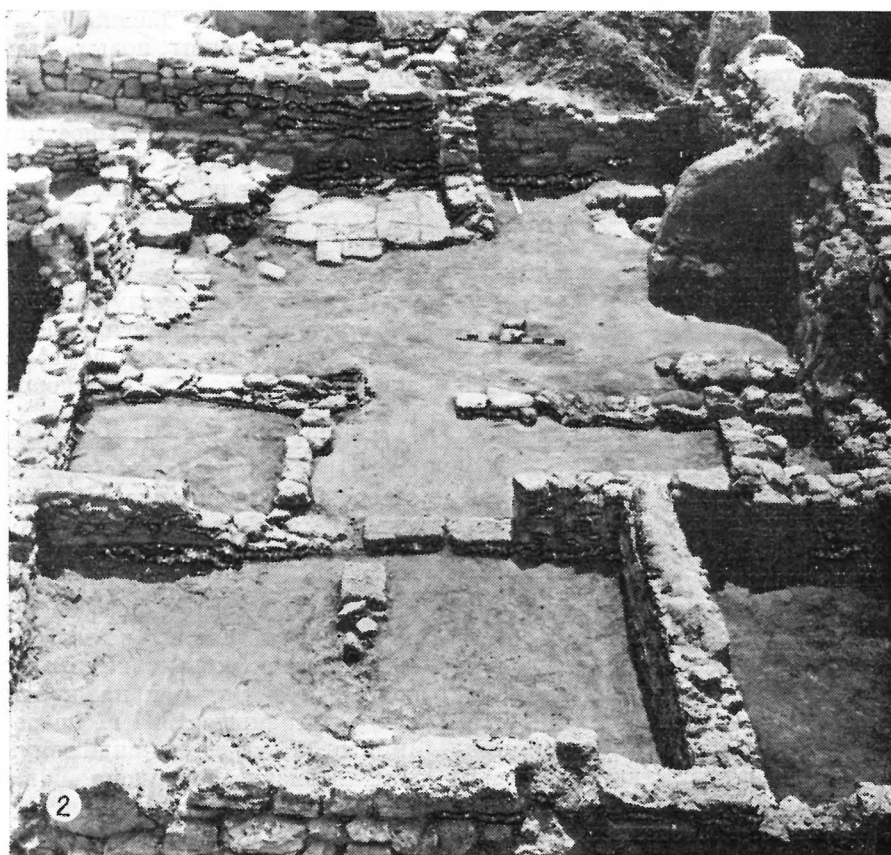
Основная часть апойкии (с древнейшими, частично и с наземными постройками) размещалась юго-западной и южной рассматриваемых полуземлянок. Это подтверждается и тем, что в заполнении последних обнаружены юнийские клики, вероятно, еще третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 11). Обратим внимание и на тот факт, что оба заглубленных в песок сооружения размещены не хаотично по отношению друг к другу, а с одинаковой ориентацией их стен, что, возможно, свидетельствует о стремлении уже на самом раннем этапе регламентировать жилую застройку внутри поселения.

На рубеже первой и второй четвертей V в. до н. э. полуземлянки засыпаны и перекрыты сплошной наземной застройкой города, остатки которой сейчас известны практически во всех исследованных местах городища. Наиболее интересные результаты получены в центральной части раскопа 1980—1982 и 1984—1986 гг., где удалось пол-

ностью открыть два заблокированных вместе дома 19 и 24 (рис. 31).

Дом 19. Первоначально был крайним северо-восточным строением квартала и только спустя какое-то время к нему с этой же стороны пристроен еще один жилой комплекс (рис. 31), раскрытый пока фрагментарно. Дом 19 прямоугольной формы, площадь застройки около 80 м² (6,65—6,8×12 м), насчитывал два строительных периода. На первом этапе своего существования наружные границы дома проходили по кладкам 311, 271, 275, 277; планировочный принцип равнозначно-параллельный. Жилая группа располагалась в северо-западной части комплекса, а главная комната (104) площадью около 17 м² с сырцовым очагом в центре занимала северный угол дома; еще одно помещение 103 было внутренним и соединялось только с основной комнатой здания. К центральному помещению с очагом была пристроена небольшая, вероятно, хозяйственная пристройка с выходом с юго-западной стороны. По всей видимости, со стороны двора к основной группе комнат примыкала прихожая площадью около 5,5 м², наружная стена которой не сохранилась. На ее существование указывает вертикальный шов в юго-западной наружной стене дома (271), прямо напротив кладки 309. В южном углу жилища, исходя из анализа всей планировочной схемы дома, можно реконструировать еще одно помещение, огражденное с северной стороны стеной 312. Остальную часть комплекса, вероятно, занимал двор общей площадью около 14 м². Он составлял 17,5 % от всех площади комплекса. Здание было каменно-сырцовым; его каменный цоколь шириной 0,3—0,45 м имел ровную горизонтальную поверхность общей высотой 0,76—0,9 м и был заглублен в грунт на 0,2—0,3 м. Капитальные стены дома построены «вперевязь» между собой, и цоколь их несколько шире. Сырцовая стена сохранилась *in situ* в стенах 268, 272.

Рис. 36. Дом 19 — V в. до н. э. — второй строительный период комплекса, виды с юго-востока и северо-запада.

Во втором строительном периоде (рис. 36) была немного юго-восточней перенесена паружная стена комплекса. Она стала проходить по кладке 311. Пастада стала занимать всю ширину дома, а ее внешняя стена проходила по кладкам 269 и 309, между которыми напротив входа в помещение 104 находился дверной проем во двор. Кроме того, в южном углу дома была сооружена прямоугольная постройка, внутри которой находился колодец. При перестройке комплекса были приподняты полы в комнатах и повышена поверхность двора. Последний был вымощен крупными известняковыми плитами и стал занимать площадь около 17 м². Причем только за последний период существования дома его уровень дважды повышался.

Дом № 24 располагался в центре одного из ранних жилых кварталов Керкинитиды (рис. 31; 37) и своей северо-восточной стороной вплотную примыкал к описанному выше зданию. Он также прямоугольной формы, площадь застройки около 110 м² (13×8,2 м), насчитывает два строительных периода. На первом этапе границы комплекса проходили по стенам 272, 355, 358, а юго-восточная стена реконструируется исходя из общего планировочного решения данного участка застройки. Прямоугольный в плане двор площадью 26 м² занимал 23 % всей территории дома, находился в восточном углу комплекса и примыкал к паружной ограде. В центре него находилась цистерна для сбора стекавшей с крыши дождевой воды. Вокруг двора Г-образно располагались шесть жилых и хозяйственных помещений (125—129), из которых западное, угловое, полностью реконструировано. Причем лишь две комнаты (126; 128) имели непосредственно выходы во двор; остальные были внутренними и соединялись между собой дверными проемами. Вероятно, помещения в юго-западной части комплекса являлись жилыми, а помещение 127 — небольшой кладовой, связанной с комнатой 126. В двух помещениях найдены остатки сырцовых очагов открытого типа, использовавшихся, вероятно, для отопления и при-

готовления пищи. Главное место в доме занимало расположенное напротив двора помещение 126 с сырцовым очагом в центре (рис. 37). Вход в него обозначен сырцовой ступенью. Невысокий каменный цоколь постройки был шириной 0,35—0,37 м. В северной части дома сырцовые внутренние стены толщиной 0,4—0,45 м были поставлены на землю без каменного основания. Незначительная толщина кладок, отсутствие в некоторых случаях каменного цоколя позволяют утверждать, что это дом одноэтажный. Его кровля была покрыта камышом, остатки которого обнаружены на поверхности двора.

Второй строительный период связан с капитальной перестройкой здания, несмотря на то, что планировка его почти не изменялась. В это время полностью переложены капитальные несущие конструкции и, следовательно, изменилось перекрытие жилища. Перестройке предшествовало повышение уровней полов и дневной поверхности двора, а подошвы новых стен оказались на уровне предшествующих цокольных кладок. В южном углу двора было сооружено небольшое помещение 120 (площадь всего около 3 м²), являющееся — судя по остаткам выложенной из сырцовых кирпичей печи — кухней с узким выходом прямо во двор (рис. 37, 2). Еще одна печь была устроена в южном углу помещения 128, а сам двор уменьшился в размерах до 17 м² (15 % площади дома), стал соединяться с улицей коридором шириной 1,3 м.

Строительные остатки жилых домов рассматриваемого времени к северу и северо-западу от описанных выше домов 19, 24 убеждают в том, что с одной стороны к ним вплотную примыкали такие же (или по крайней мере близкие) жилые строения с аналогичным архитектурно-планировочным решением. Остатки жилых комплексов V в. до н. э., открытые и на других участках — в траншее 1981 г., на раскопе II 1952 г., а также, по-видимому, в нижнем горизонте раскопа XIV, XLII 1917 г., — реконструкции не поддаются. Очевидно, их общий характер, техника

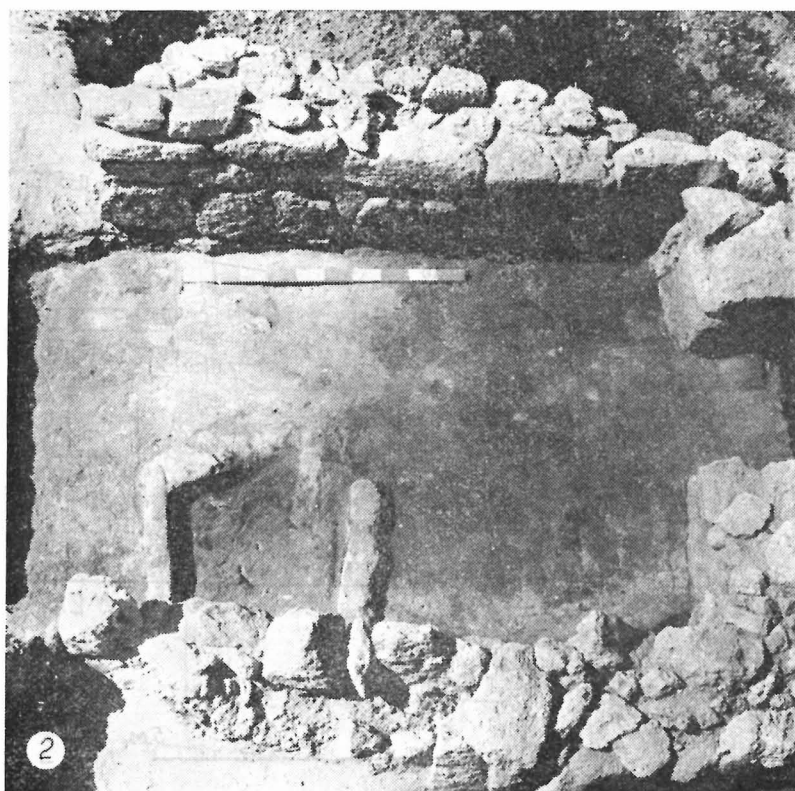
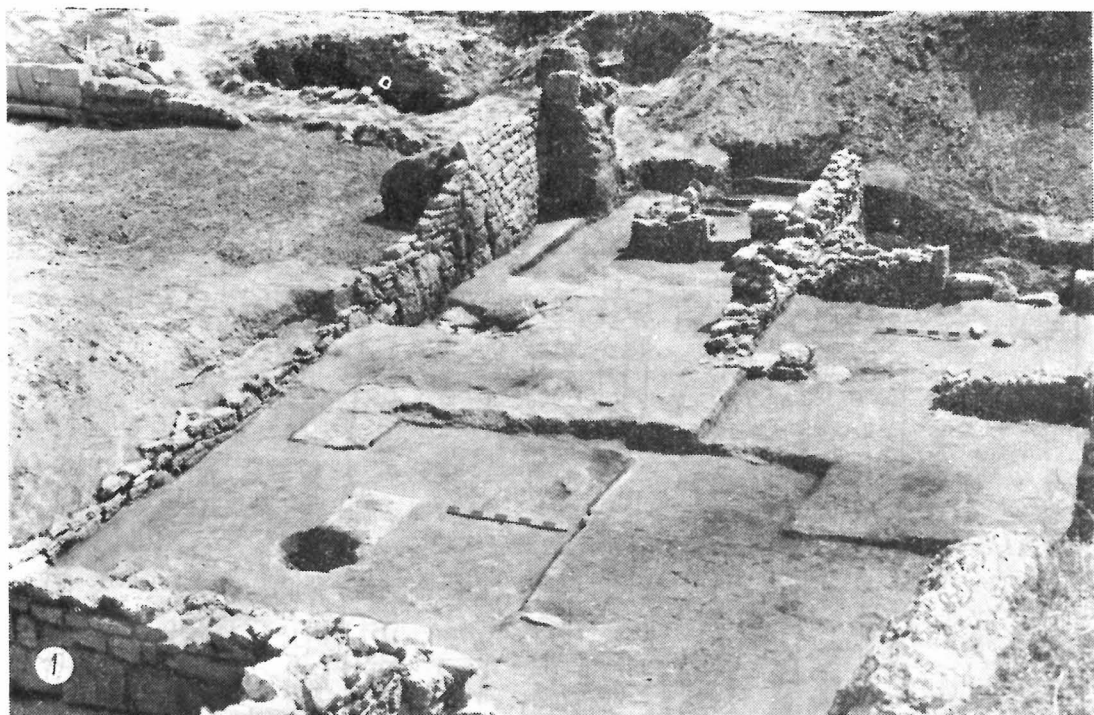
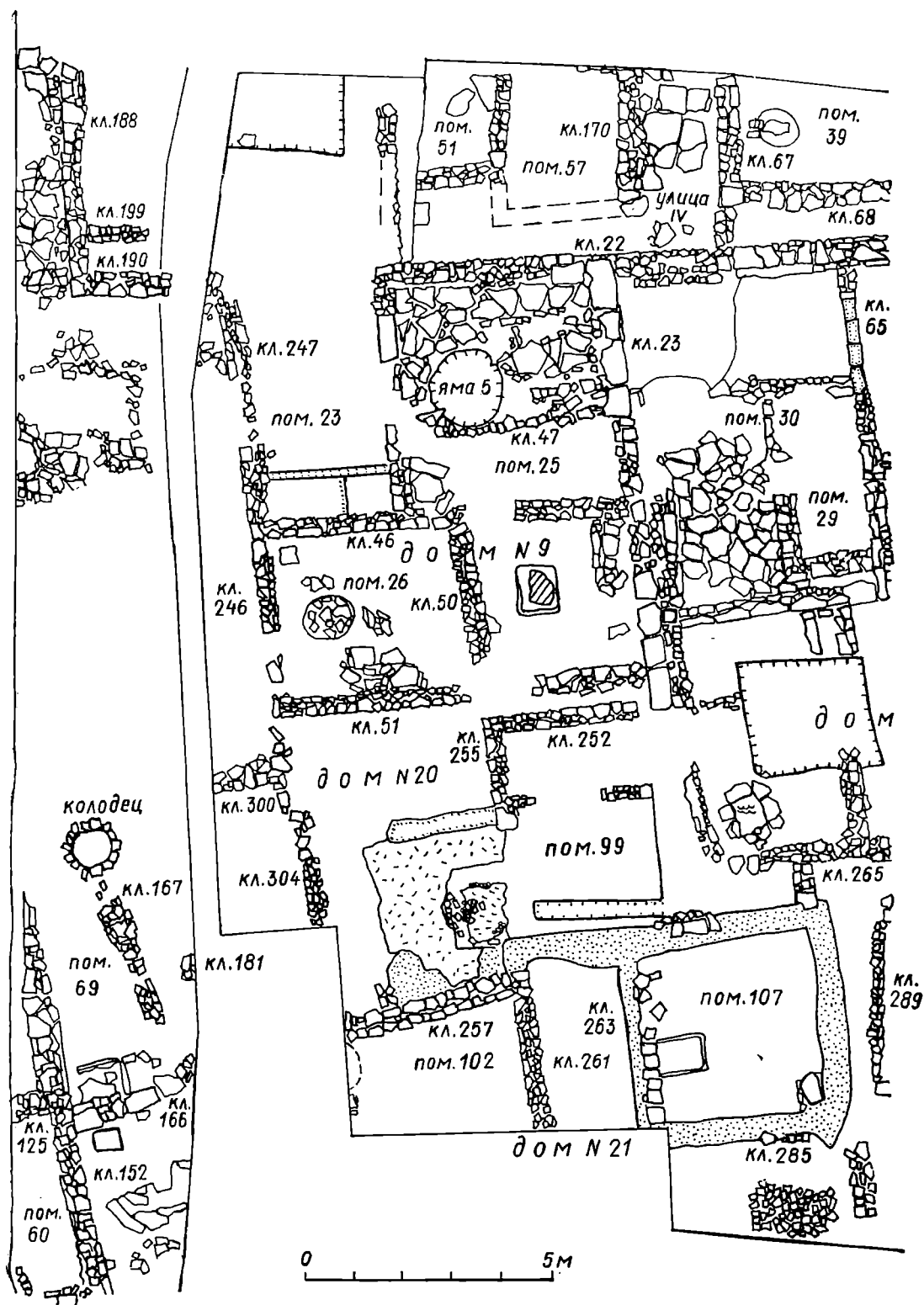
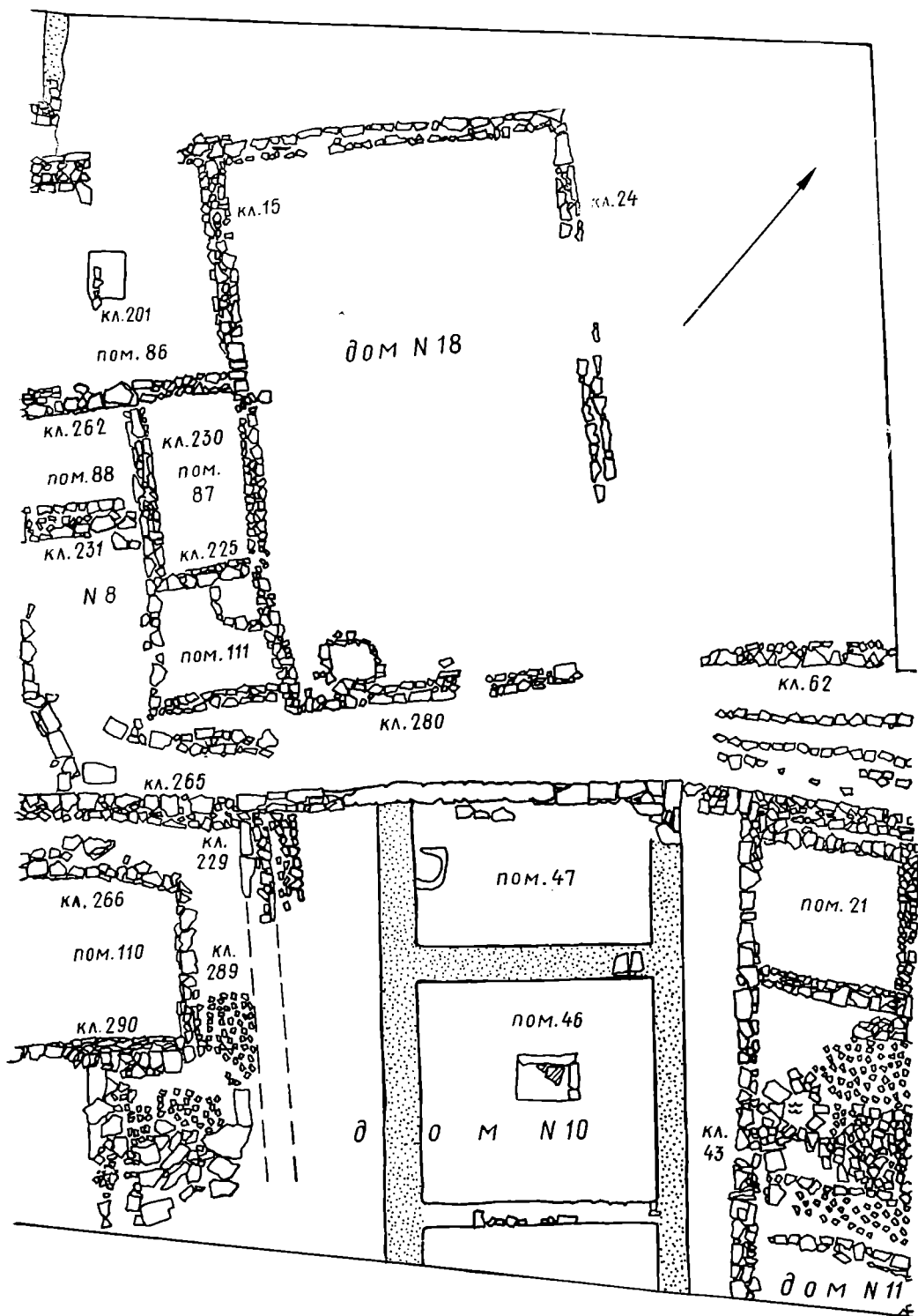

Рис. 37. Дом 24 — V в.
до н. э.:

1 — общий вид с запа-
да; 2 — кухонное поме-
щение с остатками топ-
ки сырцовой печи, вид
сверху.

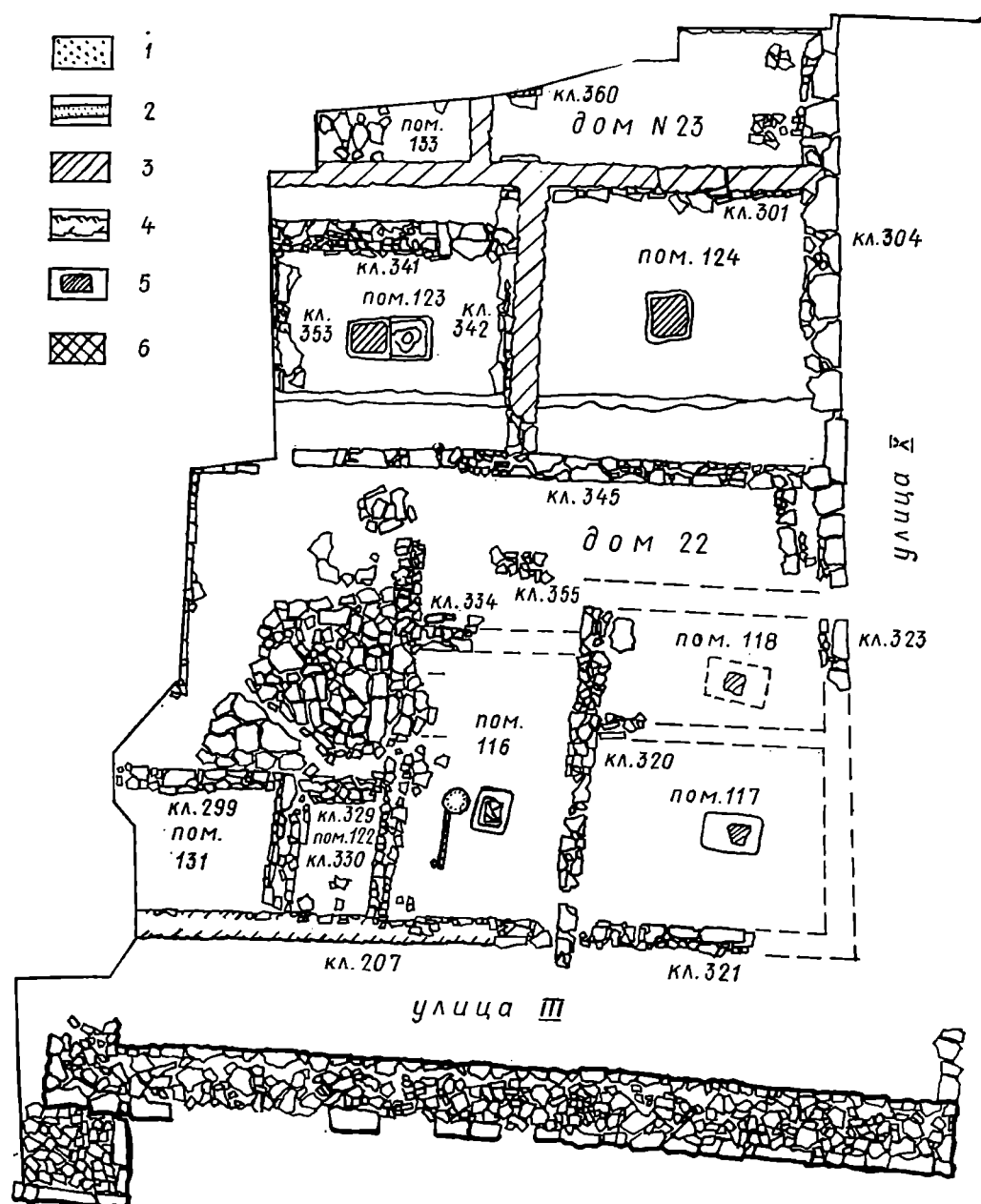
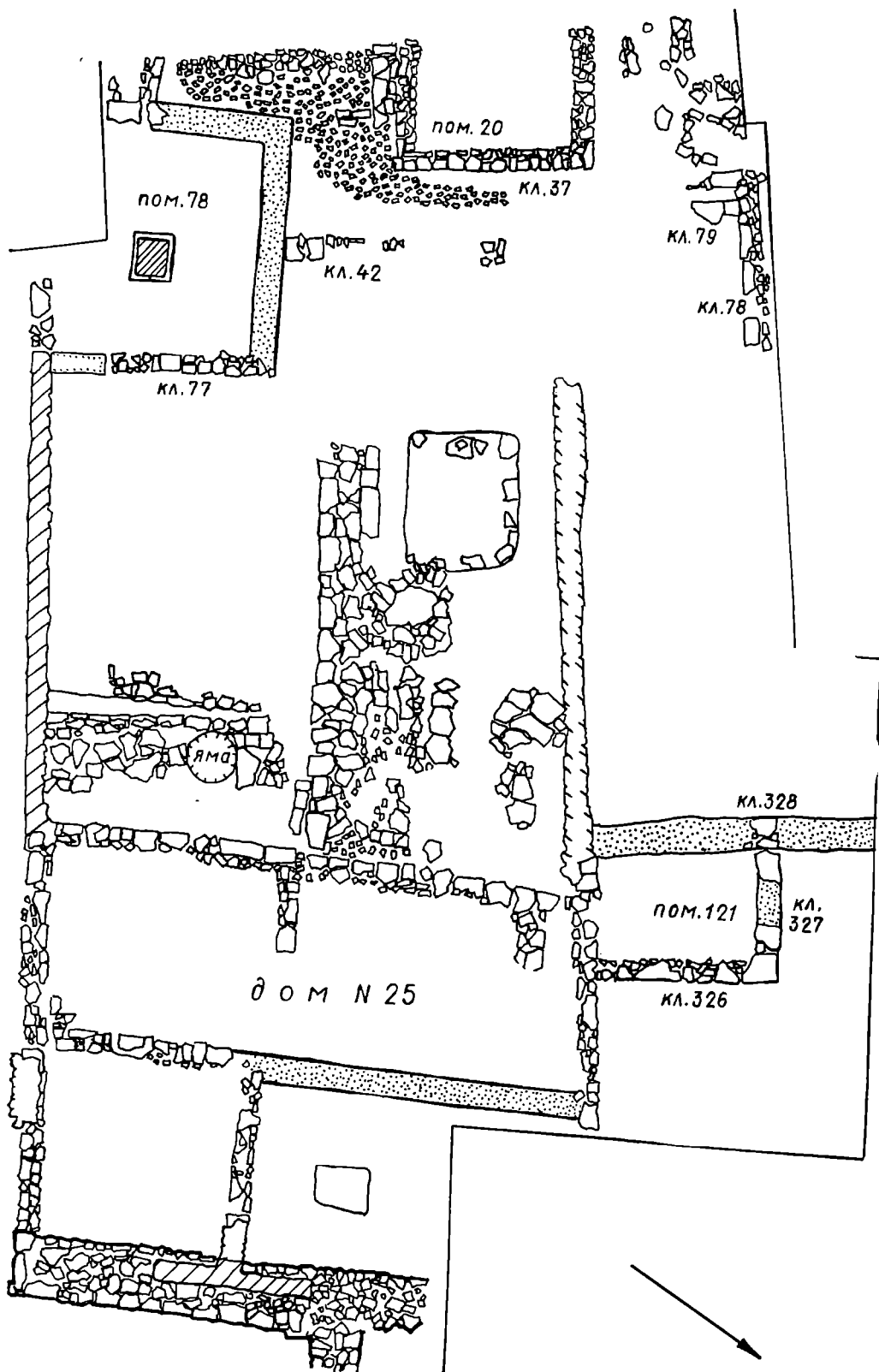

Рис. 38. Жилая застройка конца V—IV вв. до н. э.—второго градостроительного горизонта Керкинитиды. План.

и система кладок аналогичны описанным выше.

В настоящее время материала для сравнительного анализа жилых построек классического времени недостаточно. Тем не менее не трудно заметить, что оба раскопанных дома являются безордерными постройками малой площади типичной схемы с доминированием последовательно-иерархического (соподчиненного) принципа внутренней планировки*. Их жилые помещения сгруппированы вместе. Дом 19 во втором строительном периоде имел перед жилыми комнатами пастаду. Стены обоих зданий трехслойные, их наружные панцири сложены в однорядной постелисто-ложковой системе, внутренние в иррегулярной бутовой постелистой системе. В двух случаях (кладки 347, 358) стены частично выложены по простой орфостатной системе, наибольшее распространение получившей в следующий период. По всей видимости, постройки V в. до н. э. были в основном одноэтажными. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие фрагментов керамической черепицы. Следовательно, перекрытие крыш было не черепичным, а камышовым, обмазанным глиной. Никаких данных о внутреннем убранстве помещений у нас нет, последние топились «по-черному» очагами открытого типа.

Несмотря на фрагментарность, строительные остатки классического времени позволяют уже сейчас сделать важные наблюдения. Все раскрытые остатки жилой застройки данного времени, расположенные на различных участках городища, имеют одну четко выраженную планировочную ориентацию с юго-востока на северо-запад и с юго-запада на северо-восток. Кроме того, отмечены фрагменты вымощенных плитам улиц и переулков, полностью совпадающих по направлению с более поздними городскими магистралями. Это убеждает нас в том, что при последующих перестройках города полностью сохранялась его прежняя планировочная структура.

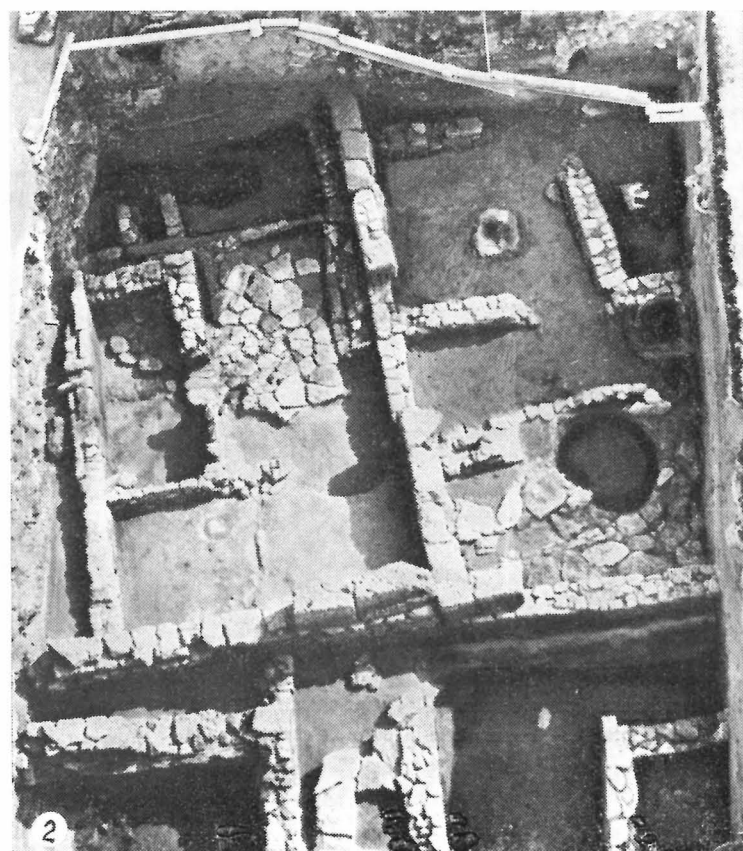
* Для обозначения основных планировочных принципов используется терминология С. Д. Крыжидного [1982, с. 80].

Жилая застройка конца V — третьей четверти IV вв. до н. э. Строительные остатки V — IV вв. до н. э. изучены более полно, чем предыдущие (рис. 38). В настоящее время открыто семь городских домов, планировка которых поддается реконструкции. Все они сосредоточены в двух кварталах восточного района Керкинитиды (раскопки 1980—1986 гг.). Первый из двух городских кварталов северо-восточной стороной вплотную примыкал к оборонительной стене конца V в. до н. э. и ограничивался с трех других сторон двумя поперечными и одной продольной городскими улицами. Причем последняя заканчивалась у дома 20 тупиком, а не пересекалась с улицей X. Восстанавливаемые размеры квартала 36×60 м (2160 м^2). Он не имел регулярной застройки внутри, а жилые комплексы занимали различную площадь, разные очертания и располагались по три-четыре дома поперек квартала. Часть из них (дома 10, 11, 12, 21) размещалась вдоль улиц, остальные жилые строения — внутри квартала и соединялись с основными улицами при помощи узких тупиковых переулков. От второго квартала открыт только северный угол с остатками двух жилых комплексов (22—23), первый из которых раскрыт почти полностью, второй — частично. Этот квартал в отличие от предыдущего не примыкал к крепостной стене, а отделялся от нее продольной улицей (так называемой военной).

Дом 8 расположен в центре квартала I между домами 9 и 18 (рис. 38; 39; 2; 40). Он насчитывает четыре строительных периода, каждый из которых значительно изменял планировку и архитектурный облик здания. Наибольшие трудности возникают при реконструкции самого раннего периода, поскольку многие стены строения были полностью разобраны при его последующих перестройках. Наружные границы дома проходили по кладкам

Рис. 39. Разновременная жилая застройка Керкинитиды. 1980 г.

1 — общий вид участка с востока, на ближнем плане дом 11, на дальнем — дом с адриком; 2 — дома 8—9, вид с запада.

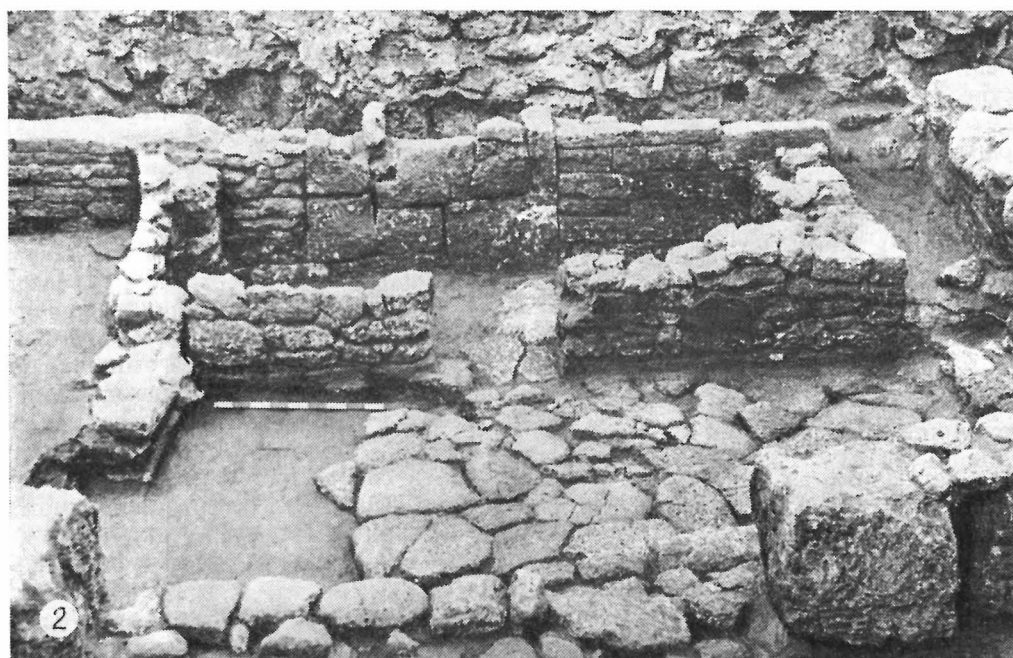

Рис. 40. Дом 8. Четвертый строительный период:
 1 — помещение 28, вид с юга; 2 — помещение 30, вид с юго-запада.

22, 65, 91, 232. В предлагаемой реконструкции (рис. 41) он практически полностью повторяет очертания предшествовавшей ему постройки (дом 19). Этот жилой комплекс прямоугольной формы, площадью около 87 м² (12,5 × 7 м), два жилых помещения с общей для них закрытой пастадой находились в северо-западной его части. Основная жилая комната (площадью 15 м²) с сырцовым очагом в центре занимала северный угол. Противоположный угол занимало второе небольшое помещение с колодцем, восточный угол — двор. Последний (тоже прямоугольный) составлял 17 % всей территории жилища.

Второй строительный период связан с увеличением площади дома до 110 м² за счет сокращения соседнего комплекса. Наружная северо-восточная граница жилища стала проходить по кладкам 15, 224. Жилое здание стало состоять из шести помещений и того же прямоугольного двора в восточном углу, площадь которого теперь стала составлять 13 % от всей застройки комплекса (рис. 41). Две основные жилые комнаты приблизительно одинаковые, квадратные в плане, площадью по 16 м², располагались все в той же северо-западной части дома. Они имели общую пастаду и соединялись между собой дверным проемом. При этом северное угловое помещение с очагом было связано дверью непосредственно с пастадой, соединялась ли западная комната с пастадой — установить не удалось. Двери остальных помещений жилища выходили во двор и, судя по небольшим размерам, круглым загородкам в углах и колодцу, использовались в хозяйственно-производственной деятельности.

Во время третьего строительного периода (рис. 39, 2; 41) были упразднены пастада и западное угловое помещение, а взамен их устроен еще один внутренний двор площадью около 17 м², соединяющийся с восточным двором узким проходом в стене 92. В результате произведенной перестройки площадь обоих дворов составила около 30 % всей территории комплекса. Кроме того, вместо разобранной пастады

перед основной (северной) комнатой дома сооружены маленькая квадратная в плане прихожая (4 м²) и две небольших комнаты к северо-западу от внутреннего двора с остатками печей. Перестройка жилого здания столь значительна, что с каменного цоколя срезана сырцовая стена и на ее месте сооружена новая. Последняя сохранилась в высоту двух рядов кладки и перекрывала заклад более раннего проема в стене 65.

И, наконец, четвертый строительный период затронул только западный угол дома (рис. 38; 41). Здесь вместо двух небольших комнат с печами было устроено одно прямоугольное помещение площадью 10 м² без каких-либо видимых следов очага, юго-западная часть пола была покрыта плотно утрамбованной известковой крошкой, оставшая же оставалась глинобитной (рис. 40, 1). Кроме того, в северо-восточной части внутреннего двора сооружено небольшое хозяйственное помещение площадью около 4,3 м² (рис. 40, 2). Последнее не только резко сократило площадь двора, но и закрывало собой единственный проход в стене 92. После чего сообщение между двумя дворами могло осуществляться только через помещение 49.

Как видно из всего сказанного, на протяжении относительно небольшого промежутка времени (50—70 лет) дом неоднократно перестраивался. Причем каждая подобная перестройка связана с капитальной реконструкцией всего здания, разборкой существующих стен, возведением новых, перекладкой сырцовых кладок на старых каменных цоколях, закладкой проемов и прорубкой новых и т. д. Все это приводило к значительному изменению планировки здания, переделке конструкций перекрытия и кровли. На первых двух этапах комплекс имел преимущественно последовательно-иерархическую планировку, позже — равнозначно-параллельную. Причем, если сначала он выдержан в схеме типичной для комплексов жилой площади, то на двух последних этапах имел редко встречающуюся в античном домостроительстве планировку. Складывается такое

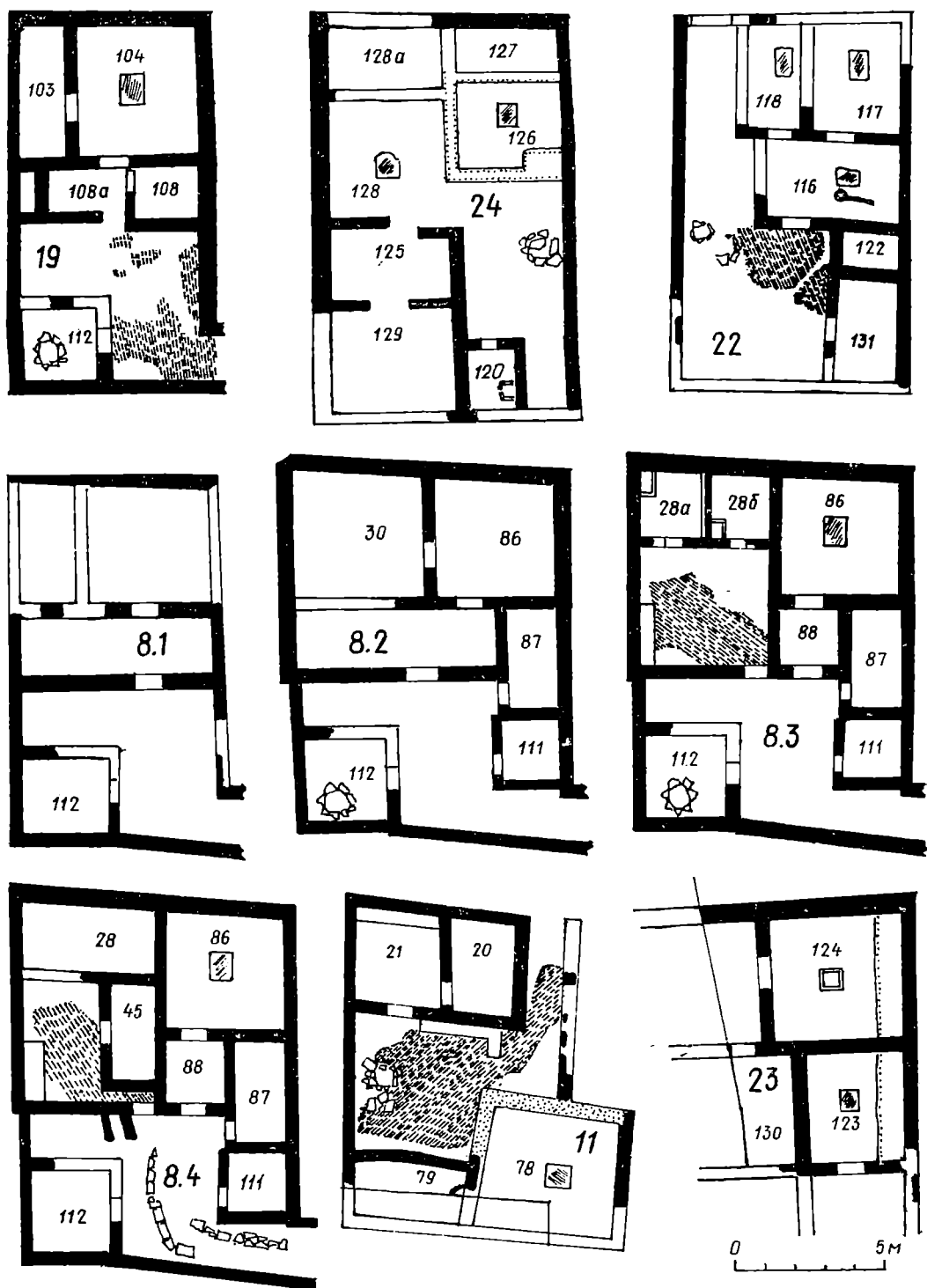

Рис. 41. Жилые комплексы V—IV вв. до н. э.—первого и второго градостроительных горизонтов Керкинитиды. Условные обозначения см. на рис. 57.

впечатление, что бессистемная перестройка этого жилого строения привела к тупиковому итогу. Недаром при последующей перестройке участка в середине IV в. до н. э. его планировка приближена к первоначальному виду, как в доме 19 и первом строительном периоде дома 8.

Дом 9 расположен к юго-западу от описанного выше комплекса, его наружные границы проходят по кладкам 22, 23, 51 (рис. 38; 42). Местоположение четвертой юго-западной стены не установлено. Вероятно, она проходила в створе кладки 152, открытой южнее. В предполагаемой реконструкции дом прямоугольной формы, площадь застройки около 110 м^2 ($12,5 \times 8,7 - 9 \text{ м}$). Все его четыре помещения сблокированы в северо-восточной части комплекса. Два крайних юго-западных помещения имели непосредственные выходы во двор, две остальные комнаты были внутренними и смежными между собой. Они имели выходы наружу только через проходное помещение 93. В восточной угловой комнате (рис. 43, 2) находился сырцовый очаг открытого типа (рис. 38), в двух других помещениях (25, 26) отмечены остатки топчаных камер печей, в упомянутом выше помещении 93 не зафиксированы остатки каких-либо обогревательных приспособлений.

Обращает на себя внимание самое большое в доме квадратное в плане помещение 25 площадью около 19 м^2 . Оно было разделено яслями (кормушкой для животных?) на две части: северо-западную, вымощенную плитами, и противоположную с глинобитным полом (рис. 42, 2; 43, 1). Посреди каменного настила проходил желоб, заполненный органическими остатками. В южном углу этой комнаты находилась печь. Вероятно, в зимнее время тут мог содержаться домашний скот. Однако в данном случае три связанные между собой помещения (25, 27, 93), центральное из которых для содержания скота, не могли быть жилыми. В этом случае приходится допускать существование верхнего жилого этажа. Однако никаких следов основания лестницы здесь не обнаружено.

Двор рассматриваемого жилища располагался в юго-западной части комплекса и занимал 45 % от всей площади дома. К его западному углу подходил переулок. Во дворе находилась облицованная камнем круглая в плане и сужающаяся книзу цистерна (рис. 42, 5) для сбора стекавшей с крыш дождевой воды. Последнее подтверждается примыканием со стороны жилища водосточного желоба.

Дом 20 располагался между жилыми комплексами 9 и 21, первый из которых описан выше, а от второго было открыто лишь три помещения, расположенных вдоль северной стены жилища. Выделение этого участка связано с отклонением к югу одной из поперечных городских улиц и, следовательно, перемещением в соответствующем направлении примыкающего к ней дома 21. В результате такой сдвижки несколько смещена ориентация планировочной сети квартала. Описываемый дом — трапецевидной в плане формы, с площадью застройки около 80 м^2 (рис. 38; 42, 1). Причем его строительство выполнялось уже после сооружения смежных с ним жилых комплексов, так как по одна из стен построек не «перевязана» с кладками соседних зданий, что не характерно для внутриквартальной застройки города и не диктовалось конструктивными особенностями дома. Внутренняя планировка жилища имеет несвойственную для Керкинитиды схему: в центре комплекса находился двор, занимающий около 25 % всей его площади. С северо-восточной стороны двора располагалось, вероятно, центральное помещение 99 площадью около 10 м^2 (рис. 44, 1); с противоположной — еще два помещения — 69 и 133. Причем последняя из двух названных комнат имела в нижнем ярусе подвал нежилого назначения. Определенные трудности возникают (в силу отсутствия каких-либо архитектурных признаков) при определении местоположения внешнего выхода из жилища. Единственным местом, где мог паходиться проем, был промежуток в 1 м между углами помещений 26 и 133. Однако в этом случае попасть в дом 20 с

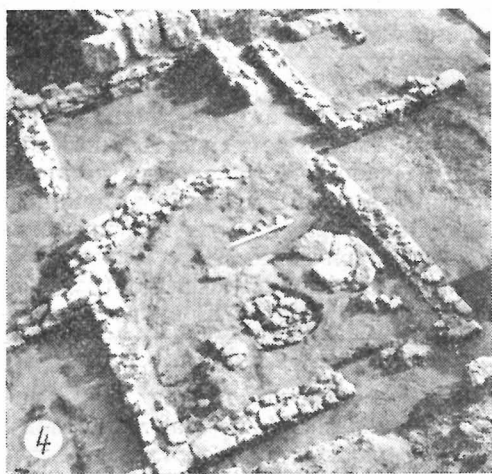
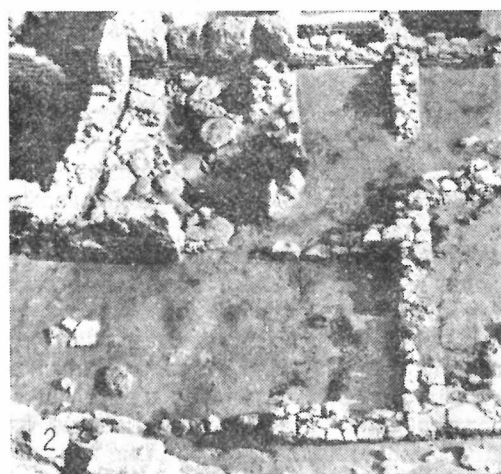
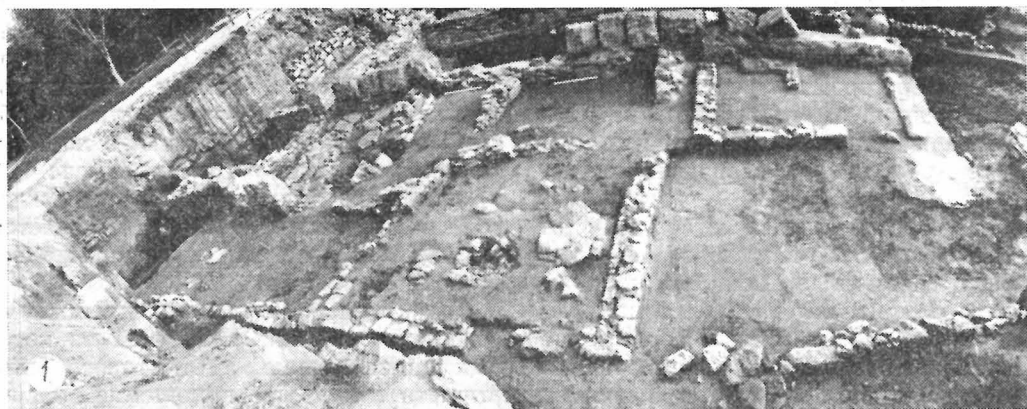
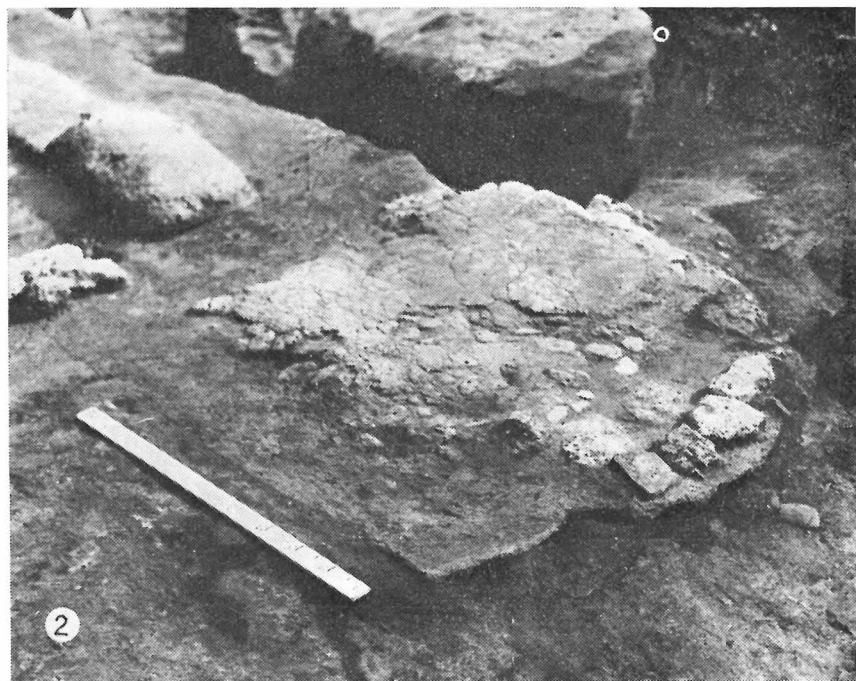
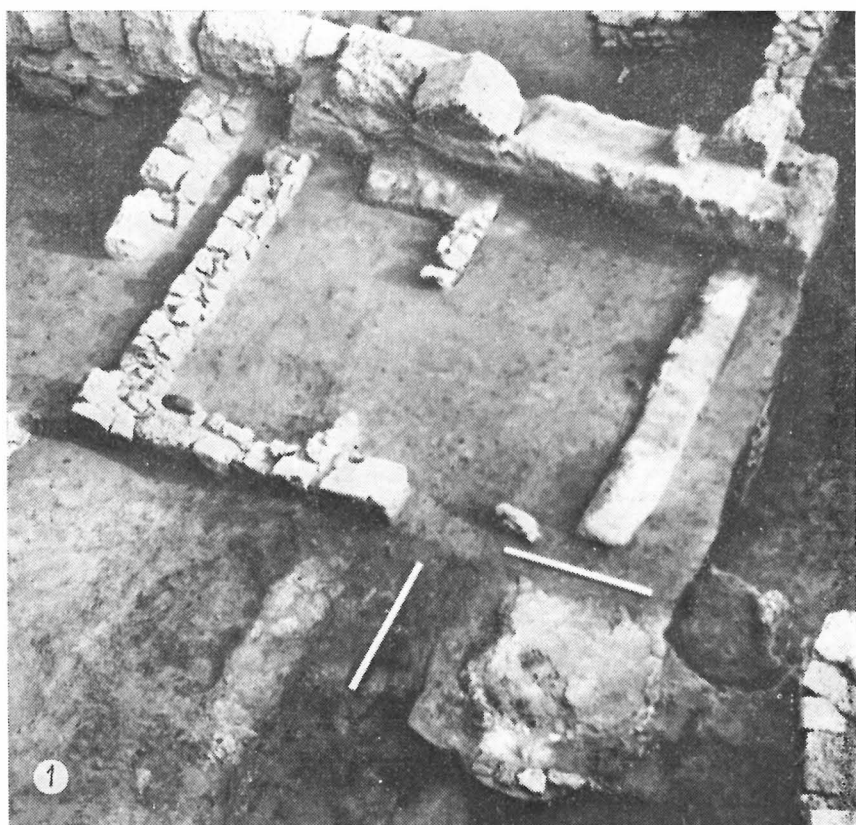

Рис. 42. Жилая застройка конца V—IV вв. до н. э.— второго градостроительного горизонта Керкинитиды. Общий вид и детали домов 9 и 20.

Рис. 43. Дом 9:

1 — помещение 25 с вымощенным плитам пола, вид с востока, 2 — помещение 27 с остатками рухнувшей сырцової стѣны, вид с запада.

расположенной чуть западней его продольной городской улицы было возможно только через двор соседнего жилого комплекса (9). Последнее возможно при условии родственных отношений их владельцев. Из сказанного следует, что на последнем этапе рассматриваемые дома могли быть объединены в один архитектурно-строительный комплекс, площадь которого достигала 190 м².

И, наконец, в завершение кратко опишем один из объектов внутри дома, назначение которого осталось пока до конца не выясненным. Так, в южном углу двора была открыта ровная площадка размерами 1,16×1,01 м, покрытая сверху известково-песчаным раствором, залитым поверх слоя плосколежащих галек (рис. 44). Последние лежали на песчаной «подушке» толщиной 0,18—0,20 м. Края этого сооружения обмазаны глиной, предохранявшей их от разрушения, а с юго-западной стороны площадки имелся полукруглый выступ, обложенный плоским мелким камнем. Поверхность раствора потрескалась и была сильно закончена. Все пространство вокруг нее было заполнено черной золой и отделялось от остальной части двора с юго-западной стороны каменной, а с северо-восточной — сырцовыми стенами. Высота последних во время раскопок не превышала 0,1 м.

Дом 10 расположен между жилыми комплексами 11 и 21 (рис. 38). От первого из них он отделялся узким непроходным переулком, по которому проходил желоб для стока дождевой воды. С двух остальных сторон он ограничивался поперечной городской улицей X и параллельным ей переулком. Жилая часть здания располагалась вдоль северо-восточной стороны комплекса и состояла из трех помещений, вытянутых в ряд, с одной общей для всех пастады закрытого типа. Поскольку стены постройки почти не сохранились, а их направление устанавливается по песчаным основаниям, взаимо-

связь между этими помещениями археологически не определена. Ясно однако, что главное место в комплексе по своему центральному положению и размерам занимала квадратная в плане комната (46) площадью около 20 м² с каменным очагом в центре (рис. 45, 1). По ее сторонам размещались прямоугольные комнаты меньших размеров — по 12 м² каждая. В одной из них (47) открыты остатки печной топки.

Местоположение последней у обращенной к пастаде стены исключает возможность существования здесь дверного проема. Значит, это помещение было смежным с центральной комнатой. Восточное же угловое помещение имело, вероятно, самостоятельный выход в пастаду, так как признаки проема в разделяющей комнаты стене не зафиксированы.

В южном углу дома находился вымощенный галькой и плитами двор, занимающий 14 % от всей площади комплекса, а в западном — подвальное помещение 110. Позже оно было засыпано и перекрыто вымостками двора (рис. 45, 2), а следовательно, размер последнего значительно увеличился. Подвал не жилого, а складского назначения, поскольку попасть в него можно было не по лестничному маршу, а через люк. Существовала ли над ним наземная часть в то время — не известно.

Дом 11 расположен северо-восточней описанного выше комплекса (рис. 38; 39, 1), с двух его сторон проходила поперечная городская улица и переулок, а с четвертой (северо-восточной) стороны к нему вплотную примыкал еще один жилой дом, внутренняя планировка которого практически не читается. Наружные границы дома проходят по степам 38, 42, 112—113, 105, 77. Он геометрически неправильной формы с площадью застройки около 81 м². Значительную часть его (около 20 %) составляет трапецевидный в плане двор с колодцем, вымощенный морской галькой (рис. 58, 1). Он соединялся узким коридором с расположенным северо-западней переулком.

Первоначально комплекс включал

Рис. 44. Дом 20:

1 — помещение 99, вид с юга; 2 — известняковая площадка во дворе дома, вид с запада.

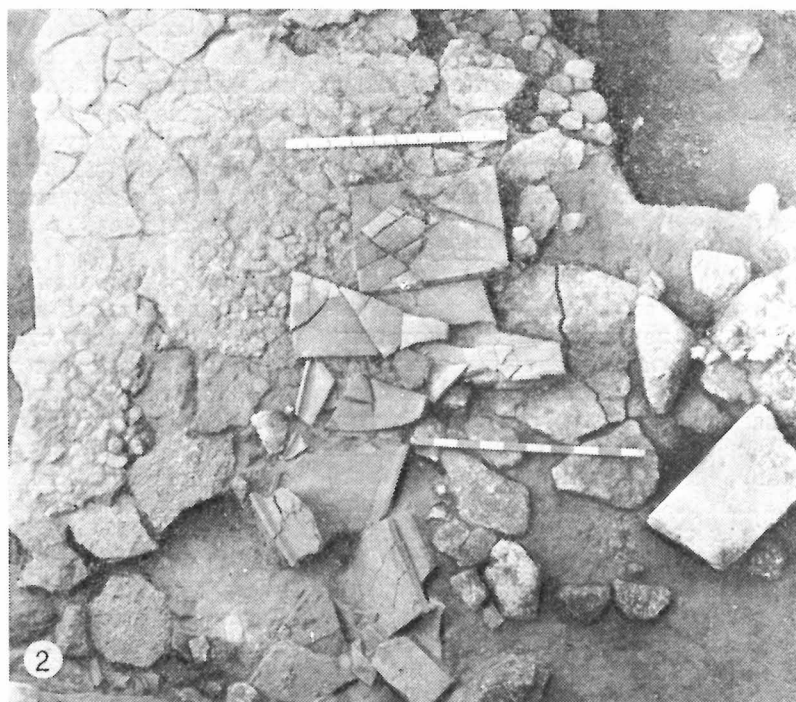

Рис. 45. Дом 10 — конца V—IV вв. до н. э.:

1 — помещение 46 с центральным очагом и помещение 47 с остатками печи, вид с юга; 2 — остатки рухнувшей кровли во дворе жилища.

всего лишь три расположенных по сторонам двора помещения (21, 78—79). Одно — в западном углу и два построенных в ряд — вдоль поперечной городской улицы. Основное помещение комплекса, площадью около 20 м² с сырцовым очагом посредине, занимало восточный угол жилища. К нему примыкало небольшое помещение 79 с остатками печи и загородкой в северном углу. Оно не имело своего выхода во двор и, вероятно, соединялось с главной комнатой. Спустя некоторое время к отдельно стоящему помещению 21 пристроена еще одна комната и прорублен в паружной его стене вход. В результате здесь получилась двухкамерная постройка со смежными комнатами. Следы очага или других отопительных приспособлений здесь не обнаружены. Основным планировочным принципом здания был равнозначно-параллельный.

Дом 22 занимает северный угол второго квартала (рис. 38), с двух сторон он ограничивался городскими улицами, а остальными краями примыкал к соседним жилым комплексам. Следует также отметить, что рассматриваемый комплекс построен несколько позже, чем остальные дома квартала. Так, после сооружения в конце V в. до н. э. полой крепостной линии пространство между ней и домом 23 оставалось незастроенным, образуя здесь своего рода небольшую площадь — резерв внутригородской территории для увеличения по мере необходимости количества жилых зданий. В этом замкнутом пространстве активно наслаивались культурные отложения, на поверхности которых и был установлен описываемый дом. В нем найдена целая коллекция гераклейских энглифических клейм с одиночными именами первой хронологической группы, относящейся к первой — началу второй четверти IV в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 39], а также две бронзовые монеты ранней серии Херсонеса, 390—380 гг. до н. э. [Анохин, 1976, I, 4, 7]. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что дом 22 был построен, вероятно, в начале второй четверти IV в. до н. э. Наружные границы жилища проходят

по кладкам 207, 321, 323, 324; четвертая юго-восточная стена пока не обнаружена. Однако, судя по застройке участка, лишь незначительная часть здания выходит за пределы раскопа. Площадь раскрытой части жилища около 110 м². Жилые помещения облокированы вместе в северной части комплекса. Два из них (117—118) располагались вдоль улицы и соединялись с общей для них прихожей. Во всех комнатах (в том числе и прихожей) были расположены сырцовые очаги открытого типа. При этом главное положение в жилой части здания занимала северная угловая комната с очагом в центре. В восточном углу находилось еще одно отдельно стоящее помещение 115. Учитывая значительное количество золы и битой кухонной керамики, обнаруженной при раскопках, его можно интерпретировать как кухню. Пространство между помещениями 115 и 116 было отгорожено от двора стеной, однако без дверного проема, так что не понятно, каким образом оно сообщалось с двором.

Остальные строительные остатки V—IV вв. до н. э. раскрыты фрагментарно, что не позволяет охарактеризовать планировку этих комплексов. Ясно лишь, что они однотипны описанным выше жилым строениям (рис. 38). Как видно, основу жилой застройки Керкинитиды конца V—IV вв. до н. э. составляли небольшие дома малой площади (80—110 м²), построенные по традиционной схеме, состоящие каждое в основном из четырех помещений. Последние, как правило, расположены в северо-восточной и северо-западных частях комплексов, а их дворы размещались с южной стороны с отклонениями на восток или на запад. При этом в жилых зданиях отмечены как последовательно-иерархический, так и равнозначно-параллельный принципы планировки. В трех случаях отмечено сочетание двух-трех комнат с пастадой. Обязательной принадлежностью каждого жилого здания являлось относительно крупное помещение (ойкос) с главным очагом в центре напротив входа, расположенное в северном или восточном углу жилища. Пред-

ставляет интерес конструкция домов. Прежде всего следует отметить, что с указанным строительным горизонтом связано появление песчаных и слоевых оснований, заполняющих траншеи. Последние состояли из чередующихся прослоек песка и золы, песка и глины. Однако песчаные основания домнируют.

Все раскрытые жилые строения Керкинитиды каменно-сырцовые. Их каменные цоколи с ровной горизонтальной поверхностью имели ширину 0,37—0,40 м, как исключение — 0,45 м и более. В конце V в. до н. э. широкое распространение в городе получили трехслойные орфостатные полигональные (в том числе лесбийские) и прямоугольные одпорядные системы. Кладки отличались тщательной обработкой фасадов, плотной притеской камней и их пастелей, хорошей выкладкой материала. Орфостаты использовались только в паружных обрамлениях па улицу или во двор панцирях стен. Они устанавливались поверх ложкового постелистого цоколя шириной 0,55—0,60 м, заглубленного в грунт. Внутренние края орфостатных стен сложены из постелистого бута.

Широкое распространение аналогичных систем во второй половине V в. до н. э. характерно и для Ольвии [Крыжицкий, 1985, с. 69]. Остальные кладки выложены из «рваного по слою» бута с некоторой подтеской их лицевой стороны. Особой оригинальностью отличается паружный панцирь кладки 38 дома 11, сохранившийся в полную высоту (0,94 м). В нем использованы четыре крупных полигональных орфостата, установленных на одинаковом расстоянии друг от друга, а пространство между ними заполнено мелким бутом в регулярной технике (близкие стеновые конструкции известны в Олиффе) [Robinson, 1946, табл. 12, 2A]. Сырцовые кладки — одно или двухслойные — были оштукатурены тонким слоем светлой глины, так что кирпичей не было видно.

Вопрос об этажности зданий остается открытым, поскольку признаки лестниц отсутствуют, хотя стены некоторых построек имели достаточный для этого

запас прочности. Тем не менее, судя по набору помещений в домах, отсутствию в их заполнениях каких-либо остатков межэтажных перекрытий, представляется, что жилые дома были одноэтажными. В отличие от жилых комплексов предыдущего периода, дома V—IV вв. до н. э. были покрыты черепичными кровлями, преимущественно по спиллийской системе. Завал керамической черепицы, например, открыт во дворе дома 10. Последнее, с одной стороны, может свидетельствовать в пользу того, что материальные возможности жителей города возросли по сравнению с предыдущим временем. Полы в домах глинобитные, и только в одном случае частично покрыты плотно утрамбованной известковой крошкой.

В рассматриваемый период в домах Керкинитиды появляются отдельные подвалы: отсутствие в них лестничных маршей указывает на их складское, а не жилое назначение [Крыжицкий, 1938, с. 28]. В настоящее время в Керкинитиде открыто пока два таких сооружения — помещение 110 в доме 10 и помещение 133 в доме 20. Однако при раскопках отмечены еще три прямоугольных котлована с вертикальными краями, которые, вероятно, можно интерпретировать и как заглубленные в землю сооружения, каменная обкладка которых при перестройке жилых комплексов была полностью выбрана, а сами они засыпаны чистым золотистыми илестым грунтом.

В целом, сравнивая описанные выше строения с жилыми комплексами предыдущего горизонта, можно отметить композиционное усложнение их планировки, группировку жилых помещений в северной (с отклонением на восток или запад) части дома, более высокий уровень стеновых конструкций и благоустройства жилищ.

Сравнение это носит предварительный характер, так как от построек начала V в. до н. э. открыты всего два комплекса. Дома Керкинитиды V—IV вв. до н. э. представляют исключительный интерес, поскольку в Северном Причерноморье жилые комплексы этого времени представлены единичными экземплярами. Достаточно сказать,

что даже в Ольвии нет ни одного полностью сохранившегося или полностью реконструируемого жилого дома V—IV вв. до н. э., а открыты только отдельные планировочные узлы [Крыжницкий, 1982, с. 26; 1985, с. 68].

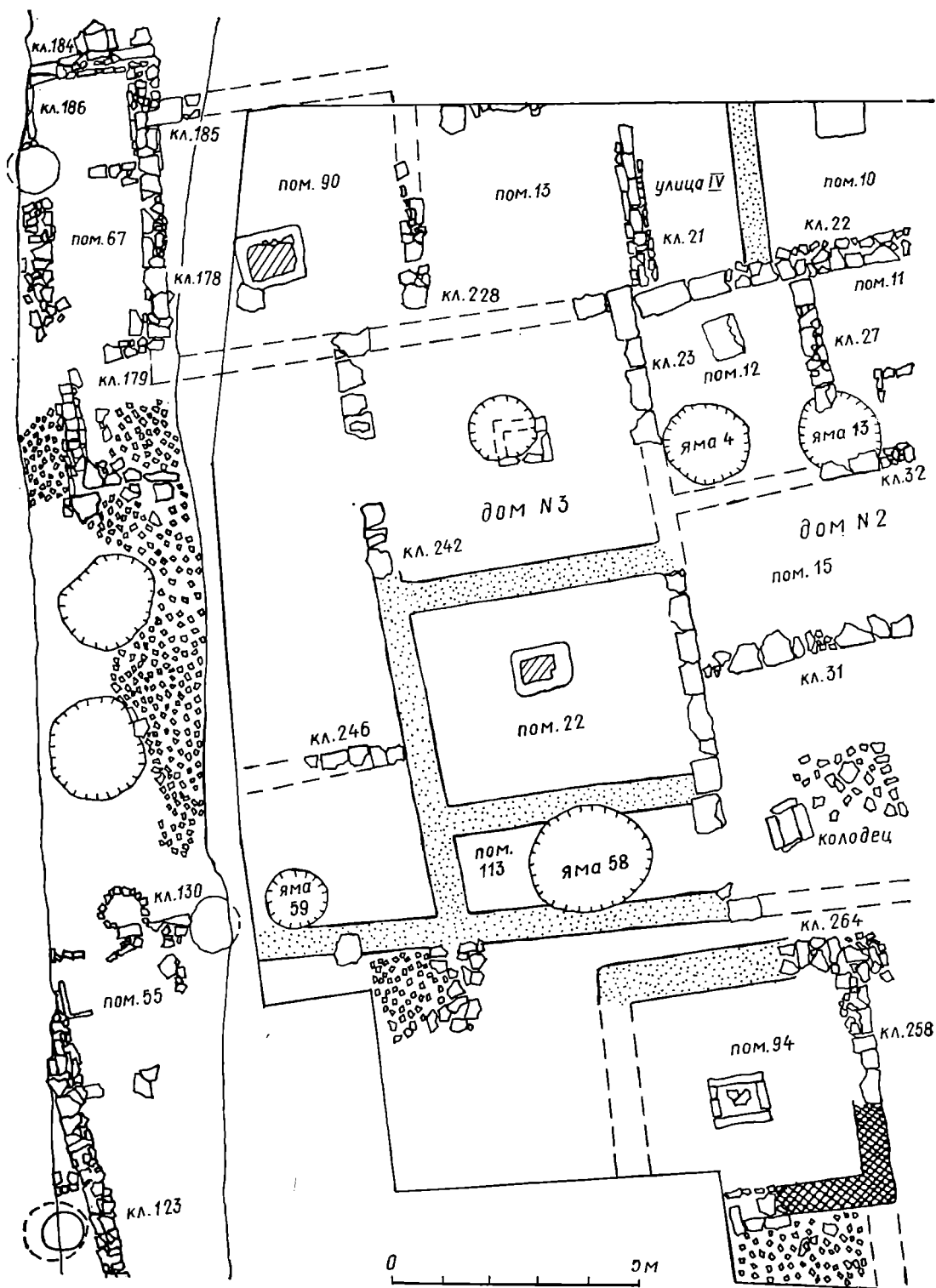
Жилые комплексы третьей четверти IV — середины II вв. до н. э. Застройка Керкинитиды IV—II вв. до н. э. на раскрытом участке города исследована достаточно полно, чтобы судить о планировке не только этого восточного района, но и города в целом (рис. 30; 33; 46).

Камень рассматриваемых строительных остатков в значительной степени выбран из кладок в конце II в. до н. э. и повторно использован для сооружения примитивных построек скифов. Поэтому направление несохранившихся стен устанавливалось по трапезам от их выборки, точно совпадающим по направлению с выбранными кладками, а также по слоевым и песчаным основаниям. Кроме того, жилые здания IV—II вв. до н. э. сильно пострадали от перекопов, фундаментов современных построек, прокладки различных коммуникаций и т. д., что затрудняет, а кое-где и лишает возможности судить о планировке раскрываемых раскопками строений.

Разбивка кварталов в указанное время практически ничем не отличалась от предыдущей, с той лишь разницей, что северо-восточный край квартала I не примыкал к новой крепостной стене, а находился на расстоянии 4,5—5,0 м от нее. Последнее объяснялось тем, что оборонительная линия была перенесена чуть северо-восточней. По-прежнему остался не решенным вопрос о юго-западной границе первого квартала. Так, раскопками вместо предлагаемой продольной городской улицы открыт лишь переулок, заканчивающийся внутри квартала тупиком. К отдельным жилым комплексам внутри квартала вели поперечные проулки. Планировочная сеть квартала осталась прежней. Однако направления стен построек в юго-западной и северо-восточных частях примерно на 13—15° не совпадают (рис. 33). Отмеченные отклонения, вероятно, связаны с приспособлением жилой за-

стройки квартала к фланкирующей оборонительной стене города. Четыре стоящие в ряд дома (1—4), приблизительно одинаковой прямоугольной формы, вплотную примыкали друг к другу. Жилые комплексы 6, 13 и дом с помещением 94 отделены от остальных построек тупиковыми переулками или промежутками для стока дождевой воды. К сожалению, нет никаких данных о застройке северо-западной части квартала, выходящей за пределы раскопа и только частично раскрытой в траншее 1981 г. Еще два комплекса исследованы в северном углу второго квартала, очертания которого также остались без изменений.

Дом 1 достаточно подробно опубликован [Кутайсов, 1985 б, с. 178—190], здесь ограничимся лишь краткой его характеристикой. Рассматриваемый комплекс имел площадь застройки около 108 м² (рис. 46; 47). Основу планировки жилого строения составлял двор, примыкающий к северо-восточной ограде дома. Вдоль двух сторон двора Г-образно располагались жилые и подсобные помещения здания. Только в двух комнатах есть выходы наружу. Особый интерес представляет занимающий северный угол здания андрон, интерпретированный по характерному для аналогичных комнат галечному полу и приподнятой вдоль стен панелью для установки пиршественных лож [1914, с. 119—122]. В остальных трех связанных между собой помещениях (6—7, 9) полы были глинобитными. Определенный интерес представляет также восточное угловое помещение 9 с остатками круглого очага в центре. Относительно большие размеры комнаты (около 24 м²) и присутствие в ней очага позволяют рассматривать ее как ойкос. Западная (внутренняя по своему положению) комната 6 являлась, по всей видимости, жилой. Как видно из плана, жилые помещения 6 и 9 имели общую прихожую. Андрон занимал центральное положение в жилище и планировочно не связан с другими помещениями. Таким образом, в доме сочетались последовательно-иерархический и равнозначно-параллельный принципы планировки.

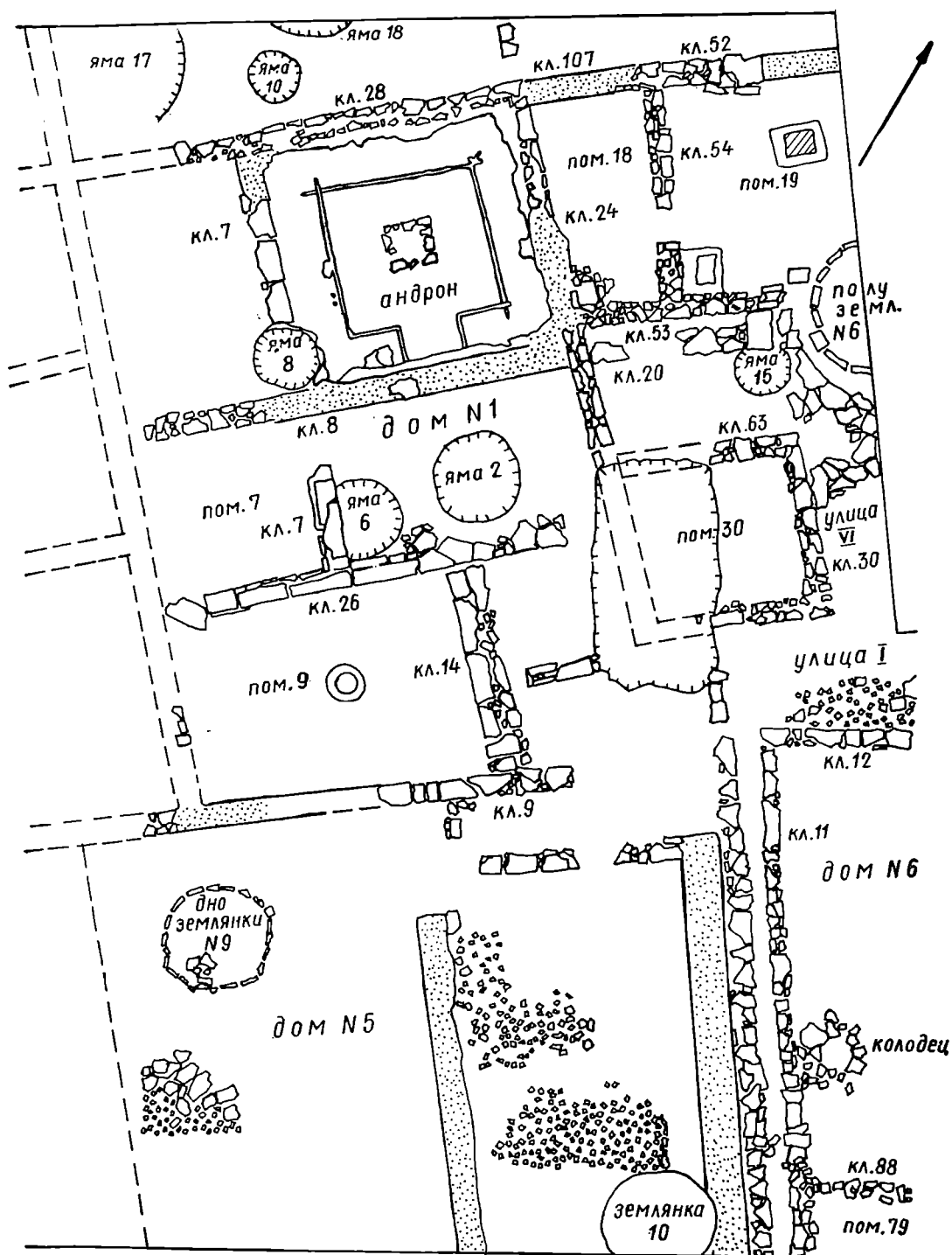
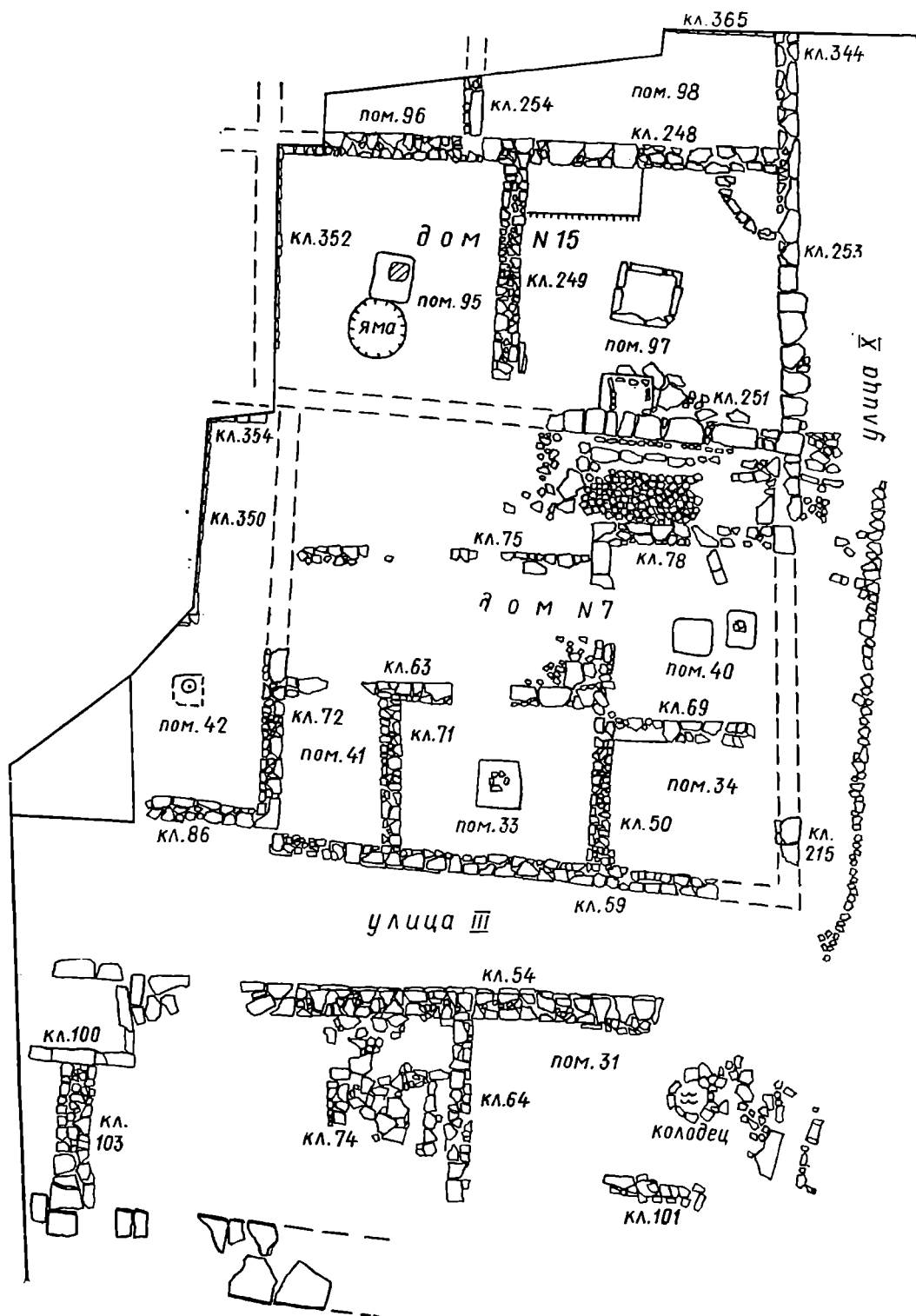

Рис. 46. Жилая застройка IV—II вв. до н. э.—третьего градостроительного горизонта Керкинитиды. План.

Дом 2 расположен в центре квартала, между жилищами 1 и 3, с которыми имели общие стены (рис. 46). Наружные границы комплекса проходили по кладкам 9, 22, 23, а направление северо-восточной стены (общей с домом 1) реконструируется. Описываемый жилой комплекс прямоугольной формы, площадь застройки около 85 м^2 ($12,5 \times 6,8$). Он состоял из двора и трех сгруппированных вместе в северо-западной части дома помещений, два из них — внутренние, расположены вдоль наружной северо-западной стены жилища и занимали равноценное положение в здании. Они примерно одинаковой площади (9 и 11 м^2) и были разделены глухой стеной. В северной угловой комнате (11) находился открытый очаг, сложенный из прямоугольных плит. Третье помещение (15), очевидно, являлось пастадой, в которую выходили двери из внутренних комнаты. Она самая большая в этом здании (18 м^2). К сожалению, сохранность стен такова, что определить точное местоположение дверных проемов не удалось.

Расположенный в юго-восточной части комплекса двор занимал более третью территории дома (около 30 м^2). Средняя его часть вымощена плитами, а в южном углу пахнулся колодец. Не исключена возможность, что в восточном углу двора могло находиться еще одно хозяйственное помещение. Однако никаких строительных остатков его не сохранилось, все это пространство нарушено позднейшим перекопом. Как видно, дом построен по последовательно-иерархическому принципу.

Дом 3 расположен к юго-западу от описанного выше комплекса: с трех сторон к нему примыкали другие жилища, а с четвертой юго-западной проходил переулочек, заканчивающийся здесь тупиком (рис. 46). В конце переулка находился колодец, которым пользовались жильцы близлежащих зданий. Первоначально площадь застройки дома равнялась около 115 м^2 ($9,25 \times$

$12,50 \text{ м}$). Наружные границы его проходили по кладкам 9, 22, 23, а крайняя юго-западная стена, по всей видимости, располагалась в створе кладки 178, открытой чуть западней здания, что подтверждается песочным основанием, отмеченным в пределах помещения 114.

Двор находился в западной части жилища и занимал 35 % от всей территории комплекса. Жилые и хозяйственные помещения располагались Г-образно по сторонам двора, вдоль северо-восточной и юго-восточной его сторон. Они были сгруппированы и, вероятно, перекрыты общей черепичной кровлей, имевшей скат внутрь двора.

О характере взаимосвязи между помещениями можно судить только предположительно, так как дверных проемов, как и наземных частей большинства стен постройки, не сохранилось. Скорее всего, три из четырех помещений (14, 22, 114) имели самостоятельные выходы во двор, четвертая комната была внутренней угловой и, вероятно, сообщалась с помещением 22. Главное положение в доме занимала северная угловая, самая крупная по размерам, комната с очагом в центре (около 23 м^2), расположенная прямо напротив двора. Еще одно помещение (22) имело в центре сырцовый очаг открытого типа. Как видно, основной планировочный принцип в данном случае равнозначно-параллельный. В конце III в. до н. э., когда северо-западный конец упоминаемого выше переулочка был перегорожен новой крепостной стеной, в состав дома включено пространство этой улицы, а площадь комплекса стала достигать $150\text{--}160 \text{ м}^2$. Однако никаких новых помещений построено не было, вся дополнительная территория использовалась под двор.

Дом 4 вплотную примыкал к описанному выше дому 1, а с двух сторон ограничивался внутриквартальными переулками, один из которых (как и северо-восточная часть дома) пока еще не открыт, но четко обозначен в стратиграфическом срезе раскопа (рис. 46). С северо-западной стороны к жилищу примыкал еще один жилой комплекс. Реконструируемая площадь жилища

Рис. 47. Дом 1 — IV—II вв. до н. э.:

1 — галечный пол андрона, вид с северо-востока;
2 — помещение 9, вид с юго-запада.

87—90 м² (7,9×11,0 м). Вымощенный плитам двор располагался в восточном углу комплекса и занимал примерно 20 % всей территории дома (18 м²). Два смежных между собой жилых помещения размещались вдоль северо-западной стороны двора. Одно из них (19), наиболее крупное и с сырцовым очагом в центре (20 м²), соединялось со двором. В другое внутреннее (угловое) помещение можно было попасть только через упомянутую выше комнату с очагом. Еще одно небольшое квадратное помещение площадью около 8,5 м² располагалось в южном углу комплекса и непосредственно не было связано с жилой его частью. Таким образом, этот скромный по размерам и строительной технике дом состоял всего из трех помещений, два из которых являлись жилыми, третье — хозяйственным. Причем северную, наиболее крупную комнату (напротив двора), можно интерпретировать как ойкос, а связанную с ним внутреннюю — как спальню. Основной планировочный принцип последовательно-иерархический.

Дом 13 расположен в восточном углу первого квартала Керкинитиды [Кутайсов, 1986 в, с. 61—72]. С его юго-восточной стороны проходила поперечная городская улица, с противоположной — небольшой переулок, заканчивающийся тупиком, а юго-западный край постройки примыкал к соседнему смежному комплексу (рис. 46; 48—50). Четвертая северо-восточная наружная стена жилища ориентирована параллельно участку крепостной стены и расположена на расстоянии 4,5—5,0 м от нее. Пространство между оборонительной кладкой и жилым строением оставалось незастроенным. Наружные границы комплекса проходят по кладкам 77, 42, 104, 105, 210. Дом прямоугольной формы, площадью застройки около 200 м² (9,7—11×18,5—19). Из общего контура прямоугольника слегка выступает (на 1 м) двор. Он расположен в центральной части жилища и за-

нимает около 15 % от всей его площади (около 30 м²). Относительно двора Г-образно размещались шесть жилых и хозяйственных помещений, сгруппированных в одну постройку и перекрытых, вероятно, общей черепичной кровлей. С северо-восточной стороны они располагались в два ряда (помещения 82—85), а с юго-восточной — в один (80—81).

Насколько можно судить по сохранившимся дверным проемам, лишь две комнаты (81, 83) имели непосредственные выходы во двор и были, следовательно, проходными. Остальные помещения внутренние: попасть в них можно было только через упомянутые выше проходные комнаты. Иными словами, здесь наблюдается сочетание равнозначного-параллельного (относительно двора) и последовательно-иерархического (относительно помещений 82—85) принципов планировки. Кроме того, в западном углу комплекса, вероятно, находилось еще одно отдельное помещение (почти квадратной формы, около 13 м²), расположенное между кладкой 210 и вымосткой входного коридора. При такой реконструкции планировки дома двор соединялся с расположенным северо-западной перестройкой Г-образным длинным и узким коридором, внутреннее крыло которого было вымощено плитам. Следы архитектурного оформления наружного входа не обнаружены.

В южном углу двора находилась овальная в плане и грушевидная в вертикальном сечении цистерна, в которую собиралась стекавшая с крыши вода, что подтверждается примыканием к ней желоба водостока. Позже цистерна была засыпана, а поверхность двора повышена и вновь вымощена плитам.

С верхним настилом двора связано основание лестницы, сложенной из трех отесанных и вторично использованных плит известняка, одна из которых рустованная (рис. 50, 3, 6). Основание лестницы оказалось прямо над предшествовавшей ему упомянутой цистерной. Верхняя часть лестницы, вероятно, была деревянной и опиралась на столбовую конструкцию, к северо-востоку от каменных ступеней (по направ-

Рис. 48. Строительные остатки на восточной окраине Керкинитиды:

1 — общий вид с северо-запада; 2 — вид с запада после частичной разборки сооружений.

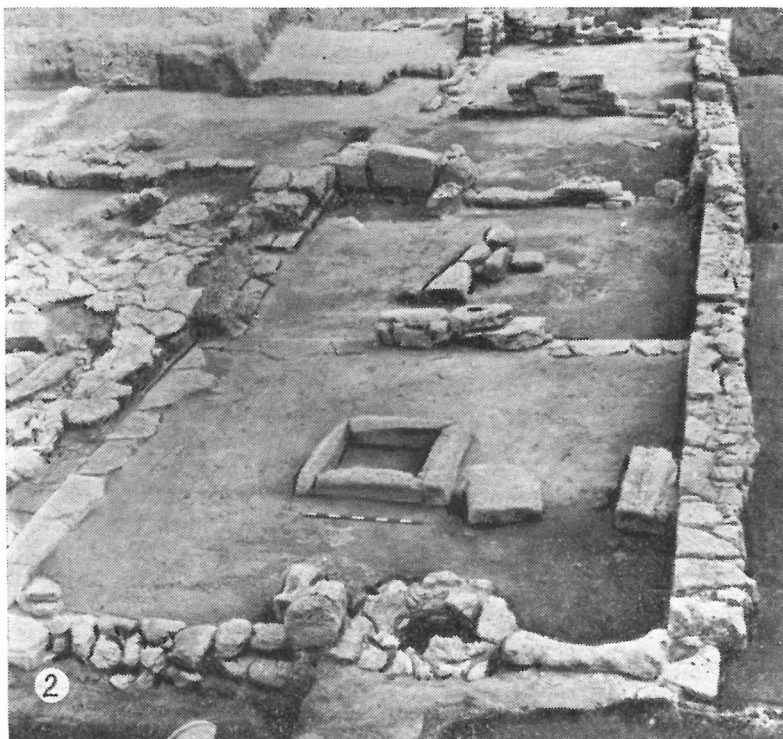

Рис. 49. Дом 13 — IV—II вв. до н. э.:

1 — общий вид с северо-востока; 2 — вид с юга на ближнем плане — помещение 80.

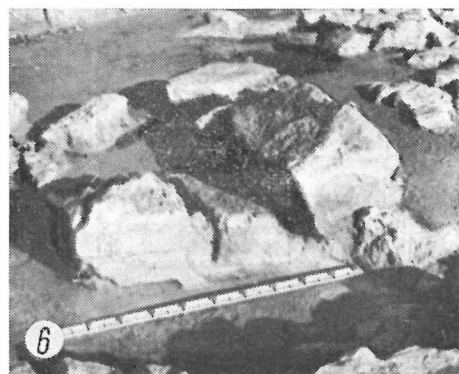
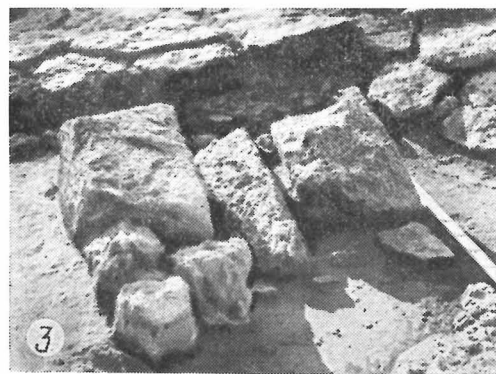
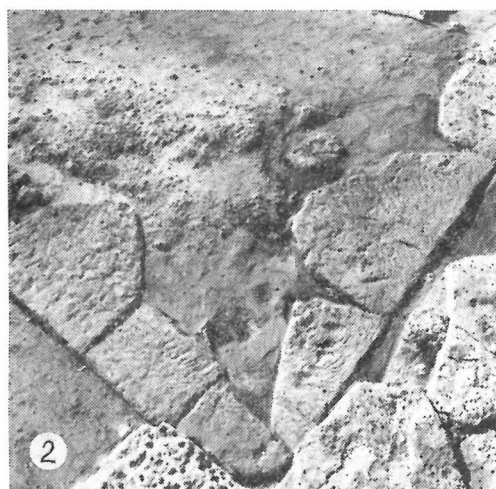
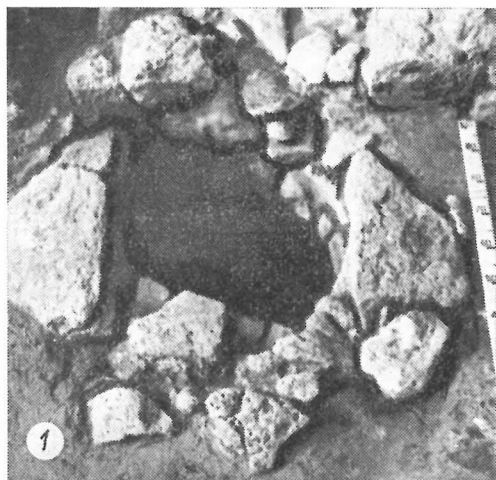

Рис. 50. Дом 13. Детали:

1 — колодец в помещении 80; 2 — северный угол помещения 80; 3—6 — основание лестницы во дворе дома; 4 — перевязь западного угла помещения 80; 5 — цокольный ряд кладок 218 и 223, вид с востока.

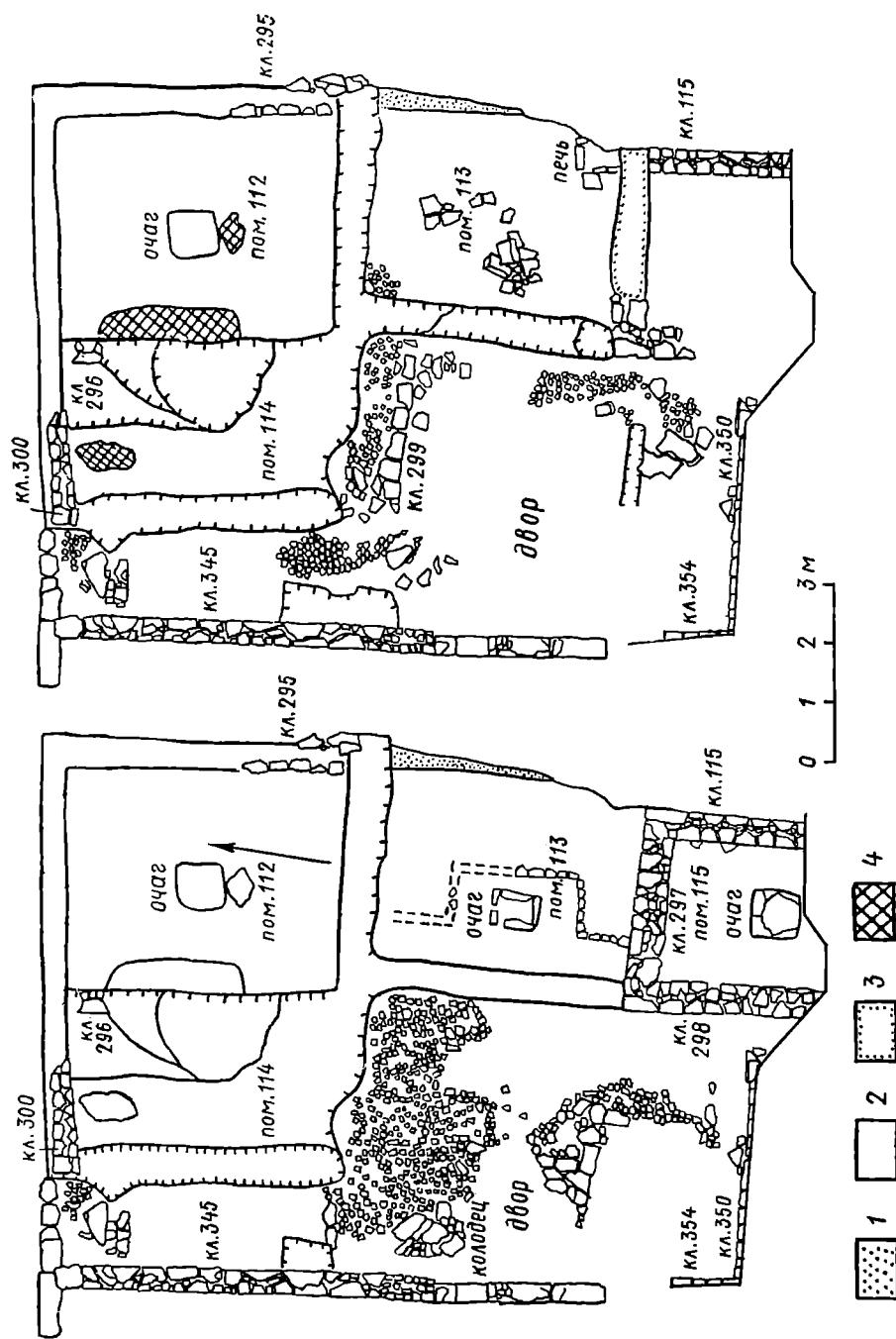

Рис. 51. Дом 14. IV—III вв. до н. э. Два строительных периода комплекса:
1 — песчаные основания; 2 — сырцовые очаги; 3 — сырцовые стены; 4 — известняковая крошка.

лению марша лестницы) у вымостки обнаружено углубление от подошвы деревянного столба. Открытие остатков лестницы может служить доказательством существования второго этажа. Указанное обстоятельство особенно важно для определения архитектурного облика здания.

В четырех из шести комнат открыты остатки открытых очагов (один сырцовый, остальные обложены плитам), причем в трех случаях они были в непроходных внутренних комнатах (80, 84—85), а в проходном помещении 83 очаг расположен в противоположной от входа стороне комнаты. В описанной постройке резко выделяется угловое помещение (80) с монументальным очагом в центре и колодцем в углу (рис. 49, 2; 50, 1). Оно квадратное в плане, площадью 23 м², может интерпретироваться как ойкос. Очаг открытого типа топился «по-черному», вокруг и внутри него много золы, постоянно втаптываемой в пол. Интерпретировать остальные комнаты затруднительно: два проходных помещения могли использоваться только в хозяйственных или производственных целях, дальнейшие внутренние комнаты с очагами для их отопления были, вероятно, жилыми (спальнями и т. д.).

Поскольку данный дом был двухэтажным, верхний его этаж мог традиционно являться женской частью жилища. Если таковой существовал, то был, вероятно, сырцовым [Lawrence, 1957, с. 246], а его очертания вряд ли повторяли планировку нижней части. Любопытно и то обстоятельство, что, несмотря на свои большие по сравнению с окружающими комплексами размеры, этот дом не имел столь свойственного греческим постройкам андрона с галечным полом.

Дом 14 расположен в северном углу второго квартала Керкинитиды, возле оборонительной линии города (рис. 51). С двух его сторон (северо-восточной и северо-западной) проходили городские улицы, а к двум другим вплотную примыкали соседние жилые комплексы. Стены здания сохранились фрагментарно. Однако выяснение его планировки не вызывает особых затруд-

нений благодаря угловому положению дома и соседству хорошо сохранившихся примыкающих к нему построек. Местоположение внутренних стен определяется по траншеям от их выборки, а серое золистое заполнение последних хорошо просматривалось на фоне желтых сырцовых развалов: контуры помещений определялись также и по золистым полам.

План рассматриваемого дома близок к квадрату, его площадь около 100 м² (9—9,2×9,6—9,9 м). Основу планировки комплекса составлял расположенный в южном углу двор, составляющий около 24 % от всей территории дома (23 м²). Он соединялся с поперечной городской улицей узким и длинным коридором. Вокруг двора Г-образно (вдоль северо-восточной и северо-западной сторон) размещались три жилых помещения, два из которых имели непосредственные выходы во двор, следовательно, третья северная (угловая) комната была внутренней. Она наибольшая по размерам в доме (около 17,5 м²), квадратная в плане, в ее центре находился сырцовый очаг. Еще одно (вероятно, хозяйственное) помещение располагалось в южном углу комплекса. Определенный интерес представляет восточная угловая комната (112) здания. В центре ее глинобитного пола стоял очаг, сложенный из поставленных на ребро плит, а вдоль трех внутренних сторон располагалась глинобитная панель, возвышающаяся над поверхностью пола всего на 1—5 см, укрепленная с наружной стороны обкладкой из мелких постелистых камней. Спустя некоторое время пол комнаты был повышен и на его абсолютно ровной поверхности в восточном углу устроена печь, а в центральной части — сырцовый очаг открытого типа. Следует также отметить, что напротив помещения 114, со стороны двора, на последнем этапе существования дома находился немного приподнятый бордюр шириной 1 м, возможно, указывающий на существование здесь навеса. Планировочный принцип постройки равнозначно-параллельный.

Дом 7 был сооружен над остатками описанного выше комплекса (рис. 52—54) занимал такое же положение во

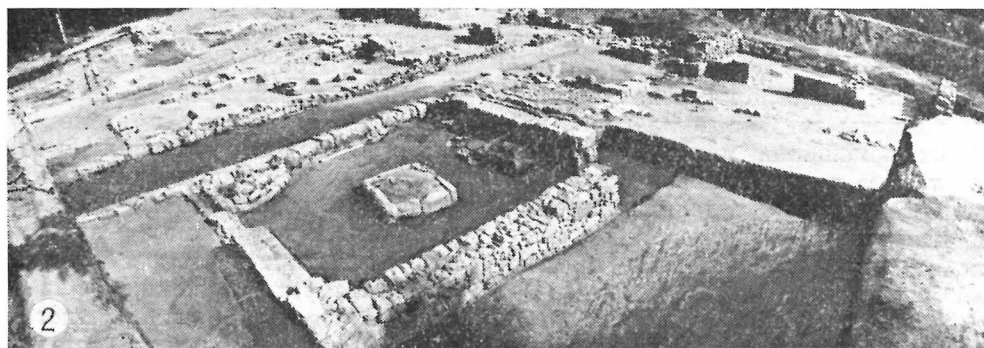

Рис. 52. Строительные остатки IV—II вв. до н. э. на восточной окраине Керкинитиды: 1 — общий вид с юго-востока (на ближнем плане дома 7, 25, на дальнем — дом 13); 2 — вид с юго-запада, в центре снимка улица X; 3 — вид с юга.

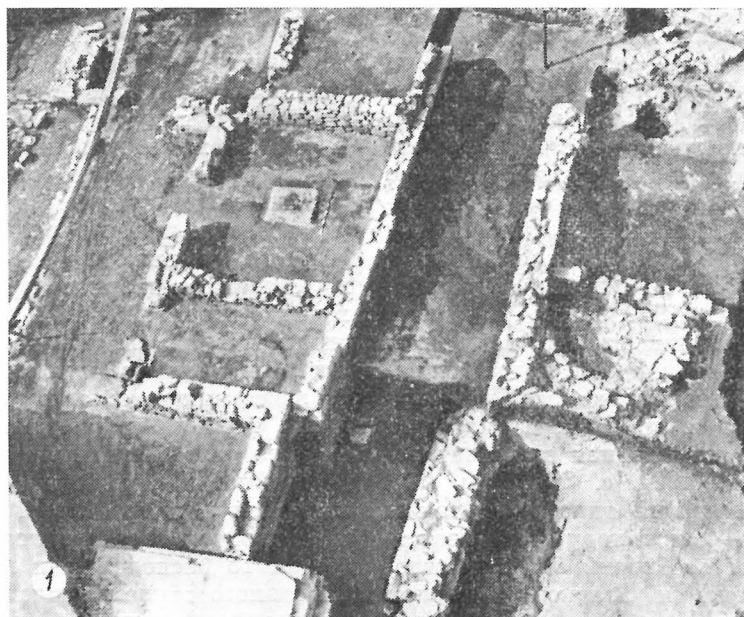

Рис. 53. Дом 7 — III—II вв. до н. э. на восточной окраине города:
1 — вид с востока; 2 — фотоплан.

втором квартале и приблизительно ту же площадь — около 93 м². При подробной публикации этого памятника жилой архитектуры его строительство было отнесено ко времени не ранее середины III в. до н. э. [Кутайсов, 1987 а, с. 172]. Причиной тому послужила находка в культурных отложениях под домом херсонесской бронзовой монеты, датированной В. А. Апохиным концом III в. до н. э. [1977, X, 154]. Однако уже после сдачи статьи в печать А. Б. Колесниковым был издан археологический комплекс конца IV — первой трети III в. до н. э., из которого происходила аналогичная пумизматическая находка [1984, с. 85, прим. 40]. Монета упомянутого типа была также обнаружена — как автору стало известно из устного сообщения А. Н. Щеглова — на поселении Панское, погибшем в первой трети III в. до н. э. Приписывая во внимание сказанное, а также учитывая хронологию обнаруженных здесь позднейших керамических клейм, строительство дома 7 может относиться к первой трети III в. до н. э., скорее всего, к концу упомянутого промежутка времени.

Рассматриваемый жилой комплекс включал двор и четыре жилых и хозяйственных помещения, обращенные выходами на юг. Все комнаты были объединены в одну постройку и перекрывались черепичной одпоскатной крышей со стоком воды во двор, откуда она выводилась на улицу по проходному коридору (рис. 52; 54, 3, 6). Сгруппированные помещения отделялись от двора узкой пастадой. Сохранность наружной стены пастады позволяет предполагать, что она служила своего рода стилобатом, на который могли опираться две опоры, поддерживающие кровлю. Последние, вероятно, были деревянными и поэтому не сохранились. Если наше предположение верно, то пастада была открыта во двор. Два помещения (33, 40) имели в центре глинобитных полов (напротив входов) сырцовые очаги открытого типа. Причем помещение 33, судя по доминирующему положению комнаты в доме, по относительно большей площади и присутствию в ней крупного очага, может интерпре-

тироваться как ойкос (рис. 53—54). Восточное же угловое помещение 41, учитывая его небольшие размеры и отсутствие в нем отопительных приспособлений, могло использоваться в хозяйственных и производственных целях. Особый интерес представляет северное угловое помещение, не имевшее самостоятельного выхода в пастаду и поэтому связанное дверным проемом с проходной комнатой 40. В нем, судя по скоплению на его полу предметов религиозного культа (протом, светильника и известнякового алтарика), отправлялся частный хтонический культ. Домашнее святилище выявлено в жилых постройках Керкинитида впервые. Основной планировочный принцип дома 7 равнозначно-параллельный.

Дом 15 расположен к юго-западу от описанного выше комплекса, вероятно, занимал внутреннее положение во втором квартале Керкинитиды (рис. 46; 52; 55). Открыт он не полностью, что лишает нас возможности исчерпывающе судить о нем. По всей видимости, комплекс по своей площади превышает размеры дома 7 и насчитывает два строительных периода. Первоначально он состоял, по крайней мере, из четырех помещений и двора, расположенного в западном углу комплекса. Три комнаты были вытянуты вдоль северо-восточной наружной стены жилища. Восточная (угловая) комната пока еще не открыта, но на ее существование указывает дверной проем в юго-восточной стене помещения 95. Последнее, как и помещение 97, имело непосредственный выход во двор. Во втором строительном периоде дверной проем во двор в помещении 95 был заложен, а здесь за счет сокращения площади двора сооружено еще одно помещение 96 (или расширена ранее существовавшая комната). После этого количество помещений в постройке достигло шести. К тому же комната 97 стала внутренней. Таким образом, первоначально основным планировочным принципом был равнозначно-параллельный, а затем было применено сочетание этого и последовательно-иерархического принципов.

В двух раскрытых комнатах в центре находились очаги открытого типа: в по-

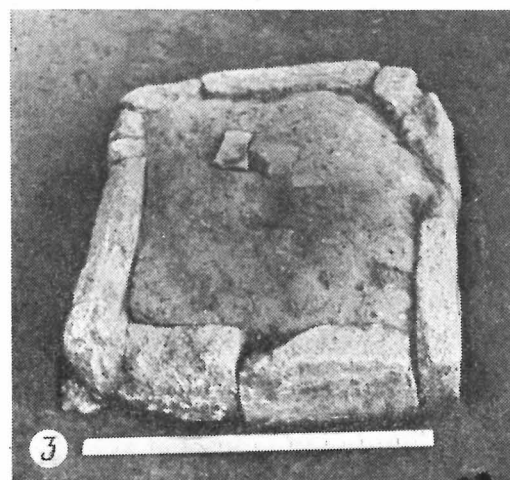
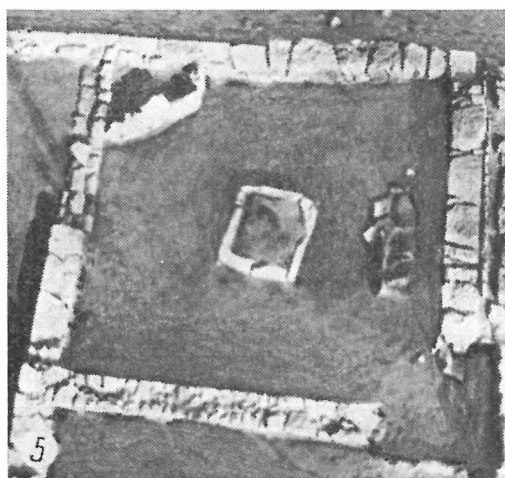
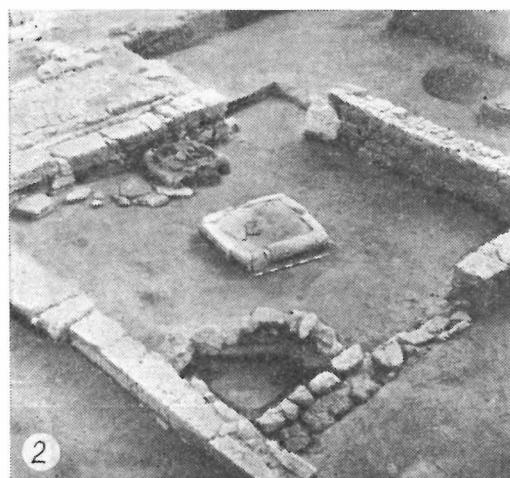
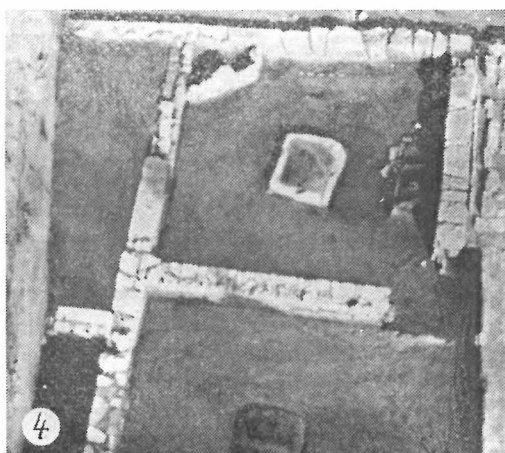

Рис. 54. Дом I — III—II вв. до н. э. Детали:

1 — помещение 34, вид с юго-востока; 2 — помещение 34, вид сверху; 3 — входной коридор, вид с востока; 4 — вид с востока на жилую часть дома; 5 — то же, вид с юго-востока; 6 — галечная вымостка входного коридора.

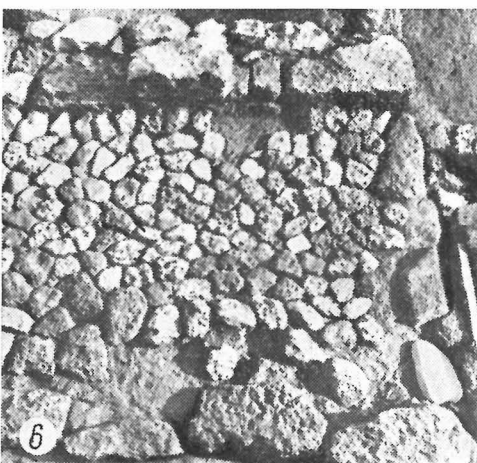
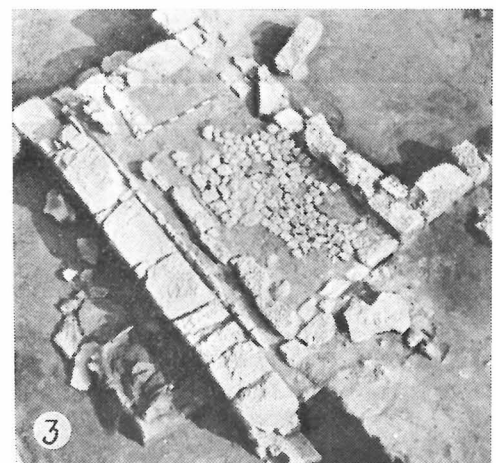
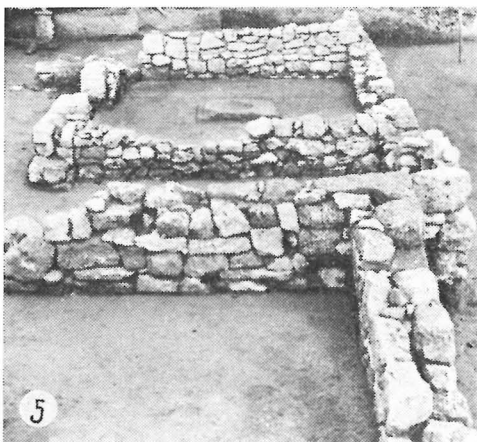
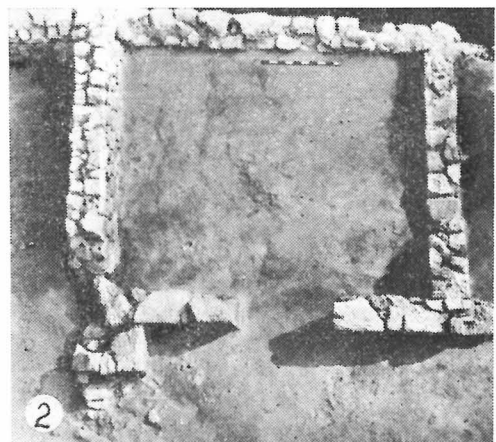
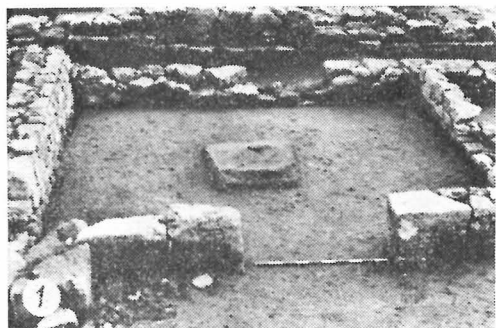

Рис. 55. Дом 15 — IV—II вв. до н. э. Общий вид и детали.

мещении 95 — сырцовый, в помещении 97 — обложенный плитамп, поставленными на ребро. Последняя комната наиболее крупная в жилом строении (около 23 м²), занимала северный угол и, по всей видимости, являлась ойкосом. Причем западный угол этого помещения отделен полукруглой загородкой, а в южном находилась сырцовая лежанка. Согласно предполагаемой планировке комплекса, он имел площадь не менее 120 м².

Керкинитиды в IV—II вв. до н. э. была застроена жилыми комплексами преимущественно малой площади (85—115 кв. м.) и по типичной схеме — с тремя-четырьмя комнатами каждый (рис. 56—57). Исключение составляет лишь расположенный у самой оборонительной стены дом 13, в два раза превышающий остальные городские постройки. С целью наиболее рационального использования внутреннего пространства жилищ двор обычно размещался в одном из углов комплекса (чаще в западном или южном), вокруг которого Г-образно располагались жилые и хозяйственные помещения. Следовательно, преобладающим планировочным принципом тут являлся равнозначно-параллельный. Отметим также нередкое сочетание этого принципа с последовательно-иерархическим, в чистом виде последний в Керкинитиде отмечен пока лишь в доме 2.

Обязательной принадлежностью каждого жилого здания города служили помещения площадью около 20—23 м² с монументальным, выложенным из описанных плит очагом (табл. 1). Такая комната, самая крупная в доме, располагалась преимущественно в северной части комплекса и занимала доминирующее положение в жилище. В пяти описанных выше случаях аналогичные комнаты имели одну и ту же площадь — 23 м². Все подобные комнаты могут интерпретироваться как ойкос — наиболее важное помещение в доме — с главным очагом семьи, вокруг которого проводили свое время за повседневными занятиями домохозяйцы (прежде всего женщины — хозяйки) [Vitr., VI, 7, 2; Wiegand, Schrader, 1904, с. 291; Mylonas, 1946, с. 384, 389; Dinsmoor,

1950, с. 252—253]. Подчеркнем, что и в каком другом из северопричерноморских городов ойкосы так ярко не выявляются, что выгодно отличает Керкинитиду. В небольших жилых постройках, как показывают этнографические параллели (балкано-анатолийские и левантйские дома), в ойкосах и спали [Типы, 1968, с. 137; 1981, с. 88]. В этом случае комната делилась очагом на две половины: первая, ближайшая ко входу, служила для работы, вторая, за очагом, — для сна. В ней был пол, как правило, приподнятый, на почь на него стелили постель, а днем ее складывали. Очаг в центре обычно открытого типа. Типичный пример такого ойкоса — помещение 112 дома 14 (рис. 51, 1; 57).

Очаги в ойкосах были открытого типа и, вероятно, топились «по-черному»: вокруг очага всегда много золы, постоянно втаптываемой в пол, в результате чего последний постепенно повышался. В Олинфе отмечено устойчивое сочетание ойкоса с ванной и кухней [Mylonas, 1946, с. 389]. Однако в нашем случае из-за незначительных размеров жилищ можно предполагать полифункциональное назначение комнат, в том числе и ойкосов, которые могли одновременно служить и кухнями.

Очаги открытого типа обнаружены и в других помещениях, где они служили для отопления. Определить назначение этих помещений, как правило, затруднительно. У нас почти нет данных об интерьере жилищ Керкинитиды. Можно лишь предполагать (не без основания), что внутренние, не имевшие прямого выхода во двор, комнаты с очагами для их отопления были жилыми — женской половиной дома, спальнями и т. д. Исключение составляет открытый в одном из зданий андрон с характерным галечным полом и приподнятой панелью вдоль его стен. Андрон имел оштукатуренные и окрашенные в красный цвет стены, в остальных помещениях сырцовые кладки покрывались светлой обмазкой, фрагменты которой кое-где сохранились *in situ*, а мелкие остатки повсеместно встречаются в развалах сырцовых стен. Последнее характерно и для современных сельских построек Греции [Типы, 1968, с. 122].

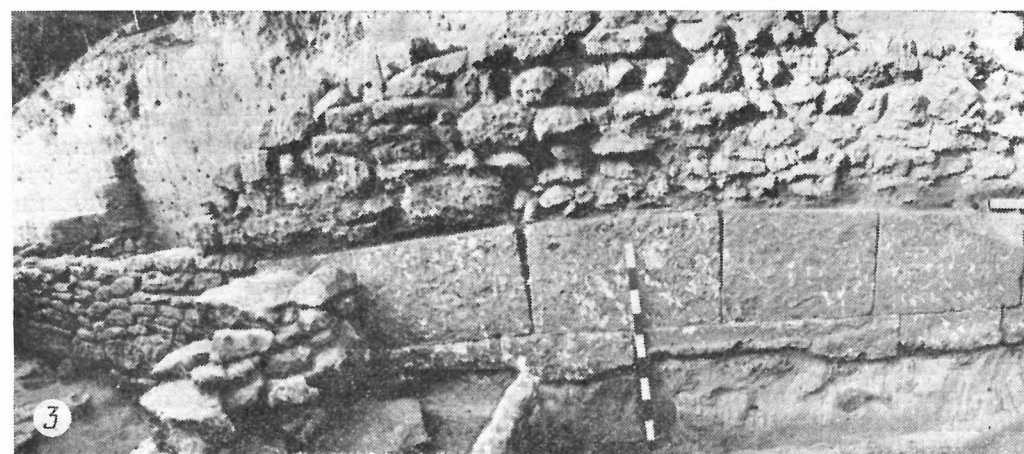
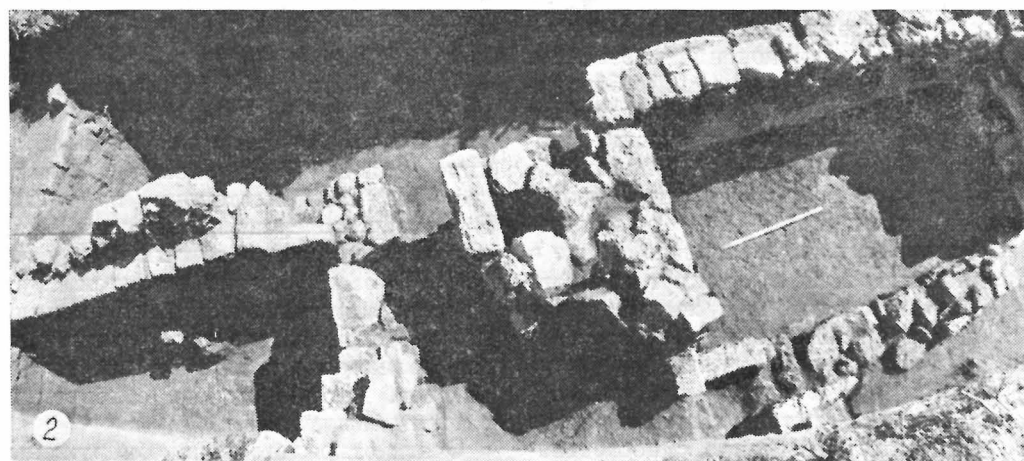
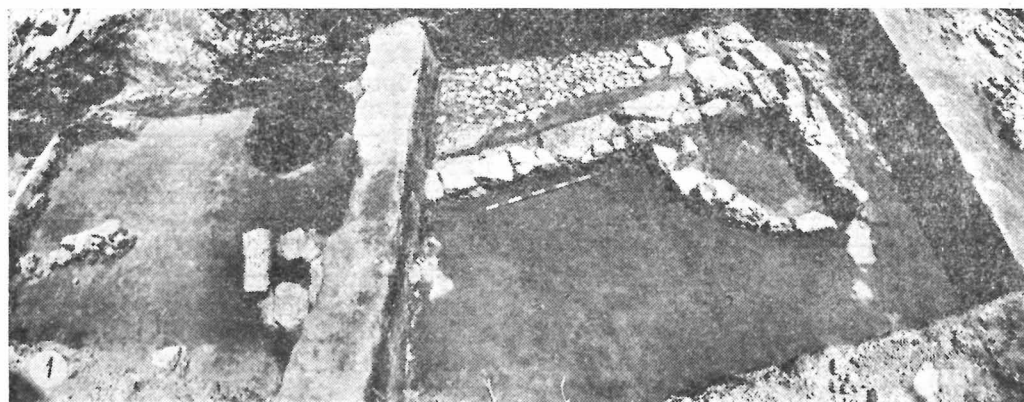

Рис. 56. Строительные остатки в траншее 1981 г.:
 1—2 — северо-восточная часть дома 17 — IV—II вв. до н. э.; 3 — орфостатная кладка 152, перекры-
 тая фундаментом более поздней стены 133, вид с северо-востока.

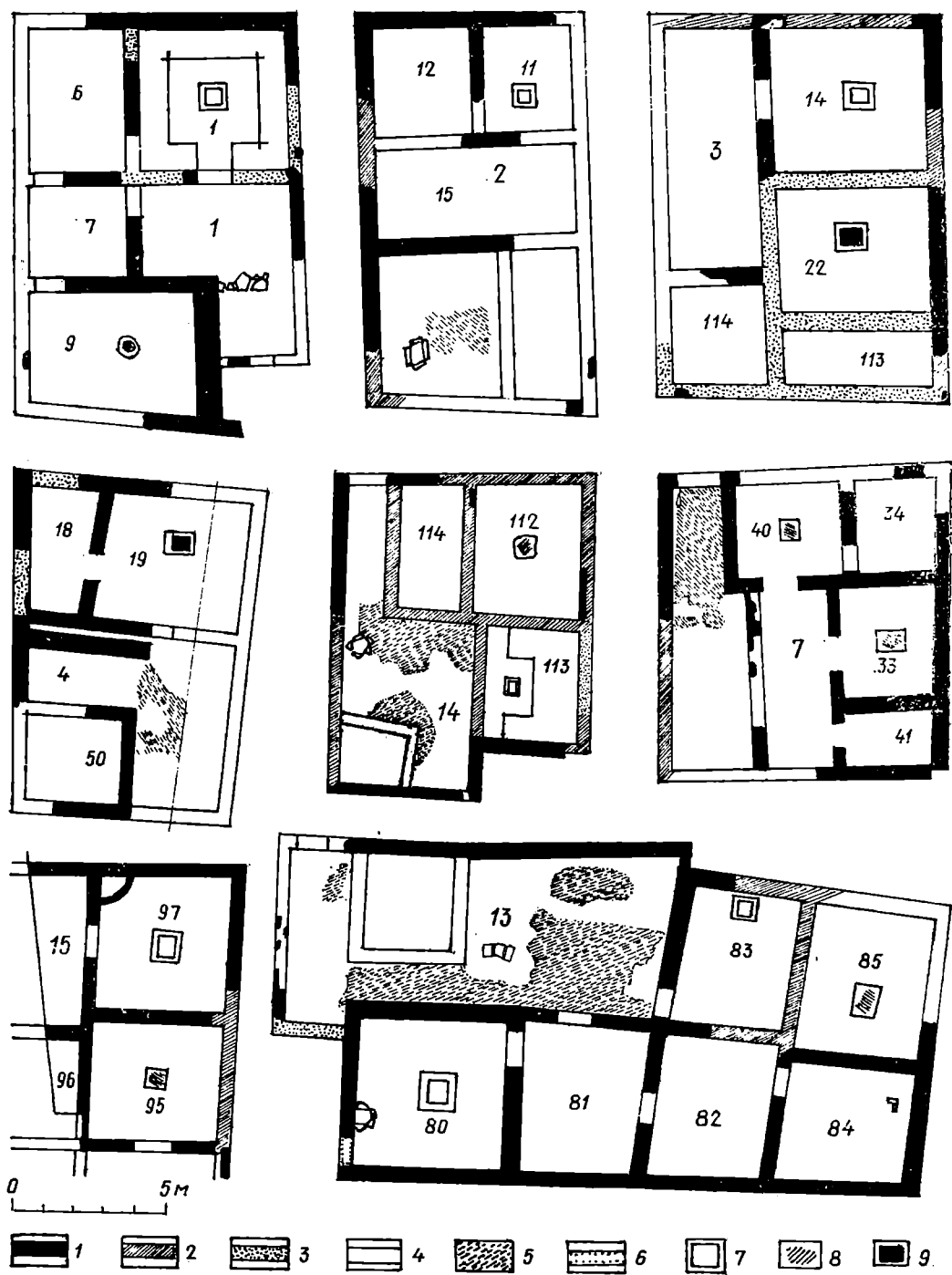

Рис. 57. Жилые комплексы IV—II вв. до н. э.— третьего градостроительного горизонта Керкинитиды. Спецификация:

1 — сохранившиеся кладки; 2 — траншеи от выборки стен; 3 — песчаные основания; 4 — реконструируемые участки стен; 5 — вымостки; 6 — сырцовые стены; 7 — монументальные плитовые очаги; 8 — сырцовые очаги; 9 — сырцовые очаги, перекрытые плоской черепицей.

Таблица 1. Характеристика ойкосов

№ помещения	№ дома	Размеры помещения, в м	Площадь, в м ²	Размеры очага, в м	Расположение помещения в доме
9	1	4,2×5,5	23	0,72	восточный угол
11	2	3,2×2,8	9	0,65×0,75	северный угол
14	3	5,2×4,45	23	0,9×1,1	»
19	4	—	20 (?)	0,8×1,1	»
33	7	3,1×3,7	13	0,7×0,9	северо-восточная часть
46	10	4,4×4,5	20	0,9×1,2	»
77	6	4,15×4,2	17,5	0,95×0,96	восточный угол
80	13	4,8—4,88×4,72—4,78	23	1,2×1,3	южный угол
85	13	4,65×3,95	18	1,06×1,1	северный угол
86	8П	4×4,1	16	1×0,8	»
94	—	4,05×4	16	1,11×0,95	»
97	15	4,7×4,9	23	1,15×1,3	»
104	24	3,85—4,1×4,2—4,3	17	0,96×0,8	»
112	14	4,6×3,8	17,5	1,3×1,3	»
117	22	3,3×3,95	13	1×1,07	»
126	24	2,9×3,6	10,5	0,68×0,78	»

В строительном доме Керкинитиды около середины IV в. до н. э. произошли существенные изменения. Так, наряду с традиционными двухслойными иррегулярными и рядными кладками в этот период в некоторых строениях появляются однослойные стены с выдержанной порядовкой, сложенные из хорошо отесанных или даже пиленых квадров и блоков, значительных по своим размерам (до 1,0×0,6 м). Трудно допустить, чтобы столь монументальные кладки служили лишь покоем для возвышавшихся над ними сырцовых стен. Логичнее предполагать, что они были во всю их высоту каменными, а внутренние перегородки делались сырцовыми на каменных цоколях. На существование сырцовых стен указывают их развалы, значительно уступающие по своей мощности предыдущим аналогичным отложениям. Это коснулось далеко не всех сооружений, а лишь некоторых из них (1—3). Однако и в остальных традиционных сырцово-каменных постройках заметно стремление к большей монументальности, к регулярным системам кладок стен. К сожалению, ни одна сырцовая кладка того времени не открыта *in situ*. Поэтому можно только предполагать, что сырцовые кладки (судя по аналогам) были выполнены по однопорядным постельным ложковым системам. Фундаментом кладок являлись как каменные цо-

коли от более ранних построек, так и слоевые основания, состоящие из чередующихся прослоек песка и глины, или обычные песчаные. В нескольких случаях зафиксированы траншейные ленточные фундаменты глубиной до 1 м. В целом, как видно из сказанного, описанные стены были достаточно прочны для возможности сооружения над ними второго этажа. Эти нововведения в строительной технике (устройство траншейных фундаментов и слоевых оснований, кладки по однослойной рядной системе из крупных блоков) нашли применение при перестройке жилых комплексов города в третьей четверти IV в. до н. э., что хронологически предшествует присоединению Керкинитиды к Херсонесу и может свидетельствовать о более значительных материальных возможностях жителей города, привлекавших к строительным работам каменщиков-профессионалов.

Жилые комплексы IV—II вв. до н. э. непосредственно предшествуют скифским постройкам, расположенным стратиграфически несколько выше — на поверхности развала их сырцовых стен. До настоящего времени не отмечено ни одного случая использования скифами греческой постройки или какой-либо ее части.

Скифский строительный горизонт. Остатки скифских жилищ — самые верхние и наиболее поздние на

исследованной территории. До настоящего времени (до появления современного парка), они, вероятно, кое-где почти выступали на поверхность и поэтому наиболее пострадали от всевозможных перекопов. В 1980—1982 гг. удалось изучить только незначительные фрагменты бывших строений, не дающие целостного представления о застройке скифского времени (рис. 34).

Стратиграфически здесь выделяется два строительных горизонта: земляночный и наземный. Развал сырцовых стен греческих построек послужил той дневной поверхностью, поверх которой скифы приступили к сооружению своих первых, частично заглубленных и, вероятно, временных строений — полуземлянок*. Большое скопление этих сооружений открыто в юго-западной части траншеи 1981 г. (рис. 58—59). Спустя некоторое время они были засыпаны и после небольших нивелировочных работ перекрыты более долговечными каменными постройками.

Полуземлянки округлой или овальной формы, глубиной от 0,7 до 1,3 м, диаметр верхнего края 2,5—3,5 м (табл. 2). Большинство из них имело по всему периметру ступенчатый обвод высотой 0,15—0,30 м шириной 0,2—0,6 м, обложенный поставленными на ребро плитами (рис. 59—61). Вертикальные края полуземлянок 6 были укреплены двумя рядами отесанных, поставленных орфостатно, плит (рис. 61, 2). Полы всех этих строений представляли собой плотно утрамбованный суглинок. Никаких следов стационарных очагов зафиксировано *in situ* не было, что, вероятно, является результатом использования здесь переносных жаровен. Это подтверждается тем фактом, что на полах почти всех полуземлянок отмечен тонкий слой утоптанной золы, а следы разведенных прямо на полу кострищ не зафиксированы. Местоположение входов в трех случаях определяется по разрывам в ступенчатых обводах или по плоско лежащим плитам на полах. Спуск в полуземлянки, по всей види-

мости, оснащался деревянными трапами, поэтому видимых следов их не обнаружено. Какой-либо выдержанной ориентации входов не отмечено. В центре пола полуземлянки 2 выявлено углубление от столба диаметром 0,16 м, поддерживавшего конструкцию перекрытия.

Полуземлянки впервые зафиксированы Л. А. Моисеевым (рис. 60, 2) на раскопе XIII [Архив ЛОИА, р. 1, № 730, № 5613] и М. А. Наливкиной (рис. 60, 1) на раскопе II [1955, рис. 22, 1]. Аналогичные и к тому же синхронные сооружения встречаются на Неаполе Скифском [Высотская, 1979, с. 83, рис. 28; 1983, с. 9—11, рис. 3], на поселении Маслины в Западном Крыму [Латышева, 1985, с. 306], а также на Кара-Тобе и Южно-Донузлавском городище, где они датируются I в. н. э. [Шульц, 1941, с. 273; Дашевская, 1967, с. 69—70]. Эти сооружения обычно интерпретируют как заглубленные основания юрт [Хазанов, 1975, с. 271; Щеглов, 1978, с. 85; Нечаева, 1975, с. 14; Иванова, 1953, с. 11 и др.]. Вместе с тем на основании обширного этнографического материала С. И. Вайнштейн показал, что изобретение юрты (жилища со складным решетчатым остовом) относится к середине I тыс. н. э. [1976, с. 46—47]. Открытые же нашими раскопками строения являлись, скорее всего, коническими или, что менее вероятно, пирамидально-усеченными палашами с остовом из жердей [Вайнштейн, 1976, с. 43—44, рис. 6, 3—4], служившими непосредственными предшественниками юрт [Харузин, 1896, с. 46].

Следует также отметить, что близкие по очертаниям и размерам заглубленные в землю сооружения известны в разновременных памятниках: в Ольвии [Крыжичкий, 1979, с. 330; 1982, с. 12], на Березани [Доманский, 1985, с. 272], в Нижнем Поднестровье [Мелюкова, 1980, с. 7; Охотников, 1980, с. 85—87, рис. 2], но особенно многочисленны они в раннесредневековых памятниках салтово-маяцкой культуры [Ляпушкин, 1958, с. 100; Плетнева, 1967, с. 53, 57; Винников, 1984, с. 96—97] и Южной Сибири [Евтюхова, 1947, с. 158; Кисе-

* Критерии различия между землянками и полуземлянками предложены С. Д. Крыжичким [1982, с. 12, прим.].

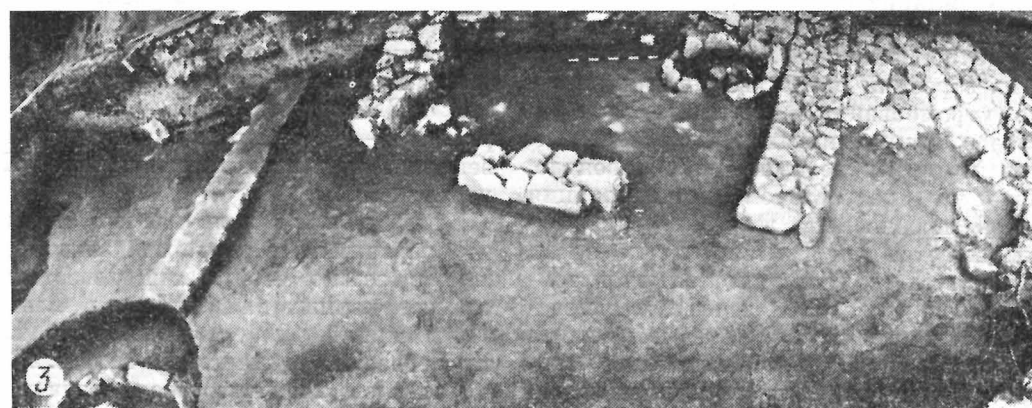
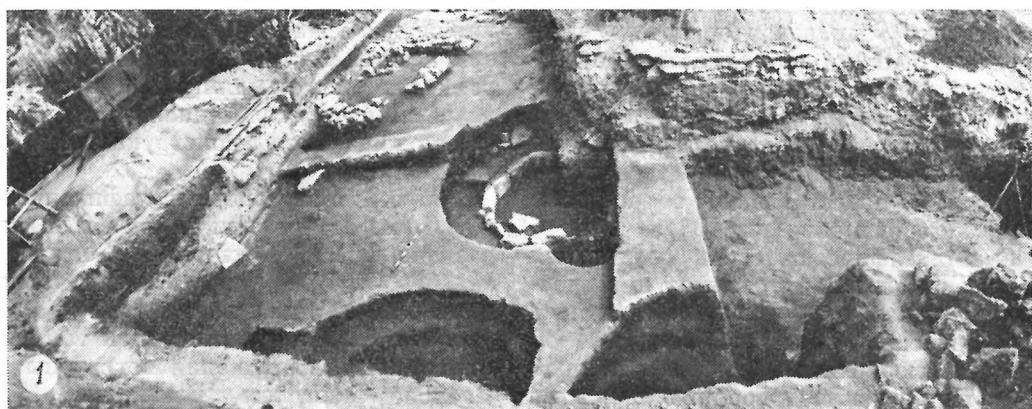

Рис. 58. Скифский строительный горизонт — вторая половина II в. до н. э. Полуземлянки и наземные постройки в траншее 1981 г.:
1 — вид с юго-востока; 2 — вид с востока; 3 — вид с северо-востока,

Таблица 2. Параметры полуземлянок скифского горизонта в метрах

№ п/п	Диаметр	Глубина	Ширина ступеньки	Высота ступеньки	Форма землянки
1	2,8—2,5	0,84—0,92	0,2—0,4	0,3	округлая
2	2,9—3,6	1,12	0,5	0,15—0,3	овальная
3	3,5	0,9—1,1	0,4	0,2—0,3	округлая
4	—	—	—	—	овальная
5	2,48	1,2—1,25	0,4	0,24—0,44	округлая (?)
6	3	0,7	—	—	То же
8	3	0,7	0,25—0,5	0,15—0,2	»
9	2,8—2,9	1,3	0,5—0,6	0,3	»
10	2,2	0,95	—	—	»

лев, 1949, с. 319]. По мнению Л. А. Елтюховой, отсутствие следов врытых в землю кольев и столбов (как в нашем случае) может свидетельствовать о недолговременности этих сооружений [1947, с. 157], а наклон стенок полуземлянок позволяет определить их примерную высоту (до 4 м) [Плетнева, 1967, с. 57]. Все выше сказанное, вероятно, говорит о сохранении пережитков кочевого быта у новых обитателей Керкиштиты либо о временном характере расположившегося здесь передового отряда.

По нашим наблюдениям, раскрытые земляночные конструкции предшествовали наземным каменным постройкам и, по всей видимости, являлись временными жилищами. Аналогичная стратегическая ситуация отмечена и в Калос-Лимене [Щеглов, 1967, с. 237]. В данной связи любопытно указание Н. Харузина о том, что древние формы жилищ кочевников (например, шалаши) позднее на протяжении длительного времени использовались сначала как исключительно летние жилища, а затем и в качестве хозяйственных построек [1896, с. 59]. А. Н. Щеглов не исключал возможности появления «юрт» в Северо-Западном Крыму вместе с кочевым сарматским населением [1978, с. 85]. Это замечание интересно, если вспомнить участие в военных действиях против Диофанта одного из сарматских племен — ревкиспалов [IOSPE, I², № 352].

Наземные постройки помимо того, что сохранились крайне фрагментарно, расположены на значительном расстоянии одна от другой (рис. 34; 62). В на-

стоящее время можно реконструировать (рис. 62) план лишь одной двухкамерной постройки (II). Скифские строения не имеют четкой разбивки на местности, а ориентация их стен не подчиняется какой-либо строго выдержанной планировочной сети. Раскопками открыты остатки пяти двух-трехкамерных зданий, в трех из которых обнаружены остатки топочных камер саманных печей (рис. 63; 64). В двух случаях они расположены в углах, в одном — у стены. Помещение 8 ограждалось забором (рис. 64). В нескольких местах открыты вымостки, а в одном случае — водосток, выложенный из поставленных на ребро плит. Все это свидетельствует о некотором, самом элементарном, благоустройстве поселения. Неотъемлемой частью скифского горизонта является большое количество вырытых возле построек зерновых ям. Они служат ярким подтверждением аграрного характера скифского поселка. Здесь же следует упомянуть находки необожженных (только высушенных на солнце) пирамидальных грузил, подтверждающих занятие скифов домашним ремеслом.

Отличительной особенностью каменных наземных строений служит устройство зольных «подстилок» под полами и стенами. Они характерны и для других скифских памятников Крыма [Припусков, 1957, с. 329]. Накопление же зольных отложений с пещачительным содержанием древесного угля во дворах — результат использования преимущественно травянистого топлива. Последнее вполне согласуется с наблюдением А. И. Дзец-Литовского об исклю-

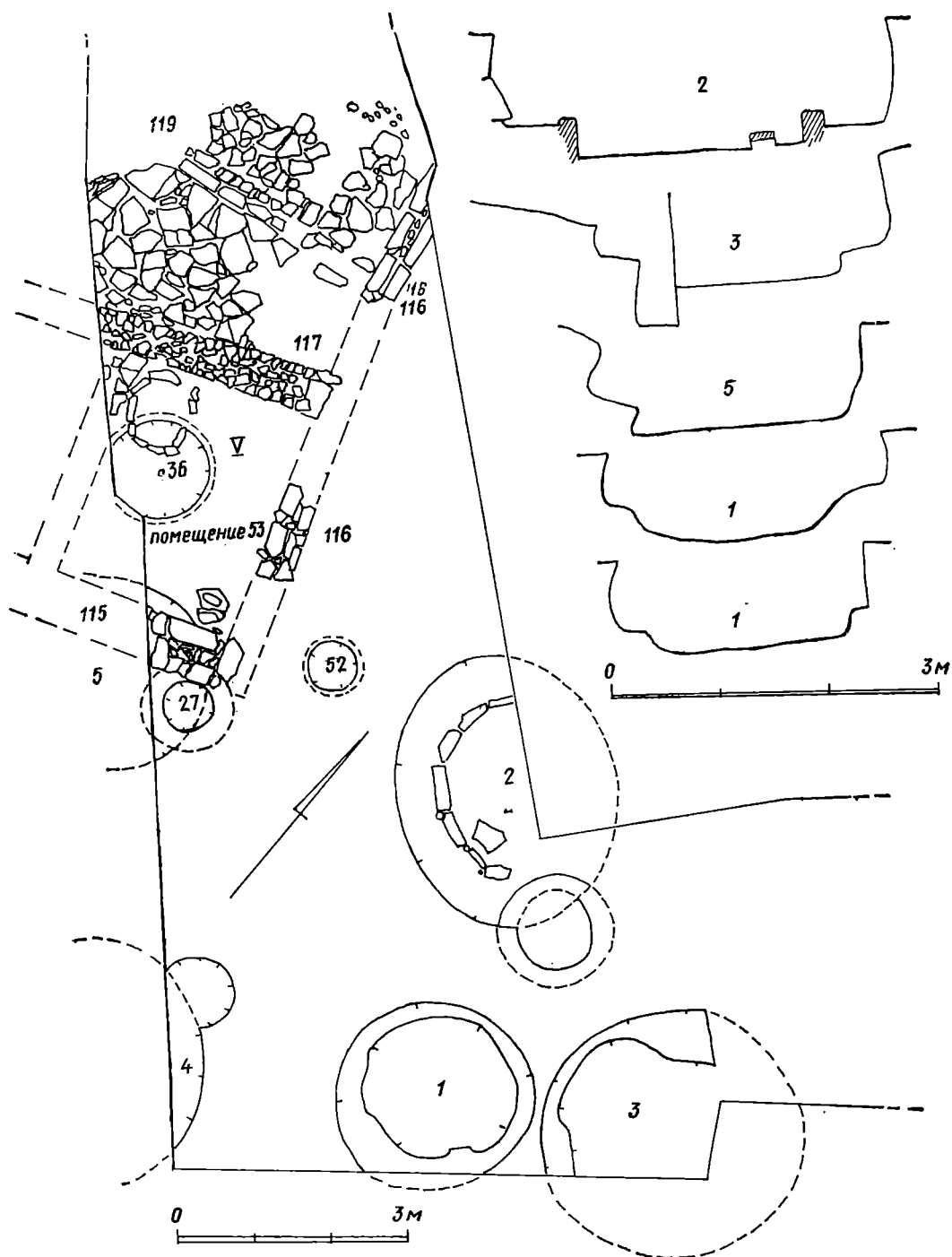

Рис. 59. Скифский строительный горизонт — вторая половина II в. до н. э. Полуземлянки и наземные постройки в траншее 1981 г.

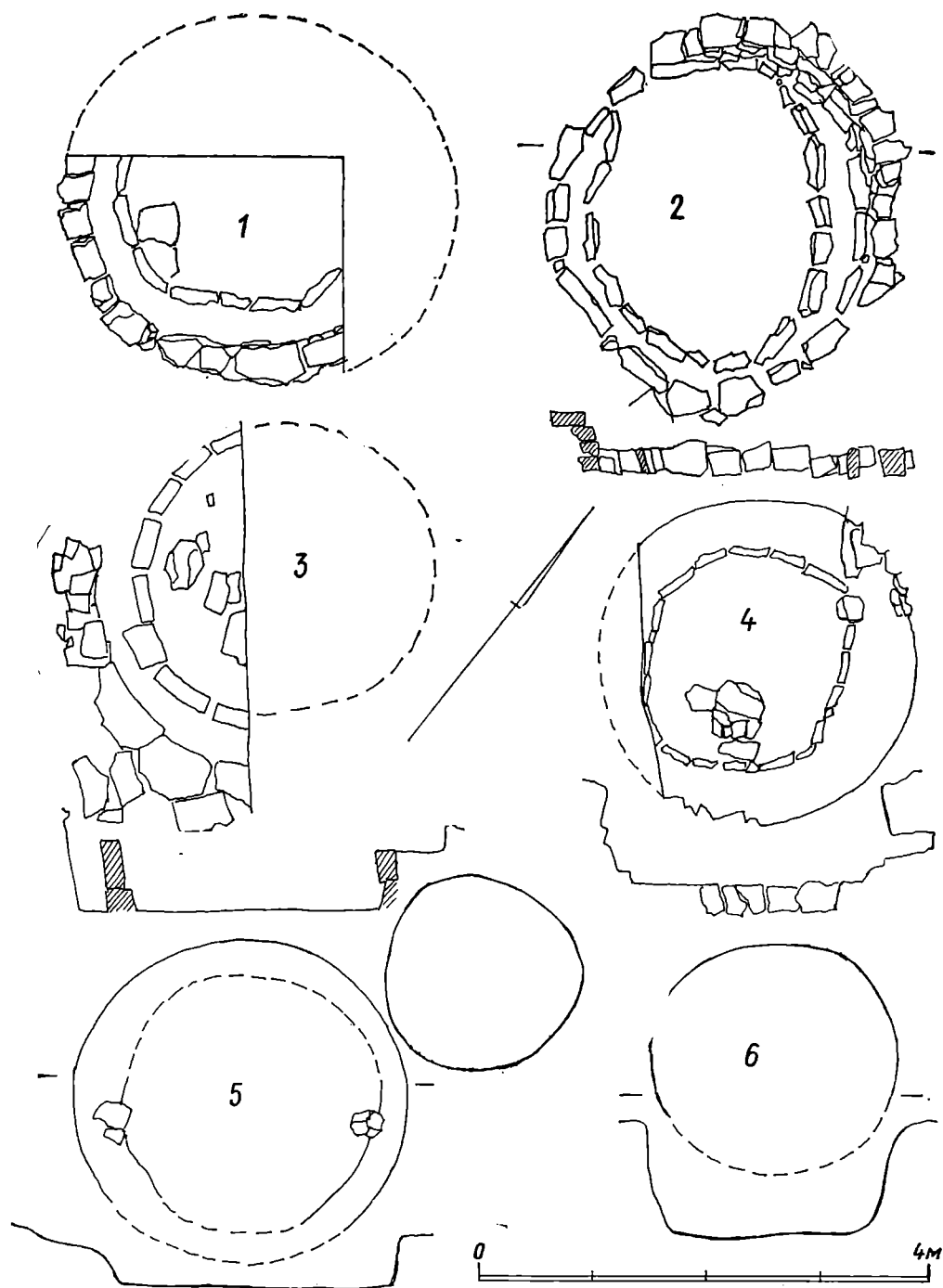

Рис. 60. Полуземлянки скифского горизонта Керкениитиды из раскопок разных лет:

1 — из раскопок 1952 г., М. А. Наливкиной; 2 — из раскопок 1917 г., Л. А. Монсеева; 3—6 — из раскопок 1980—1982 гг. (3 — полуземлянка 6; 4 — полуземлянка 9; 5 — полуземлянка 8; 6 — полуземлянка 10).

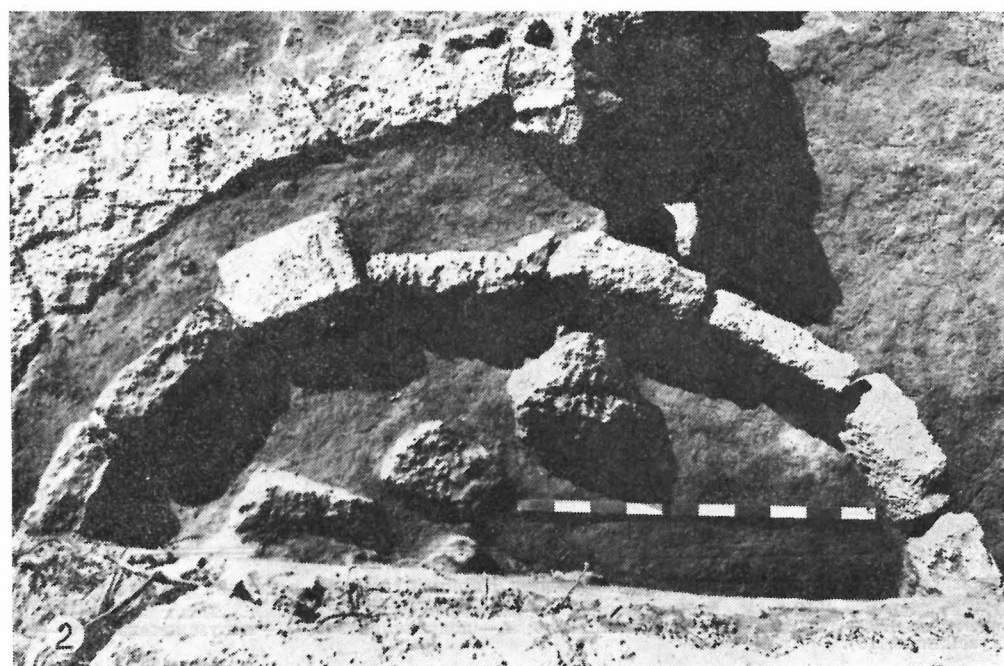
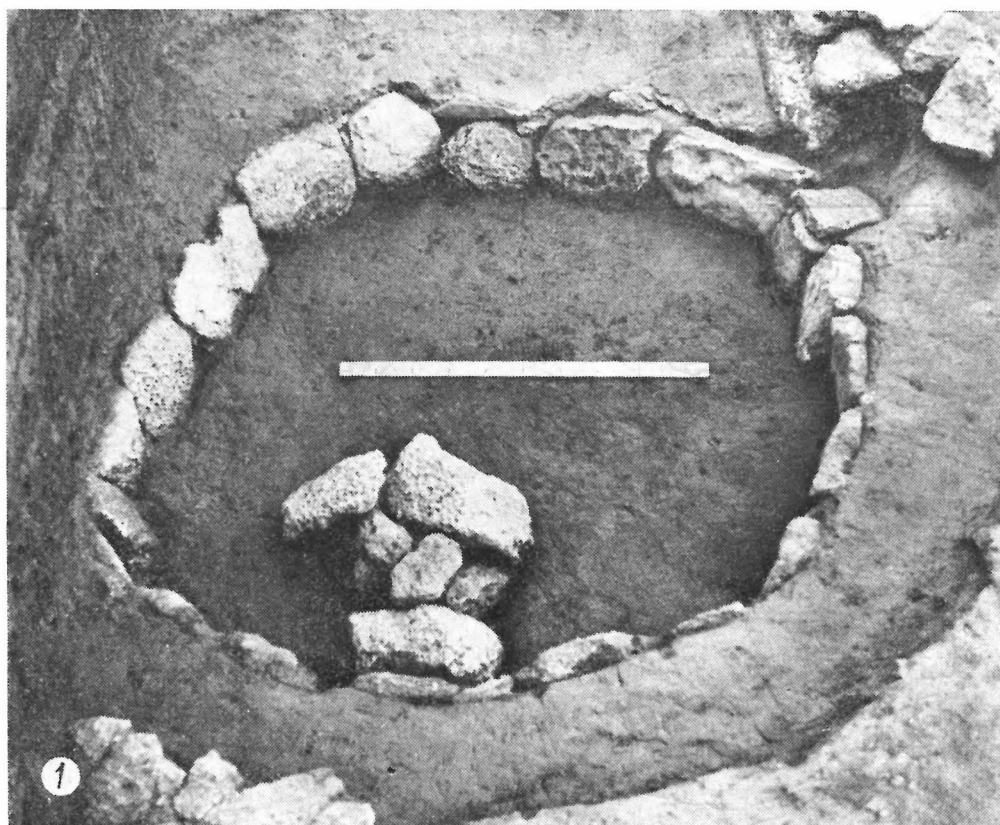

Рис. 61. Скифские полуземлянки округлой формы:
1 — вид на полуземлянку 9 с юго-востока; 2 — вид на полуземлянку 6 сверху.

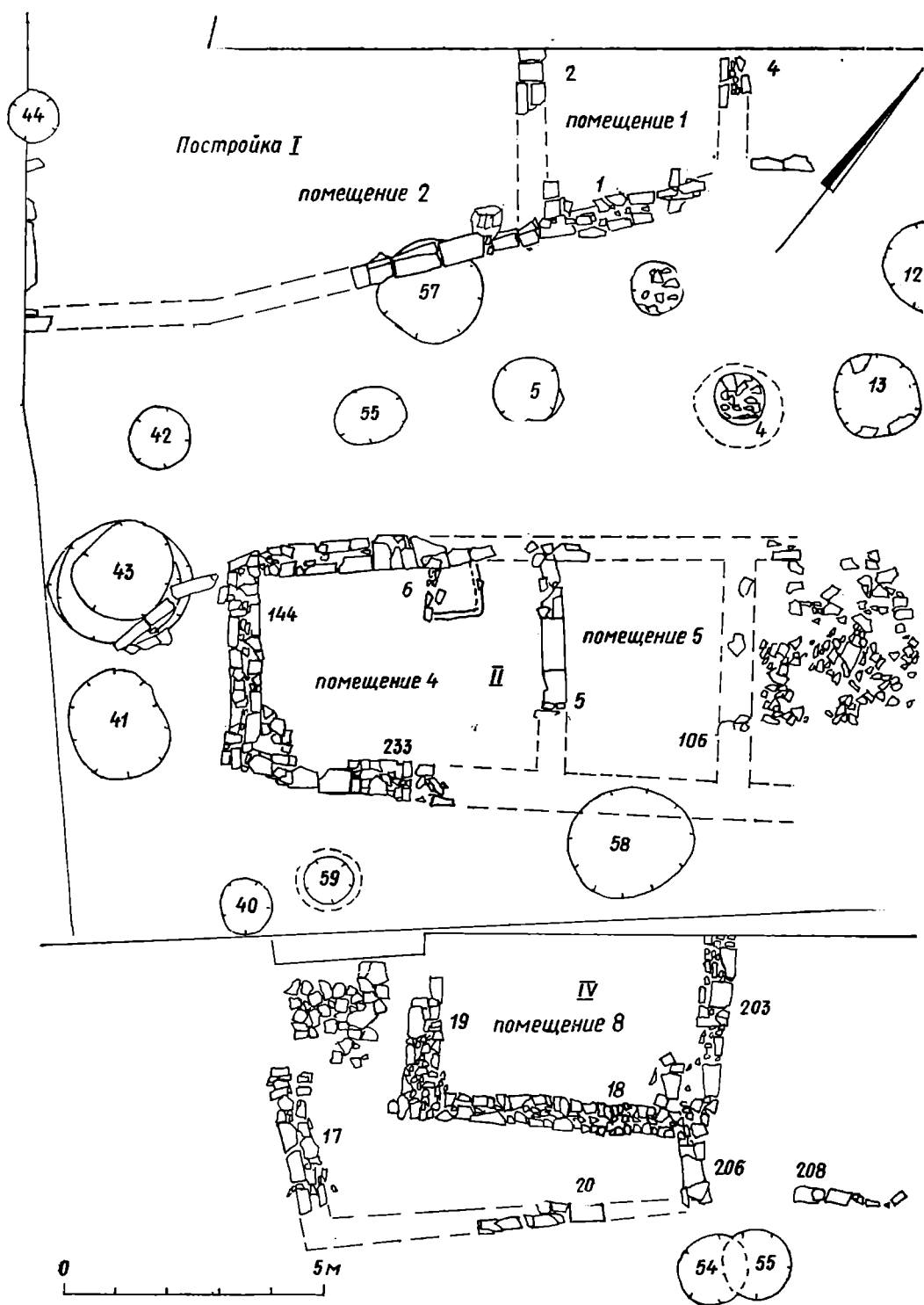

Рис. 62. Скифский строительный горизонт — вторая половина II в. до н. э. Фрагменты жилых застроек.

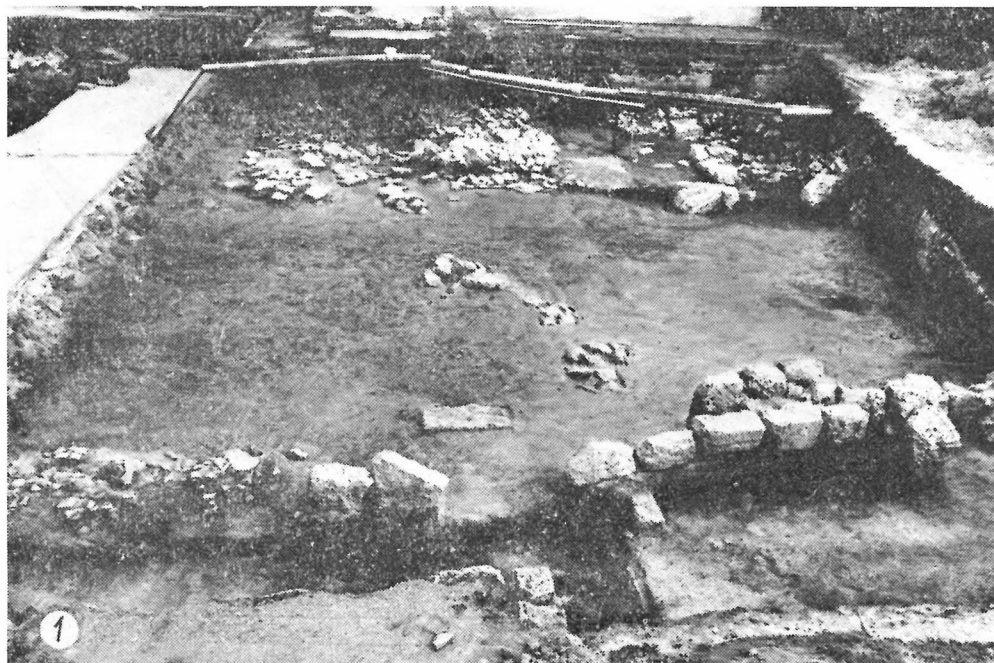

Рис. 63. Строительные остатки скифского времени в верхнем ярусе культурных отложений Керкинитиды. Начало раскопок памятника — август 1980 г.:
 1 -- постройки I—II, вид с северо-запада; 2 — постройка I, вид с юго-востока.

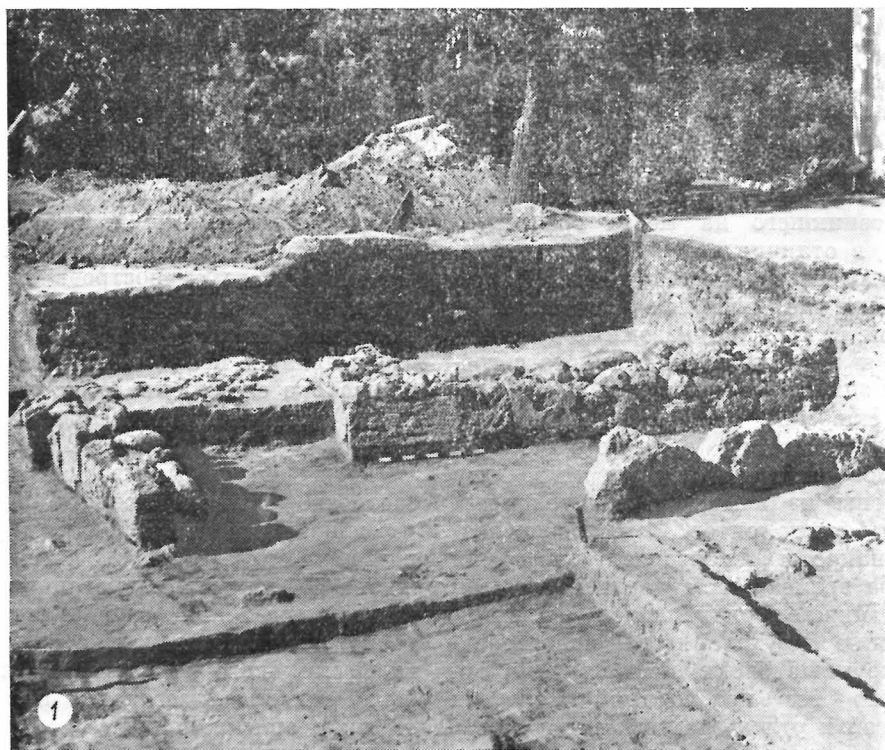

Рис. 64. Скифское помещение 8, окруженное внешним забором:
1 — вид с юга; 2 — вид с северо-востока.

чительно сухом и жарком климате во II—I вв. до н. э. [1936, с. 54].

Несмотря на фрагментарность скифских строительных остатков, их изучение позволяет сделать важные наблюдения. Планировка скифского поселения, возникшего на месте греческого города, в отличие от него носила нерегулярный хаотический характер, а его застройка не являлась сплошной и плотной. Скифские наземные жилища сложены из камня, выломанного с греческих зданий IV—II вв. до н. э. Вероятно, скифские постройки на всю их небольшую высоту (судя по каменным развалам внутри и вокруг них) были выложены из камня без заглубленных в грунт фундаментов. Подошва последних, напротив, повторяет очертания рельефа времени их строительства. При этом в нижнем ряду кладок — преимущественно двухслойных — использовались крупные блоки, поставленные орфостатно без необходимой перевязи панцирей и углов зданий между собой. Остальная верхняя часть кладок была сложена из небольшого постелистого бута в иррегулярной технике. Постройки скифов отвечают представлениям о варварском домостроительстве, характеризующимся при отсутствии блокировки жилых строений в кварталы невыработанностью объемно-планировочных типов, нерегулярностью разбивки построек на местности, примитивностью строительных конструкций и незнанием

каменных кладок [Крыжицкий, 1981, с. 106; 1982, с. 150].

Образную характеристику описанным строениям дал Л. А. Моисеев: «Остатки самой верхней, то есть позднейшей по времени эпохи отличаются хищническим характером и небрежностью своих сооружений из случайного материала, взятого от построек предшествующей жизни. Постройки производят такое впечатление, будто в разоренный город явились новые обитатели, кое-как и наскоро сложившие себе жилища из груды уже полузасыпанных временем развалин» [1918, с. 252—253].

Керкинитиды были весьма поспешно застроены многокамерными зданиями, размещенными на некотором расстоянии друг от друга, часть которых ограждена заборами. Из сказанного видно, что это поселение резко отличалось от расположенного недалеко от Керкинитиды скифского поселения Чайка, имевшего сплошную застройку по единому плану с оригинальной системой обороны [Яценко, 1970, с. 38; 1983, с. 46, 65]. В отличие от него скифский поселок над руинами античного города не был защищен: греческая оборонительная стена была разобрана и перекрыта жилой постройкой, а рустованные блоки нередко встречались в кладке убогих зданий новых обитателей города. Это, по всей видимости, явилось результатом непродолжительного владения Керкинитидой скифами.

Глава V ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

Градостроительство. Местоположение Керкинитида на выступающем к востоку Карантинном мысу — между Евпаторийской бухтой, морем и лиманом — благоприятствовало обороне поселения, а наличие удобной гавани открывало возможность морской торговли и рыболовства (рис. 2—3; 65). Кроме того, в ближайшей округе города было достаточно пригодной для культивирования земли, расположенной в живописных местах, на побережье двух озер — Биюк-Мойпакского и Сасык-Сивашского. Последние могли использоваться для добычи соли. Все это создавало с самого начала основания апойкии благоприятные условия для ее развития в полном соответствии с греческой колонизационной практикой [Thuc., I, 7; Xen., Anab., VI, 4, 3—6]. Недостатком является лишь отсутствие здесь «искусственного источника пресной воды» [Xen., Anab., VI, 4]. Однако Аристотель допускал возможность основания города в том месте, где отсутствовали естественные источники водоснабжения [Arist., Pol., VII, 10, 2—3], что должно было возмещаться устройством большого количества цистерн и искусственного водоснабжения [Кошеленко, 1975, с. 15]. В Керкинитиде отсутствие родников компенсировалось неглубоким залеганием грунтовых вод и многочисленными вырытыми на территории городища колодцами. Таким образом, новорожденный полис занял одинаковое местоположение по отношению и к мо-

рю, и к матерiku, что, по мнению Аристотеля, является необходимым условием для процветания идеального полиса [Arist., Pol., VII, 5, 2]. Вместе с тем такое топографическое расположение колонии, удобное для небольшой греческой апойкии, резко ограничивало возможности перспективного роста города, поскольку для расширения городской территории оставалась только узкая полоса между нынешней Евпаторийской бухтой и лагуной с юго-западной стороны первоначального поселения. Дальнейший рост города мог осуществляться только при условии освоения северного побережья упомянутой выше бухты, не защищенной никакими естественными преградами. Это, в свою очередь, требовало бы увеличения объема фортификационных работ. Такие материальные затраты были, вероятно, не под силу небольшому полису, не имевшему к тому же соответствующих людских ресурсов.

На основании изучения стратиграфии памятника и местоположения разновременных участков крепостных стен можно не только очертить территорию древнего городища, определить его размеры и конфигурацию, но схематически наметить основные этапы пространственного развития Керкинитида. Прежде всего, в процессе раскопок последних лет открыты крайние земляночные постройки первоначальной апойкии. Причем аналогичные заглубленные сооружения отсутствуют на участке раскопок В. Ф. Штифтаря в 1932 г. и М. А. Наливкиной в 1952 г. Все это убеждает в том, что поселение первых колонистов располагалось в южной части позднее сформировавшегося города

* Недавно вышла обобщающая работа В. Хёпфнера и Е. Л. Шванднера по аналогичной проблематике [Hoepfner, Schwandner, 1986].

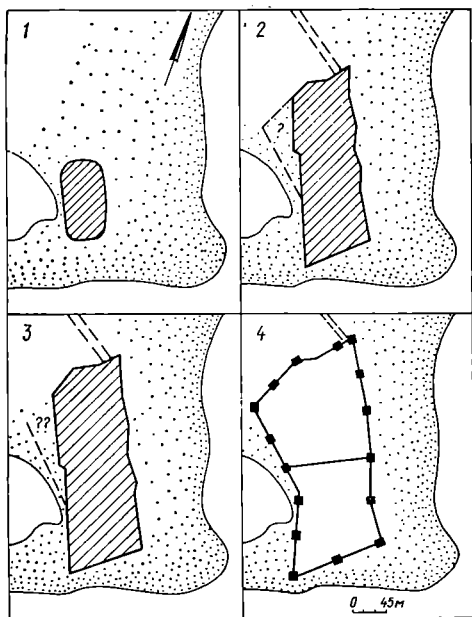

Рис. 65. Схема пространственного развития Керкиитиды:

1 — поселение первых колонистов; 2 — город рубежа первой-второй четвертей V в. до н. э.; 3 — город конца V — середины IV вв. до н. э.; 4 — город середины IV в. до н. э. — градостроительного расцвета Керкиитиды. Очертания берега современные.

и занимало площадь едва ли более 0,8—1 га (рис. 65, 1). Качественный скачок в развитии алойки произошел в конце первой — начале второй четвертей V в. до н. э. (470—460 гг. до н. э.), когда значительная территория мыса была обнесена мощными оборонительными стенами, а затем внутрикрепостное пространство было разделено на приблизительно одинаковые участки, тут же застроенные жилыми комплексами (рис. 65, 2). Собственно именно с этого периода можно говорить о Керкиитиде как об окончательно сложившемся в архитектурном отношении городе, а следовательно, процесс формирования полиса в градостроительном отношении уже закончился. Интересен и тот факт, что на значительном расстоянии (около 10 м) от раскрытого северо-восточного участка оборонительной линии не обнаружены остатки жилой застройки. Вероятно, крепостной стеной обнесена территория большая, чем было необходимо в момент строительства (так сказать, «с за-

пасом»), рассчитанная на увеличение количества городских домов. Последнее подтверждается и тем, что дом 19 некоторое время был крайним строением квартала, а значительное пространство между ним и оборонительной линией пустовало и лишь спустя некоторое время здесь возведен еще один жилой комплекс.

Вместе с тем очевидно и то, что лимит внутригородской территории на первом градостроительном этапе не был до конца израсходован. Ни одна жилая постройка не только не примыкала к крепостной кладке, но и не располагалась в непосредственной близости от нее, как, например, во время всех последующих строительных периодов. Керкиитида уже в начале V в. до н. э. застраивается по единому хорошо продуманному плану, следовательно, уже в то время существовало в какой-то форме градостроительное проектирование, отвечающее социальной структуре полиса.

На основании реальных остатков фортификационных сооружений, анализа стратиграфических данных и в результате ретроспективного изучения ландшафта можно предпринять попытку очертить территорию, которую занимала Керкиитида в V в. до н. э. В решении этого вопроса мы сталкиваемся с большими трудностями, связанными со слабой изученностью самого памятника. На западной окраине городища открыты остатки жилой застройки рассматриваемого времени, расположенной непосредственно на берегу лимана [Анохин, 1988, с. 3—5]. Исходя из предложенной ранее схемы пространственного развития города [Кутайсов, 1988 д, с. 10—11] все эти постройки оказываются сразу за линией крепостной стены. Вопрос о том, были ли упомянутые жилые строения обнесены оборонительными сооружениями, на имеющемся крайне скудном материале можно решить лишь предположительно. Если город простирался в этом направлении до самого лимана, то древнейшая оборонительная линия должна проходить непосредственно вдоль берега. Однако там она не обнаружена, несмотря на то, что мы имеем поперечный стра-

тиграфический разрез данного участка. Возможно, в дальнейшем произошло сокращение городской территории к востоку в результате подтопления жилищ грунтовыми и лиманскими водами. Допустимо и другое понимание конкретной строительной ситуации. Упомянутые фрагменты зданий могут являться остатками поселения, возникшего спустя какое-то время у крепостных стен: своего рода пригород. Если верно последнее предположение, то это поселение — игнорируя правила полиоркии — закрывало обзор оборонительной линии. Следует также вспомнить, что в 1985 г. в 120 м к северо-западу от этого места, в траншее по ул. Санаторной, зафиксированы остатки построек V в. до н. э. [Ланцов, 1986]. Принадлежат ли все они к тому же пригороду или имеют иной характер — покажут дальнейшие раскопки.

Таким образом, исходя из первого предположения, Керкинитида в V в. до н. э. занимала площадь (внутри периметра крепостных стен) около 3,2—3,3 га и имела очертания, близкие к прямоугольным. Во втором случае конфигурация городища была более сложной, а его площадь составляла не менее 3,6—3,7 га (рис. 65, 2).

В конце V в. до н. э. наблюдается дальнейшее расширение территории города до 4,2—4,3 га, в основном, в северо-западном и северо-восточном направлениях (рис. 65, 3). Это привело к полной реконструкции оборонительных сооружений и жилой застройки Керкинитиды, но конфигурация города осталась прежней. В середине — третьей четверти IV в. до н. э. наблюдается новое незначительное увеличение площади городища до 5,3 га за счет застройки опять края лимана на северо-западной окраине Керкинитиды на более высоком дневном уровне, а также путем включения в городскую черту узкого пространства по всему периметру памятника (рис. 65, 4). Все это потребовало второй полной реконструкции всей оборонительной системы и внутригородской застройки, очертания города приобрели форму прямоугольника, сужающегося к середине и расширяющегося по обе стороны. В конце

III в. до н. э. в самом узком месте Керкинитида была перегорожена мощной крепостной стеной, разделившей город на две части, что, однако, не привело к изменению площади городища.

Очевидно, пространственное развитие Керкинитиды происходило не путем постепенной застройки пригородной территории с последующим включением ее в городскую черту, а поэтапно. Оно было связано каждый раз с полной перестройкой всей фортификационной системы города, с увеличением периметра крепостных стен и внутригородского пространства. Следовательно, этот процесс протекал не стихийно, а целенаправленно, определяясь прежде всего экономическими возможностями полиса. Необходимость в таких коренных реконструкциях (вероятно, с участием всего взрослого населения) [Ср.: Thus., I, 90, 3; V, 82, 6] диктовалась, в первую очередь, изменявшейся демографической ситуацией, а на последнем этапе существования Керкинитиды — и инженерно-тактическими соображениями.

Предлагаемая схема пространственного развития Керкинитиды носит пока предварительный характер, за исключением последнего наиболее ясного периода, и требует существенной проверки и дополнений в процессе продолжающегося археологического исследования памятника. Тем не менее, как нам кажется, уже достаточно отчетливо вырисовывается тенденция к увеличению площади города за счет полного освоения пространства между Евпаторийской бухтой и лиманом, обеспечивавшего наиболее эффективную оборону, то есть в направлении с юго-востока на северо-запад.

На протяжении полуторастолетнего периода наблюдается динамичное освоение городом нового пространства путем крупных по своим масштабам строительных работ. Почему же в последующий период (IV—II вв. до н. э.) не зафиксирован территориальный рост Керкинитиды? Не трудно заметить, что в указанное время Керкинитида входила в состав Херсонесского государства. Не в этом ли и кроется причина прекращения экономического подъема полиса,

ранее материально обеспечивавшего пространственное развитие города.

Внутригородская планировка. Археологическое исследование Керкинитиды показало, что с самого начала — уже в V в. до н. э. — город имел четко выраженную планировочную сеть, ориентированную с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад (под углом приблизительно 40° к линии север — юг) (рис. 38). Планировочная структура жилых районов — направление улиц и очертания кварталов, как и в Херсонесе, сохранена при всех последующих перестройках Керкинитиды (рис. 46). Обращает на себя внимание полное совпадение ориентации ее градостроительной схемы с планировкой эллинистического Херсонеса [Белов, 1953, а, с. 14—15], а также аграрных систем Гераклеийского полуострова [Стржелецкий, 1961, рис. 1; Кругликова, 1981, рис. 1] и Калос-Лимена [Щеглов, 1978, рис. 43, 46—48]. Все это свидетельствует об одинаковой розе ветров во всем Западном Крыму [Золотарев, 1981, с. 147], учитывавшейся при разбивке планировочных схем на местности. Однако следует отметить, что при специфичном топографическом положении Керкинитиды существующая ориентация планировочной сети была единственно возможной для наиболее рационального использования внутригородского пространства. Видимо, уже при основании апойки ветровой фактор учитывался наряду с другими обстоятельствами, отмеченными выше.

В настоящее время мы обладаем крайне недостаточным количеством информации для того, чтобы судить о планировке города в целом. Раскопками открыты три поперечных городских улицы, две из которых огибают один из кварталов Керкинитиды (рис. 32—33). Первая из них (X) шириной 3,2—3,3 м прослежена на двух участках (рис. 48—49): возле северо-восточной оборонительной линии и в наивысшей точке города, в траншее 1981 г. Насколько можно судить по двум отмеченным ее отрезкам, она не была абсолютно прямой и в средней своей части несколько отклонялась к юго-востоку. От второй улицы (IX), расположенной

на расстоянии 36 м северо-западной, на протяжении 18 м была прослежена юго-восточная сторона (рис. 32—33), а ее юго-западный край отмечен в 1952 г., на раскопе II, чуть западней [Наливкина, 1955, рис. 22, 1]. Третья поперечная улица шириной 3,1—4,0 м отмечена Л. А. Моисеевым в 1917 г. на раскопе VII, XIII, XLII (рис. 2). Обращает на себя внимание тот факт, что промежуток между поперечными улицами IX и магистралью 1917 г. являлся вполне достаточным для размещения здесь двух городских кварталов стандартной ширины. Следовательно, можно предполагать, что город был разделен поперечными улицами на кварталы примерно одинаковой ширины. Труднее определить длину кварталов. Отметим при этом, что открытая протяженность наиболее полно изученного квартала 60 м, а само городище имеет в поперечнике около 120—130 м. Трудно предположить, что все это пространство занимал лишь один городской квартал. Логичнее допустить иное — городище было застроено кварталами, расположенными в два ряда. В таком случае внутри крепостных стен середины IV в. до н. э. могло находиться 17—18 прямоугольных кварталов площадью около 2000 м² каждый и несколько кварталов треугольных очертаний (например, в западной части городища). Таким образом, принимая во внимание направление улиц, а также одинаковую ориентацию всех строительных остатков Керкинитиды, можно полагать, что этот античный город имел регулярную систему планировки, как справедливо отмечал А. П. Щеглов [1978, с. 78], по со значительными отклонениями от нее вблизи оборонительных стен и в увязке с ними. Здесь уместно вспомнить, что Аристотель не рекомендовал в целях безопасности придавать правильную планировку всему городу, а лишь отдельным его частям [Arist., Pol., VII, 10, 5].

В античных напластованиях Керкинитиды выделяются два культурно-исторических горизонта — греческий и скифский. В настоящее время мы можем достаточно полно судить только о греческой жилой застройке и фортифика-

кационных сооружений античного города. К сожалению, у нас нет прямых данных об общественных, в том числе и культовых, постройках Керкиритиды. Тем не менее некоторые наблюдения на основании косвенных данных можно извлечь уже сейчас. Прежде всего, судя по архитектурному облику и полисной структуре, Керкиритида должна была иметь агору с общественными постройками вокруг нее, например с пританеом [Miller, 1978, с. 130].

Надо учесть, что агора была, скорее всего, намечена сразу при проектировании города, уже в начале V в. до н. э., а городская территория со временем развивалась в северо-западном направлении. При этом агора, естественно, в IV в. до н. э. могла оказаться не в центре памятника, а южнее, посреди раннего городища, то есть где-то южной участка раскопок 1980—1986 гг. Возможно, именно соседство с агорой вызвало отклонение улицы X немного к югу в наивысшей точке города. Однако проверить это можно только путем дальнейших археологических раскопок. По-видимому, рядом с агорой находились культовые сооружения основных божеств — покровителей полиса. Конечно, в столь небольшом и скромном в архитектурном отношении полисе могли не возводиться величественные храмы (хотя технически это было вполне реально). Однако в городе, несомненно, должны были существовать простые ордерные строения, например храм в антах или дистиль.

По всей видимости, остатки храма в антах, вероятно, конца V—IV вв. до н. э. открыты и исследованы Л. А. Мопсеевым на берегу Мойнакского озера [Мопсеев, 1918, с. 258; Архив ЛОИА, р. 1, № 730, № 5596]. Орфостатная полигональная система кладок отмеченной постройки соответствует стропильной технике каменных доколей второго архитектурно-планировочного горизонта Керкиритиды (конца V — середины IV вв. до н. э.). На существование на городище монументальных, не фортификационных, построек указывает и следующий факт: в кладке стен дома с андропом уложены плетеные плиты клинчатой формы, являю-

щиеся отпилами от каких-то еще более крупных блоков, которые могли использоваться только в монументальных общественных сооружениях, скорее всего, культовых. Ведь, учитывая небольшую площадь города и характер его застройки, можно признать, что здесь не было своего театра.

Квартал. В каждом жилом квартале, судя по имеющимся у нас еще ограниченным данным, могло располагаться 16—17 домов. Причем внутренняя часть квартала членилась не на абсолютно равные участки. Однако размеры ойкопедии колеблются в пределах 85—115 м², то есть они близки по своим площадям (табл. 3). Отмечен также жилой комплекс (13), по своим размерам почти в два раза превышающий обычные дома. Еще одно такое строение большой площади (около 170 м²), вероятно, располагалось в западном углу квартала. Жилища внутри последнего располагались преимущественно в три ряда. Это и предопределило необходимость устройства внутренних тупиковых переулков, ведущих к внутренним постройкам. Более того, владельцы даже тех домов, которые выходили своими сторонами на основные городские магистрали, предпочитали устраивать выходы из жилых зданий на глухие и тихие переулки. Так, дом 13, расположенный вдоль поперечной улицы X, имел выход в переулок, выходящий к противоположной поперечной улице IX. Определенной закономерности в расположении этих внутренних переулков не наблюдается. В этом отношении внутриквартальная застройка Керкиритиды, на первый взгляд, напоминает планировку Припеи [Wiegand, Schrader, 1904, Tabl. XXI]. Однако между ними наблюдаются и существенные различия. Прежде всего припесские дома, в отличие от керкиритидских, соединялись с основными улицами не через тупиковые переулки, а индивидуальными, иногда протяженными коридорами (протиронами).

Конфигурация жилых комплексов Керкиритиды в основном прямоугольная (рис. 41; 57). Отмечены также дома с ломаными очертаниями, но не по всему периметру жилого строения,

Таблица 3. Характеристика жилых комплексов

№ п/п	Дата, вв. до н. э.	Кол-во комнат в доме	Кол-во очагов (печей)	Местоположение двора	Площадь дома, в м ²	Площадь двора, в м ²	Процентное соотношение двора
1	IV—II	4	3	восточный угол	108	12	11
2	»	4	1	южный угол	85	16	19
3	»	4	2	западный угол	115	24	21
4	»	3	1	восточный угол	90 (?)	19	21
5	»	—	—	—	96—100	—	—
6	»	—	—	—	81	—	—
7	III—II	4	2	южный угол	93	13,5	14,5
8	V—IV	4	1	восточный угол	87	15	17,2
		6	2	»	110	15	13
		7	3	центральное и восточный угол	110	32	29
		7	1	»	110	25,7	23
9	»	4	3	юго-западная часть	110	50	45,5
10	»	5	2	южный угол	150	21	14
11	»	4	2	центральная часть	81	18,5	22,8
12	»	3	—	—	—	—	—
13	IV—II	7	3—4	центральная часть	200	30,2	15,5
14	»	4	2	южный угол	102	23,7	23
15	»	4	2	западный угол	—	—	—
16	»	—	—	—	—	—	—
17	»	—	—	—	—	—	—
18	V—IV	—	—	—	74	—	—
19	V	4—5	1	восточный угол	80	27	35
20	V—IV	3	1	центральная часть	80	20	25
21	»	3	2	—	—	—	—
22	»	4	3	южная часть	110	24	21,8
23	»	5	2	западный угол	—	—	—
24	V	6	2	восточный угол	110	26	23
25	V—IV	7	3	северо-восточная часть	110	17	15

а только с одной стороны (1, 6, 11, 13). Последнее, как правило, связано с необходимостью размещения переулков. При неоднократных перестройках одного и того же дома или целого квартала размеры жилых комплексов практически не изменялись. Так, над остатками дома 24, построенного в начале V в. до н. э. (площадью 115 м²), на рубеже V—IV вв. до н. э. сооружен такой же по величине жилой комплекс 9, а затем в середине IV в. до н. э. — дом 3, имевший, как и оба предыдущих здания, не только такую же площадь застройки, но и одинаковые внешние очертания. Сказанное в равной мере относится и к другим участкам Керкипитиды. Все это результат строгой регламентации внутриквартальной жилой застройки города с самого начала его существования. Причем, открытые раскопками жилища в V—II вв. до н. э. непрерывно принадлежали одной и той же семье, наследственно владевшей выделенным ей уча-

стком. В пользу последнего помимо полной преемственности планировки жилищ свидетельствуют и рациональное использование предыдущих кладок в качестве фундаментов вновь возводимых стен, что свидетельствует о хорошей осведомленности строителей о предыдущей застройке. В случае случайного перераспределения ойкопедиянов такое знание особенностей строительного участка вряд ли было возможно. Приведенные выше наблюдения полностью согласуются с указанием Аристотеля об обязанности астинома следить за точным соблюдением границ отдельных частных владений в черте города [Arist., Pol., VI, 5, 3].

Благоустройство. Основным источником водоснабжения города являлись колодцы, стенки которых были обложены бутом, а устье выложено из прямоугольных, поставленных на ребро четырех плит или нескольких постелистых камней (рис. 66). Колодцы, располо-

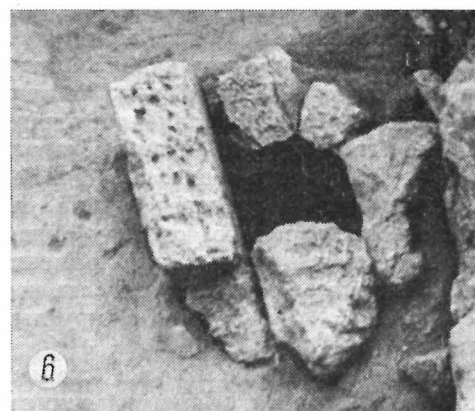
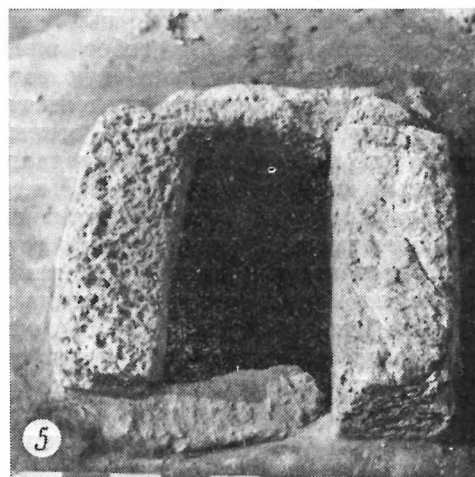
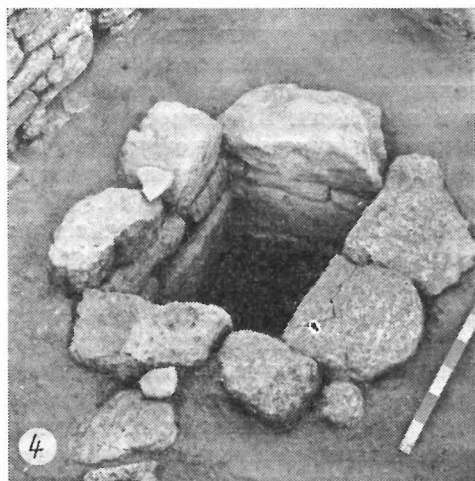

Рис. 66. Питъевые колодцы в жилых комплексах Керкинитиды.

жилища внутри отдельных жилых комплексов, были индивидуального пользования, а общего — устроены на улицах и площадях. В одном случае отмечен колодец внутри жилого помещения (дом 13), где он закрывался сверху плоской плитой (рис. 50, 1). Кроме того воду, стекаемую с крыш, собирали в цистерны, выложенные из камней (рис. 42, 5), расположенные во дворах жилищ (10), вероятно, она использовалась в технических целях.

Основные улицы города имели ширину 3,1—4,0 м, переулки — около 2 м. Те и другие вымощивались известняковыми плитами, морской галькой, битой керамикой или плотно утрамбовывались. Вдоль улиц проходили водосточные капавы или водостоки, выложенные из поставленных на ребро плит. Они выводили уличную дождевую воду и стоки из жилых домов за пределы города. В нижнем ярусе улицы X открыт проходящий по ней подземный канализационный капал глубиной до 0,7 м, к которому с северной стороны примыкала боковая ветвь из двора жилого здания. В нескольких местах в этих капалах имелись три люка, перекрытые плоскими плитами так, что по ним можно было свободно ходить, а при необходимости открывать для очистки сливов. Все это — результат хорошо продуманной инженерно-коммуникационной системы города.

В настоящее время у нас недостает данных об уборных. В Ольвии они были размещены по узким тупикам в домах, от которых вели канализационные каналы в общий дренаж на улицах. Отхожие места обычно располагались во дворах [Robinson, Graham, 1938, с. 206; Lawtence, 1957, с. 244]. В Керкинитиде в раскопе II (1952 г.) зафиксирована только одна уборная, расположенная в углу одного помещения, фекалии не выводились из нее, а собирались в цистерну с круглым устьем.

Общие особенности домостроительства. Самыми ранними жилищами Керкинитиды являлись полуземлянки прямоугольной формы площадью 9—12 м². Наиболее полно постройки первых колонистов в настоя-

щее время исследованы в Ольвии, где на пространстве около 900 м² раскрыто около 30 аналогичных сооружений, выделена хронологическая последовательность этих построек, планировка поселения [Крыжицкий, Русяева, 1978, с. 3—25; Крыжицкий, 1979, с. 329—334; Grygitsky, Roussijaeva, 1980, с. 73—100]. Обращает на себя внимание почти одновременная засыпка и переход к наземному строительству в Ольвии и Керкинитиде [Крыжицкий, Русяева, 1978, с. 23]. В обоих случаях в их заполнении обнаружены и более ранние материалы середины — третьей четверти VI в. до н. э.

С. Д. Крыжицкий на основании значительного фактологического материала показал, что земляночное строительство является закономерным этапом домостроительства в Северопричерноморском регионе, а массовый переход к наземным постройкам произошел в первой половине V в. до н. э. [1982, с. 30; 1985, с. 63]. Как видно из анализа реальных древнейших остатков жилых построек и стратиграфического сопоставления их, схема С. Д. Крыжицкого получила полное подтверждение на материалах Керкинитиды.

Основой застройки Керкинитиды V—II вв. до н. э., как показали раскопки последних лет (табл. 3), составляли скромные и небольшие по размерам безордерные жилые строения с тремя-четырьмя комнатами. Они типично греческой схемы и малой площади (85—115 м²). Это результат выделения гражданам примерно равных по размерам участков, то есть применение демократических принципов в градостроительном распределении внутригородской территории. Рассматриваемые комплексы меньше даже, чем небольшие дома (около 150 м²), открытые на северном берегу Херсонеса [Белов, 1938, с. 196—249; 1948, с. 88, рис. 18; 1950, с. 120—121; 1955, с. 256; 1956, с. 141; 1957, с. 86—88; Белов, Стрелецкий, 1953, с. 57, 62], или жилища на северной окраине и в районе агоры Ольвии [Крыжицкий, 1969, с. 101—102; 1971, с. 12, 20, 22; Славин, 1964, с. 197, 208; 1975, рис. 2].

Однако столь малые по площади го-

родские постройки известны в Прпене [Wiegand, Schrader, 1904, табл. 303—307] или в Афинах на северном склоне Ареопага и к югу от агоры [Thompson, Wycherley, 1972, с. 177—179, рис. 42; Young, 1957, рис. 11; Wycherley, 1978, с. 240, рис. 66], а также в единственном числе в Ольвии [Крыжницкий, 1985, с. 77, рис. 21]. Как на самый близкий аналог жилым комплексам Керкиштитиды можно указать на единственный пока дом у северной оборонительной стены Калос-Лимена [Наливкина, 1956, с. 272—273, рис. 8]. Он не только хронологически и по своему архитектурно-планировочному решению, но и пропорционально почти полностью соответствует дому 7 в Керкиштитиде*.

В перечисленных выше городах (кроме Калос-Лимена) наряду со скромными жилыми постройками известны и более крупные ордерные здания размерами от 391 и до 648 м² [Thompson, Wycherley, 1972, с. 180; Wycherley, 1978, с. 241, 243; Shear, 1971, с. 152; Крыжницкий, 1971, с. 77—84; Левин, 1985, с. 54, 58; Рыков, 1985, с. 155]. В размерах жилых комплексов этих городов нашла отражение социально-экономическая дифференциация, проявляющаяся и в определенном (очевидно, стихийном) районировании городской территории. Социальная топография домовладений в настоящее время выражается достаточно четко в таких северо-причерноморских городах, как Херсонес и Ольвия: в первом выделяется аристократическая часть, расположенная у главной улицы, возле агоры, застроенная ордерными домами перистильного типа и ремесленный северный район со скромными, в основном, безордерными постройками [Рыков, 1985, с. 161]. В Ольвии наиболее зажиточные слои населения жили в районе участка НГФ и Зевсова кургана, рядовые — на участке АГД; более смешанным был состав населения в районе Агоры [Крыжницкий, 1971, с. 123].

* А. Н. Щегловым, а вслед за ним С. Д. Крыжницким, завышены размеры двора и северо-западной угловой комнаты дома, что несколько нарушает общие пропорции жилого комплекса [Щеглов, 1976, с. 232—233; Крыжницкий, 1982, с. 54].

Керкиштитида, как уже сказано, была застроена небольшими, близкими по характеру планировочного решения и размерам жилищами. Исключение составляет лишь расположенный у самой оборонительной стены дом 13 площадью около 200 м². Все это свидетельствует о скромном положении и достатке обитателей городских домов. Имеющихся в настоящее время данных еще мало для каких-либо определенных выводов о районировании города по тому или иному признаку, хотя экономическая (а возможно, и социальная) дифференциация населения и, следовательно, застройка, вероятно, присутствовали и здесь*.

В настоящее время на исследованной территории Керкиштитиды полностью реконструируется в разных градостроительных горизонтах планировка 14 домов (рис. 41; 57). Кроме того, в большинстве случаев удается надежно определить функциональное назначение отдельных помещений в жилых комплексах. И то и другое при изучении городских построек Северного Причерноморья встречается не часто. Особенности Керкиштитиды является то, что здесь сосуществовали жилые постройки, выдержанные в двух основных планировочных принципах — равнозначнопараллельном и последовательно-иерархическом [Крыжницкий, 1982, с. 80]. Подавляющее большинство домов относится к категории безордерных, по планировочному типу — к домам типичной греческой схемы малой площади с Г- или П-образным расположением крытых помещений, с преимущественно юго-восточной или юго-западной ориентацией основных групп жилых комнат. В этих домах (1, 3, 4, 7, 11, 14, 15, 24) главные помещения имели выходы непосредственно во двор, то есть перечисленные жилые комплексы относятся к

* На существование социальной дифференциации населения Керкиштитиды указывает характер погребальных сооружений и погребального обряда некрополя, где наряду с простыми грунтовыми могилами встречаются плитовые гробницы и склепы, а также погребение в урнах праха кремированных покойников [Романченко, 1907; Мизлин, 1981; Бирюков, Мизлин, 1983].

равнозначно-параллельному принципу расположения и связи помещений. Для второго планировочного принципа (последовательно-иерархического) свойственно объединение основных жилых комнат в единый блок, расположенный на северной — с возможными отклонениями на запад или восток — стороне двора (дома 2, 9, 10, 19, 22). При этом в пяти случаях отмечено устойчивое сочетание двух основных жилых помещений, одно из которых являлось ойкосом с общей для них закрытой пастадой. Исключение составляет неоднократно упоминаемый дом 13, сочетавший в себе оба названных принципа. Так, расположенные вдоль его юго-восточной стороны помещения занимали равноценное положение в комплексе, а в северо-восточной — соподчиненное. В последнем случае комнаты размещены в два ряда, и дальние помещения являлись внутренними без прямого выхода во двор. Особый интерес также представляет дом 7 с открытой пастадой. Значительная протяженность (около 6 м) указывает на то, что ее средняя часть опиралась, по крайней мере, на две опоры. Следовательно, со стороны двора пастада могла иметь вид портика. Однако никаких остатков архитектурных деталей до сих пор не обнаружено.

Внутренние дворы занимали 11—35 % площади застройки домов. Они обязательно примыкали одной из своих сторон к наружной стене комплекса, что обуславливается небольшими размерами комплексов. По мнению С. Д. Крыжицкого, относительно большая площадь дворов в домах Северного Причерноморья по сравнению с метрополней — результат более активной хозяйственной деятельности их владельцев [1971, с. 106]. Однако следует иметь в виду, что абсолютные размеры дворов в Керкинитиде (как и самих домов) все же незначительны — от 12 до 35 м².

Степень сохранности жилых строений такова, что позволяет судить преимущественно об их горизонтальной планировке, о строительной технике, но в гораздо меньшей степени — об их интерьере. Почти нет данных о вертикальном членении построек, о конструкци-

ях и форме крыш и дымоходов, о других конструктивных деталях. Наиболее сложным является вопрос об объемном решении и, в частности, этажности открытых жилых построек. Небольшие жилища греческих городов были, по мнению ряда авторов, в основном одноэтажными [Dinsmoor, 1950, с. 252; Rider, 1964, с. 22; Федоров, 1977, с. 10—16]. Другие не исключали возможность существования двухэтажных домов в условиях крайне плотной застройки античных городов и острого дефицита городской территории [Robinson, Graham, 1938, с. 214—19; Graham, 1954, с. 320—328; Thompson, Wycherley, 1972, с. 177; Wycherley, 1978, с. 238; Travlos, 1971, с. 392; Крыжицкий, 1971, с. 28; 1982, с. 77]. По мнению последних, толщина стен построек около 0,45 м конструктивно достаточна для этого. Обычно основным доказательством в пользу существования второго этажа служат открытые раскопками основания лестниц [Robinson, Graham, 1938, с. 214; Graham, 1954, с. 320] *, а также наличие цокольных помещений, заглубленных по отношению к улицам или двору не менее чем на 0,6 м [Крыжицкий, 1971, с. 28, прим. 4]. Оба эти признака отмечены и в самом крупном жилом комплексе Керкинитиды (13), толщина каменных стен которого равна 0,4 м. Следовательно, и сырцовые стены были достаточно прочны для возведения на них второго этажа, что позволяет допускать это и в других постройках, часть из которых к тому же были построены из камня. Верхние этажи могли быть сложены из сырцовых кирпичей [Lawrence, 1957, с. 246] или фахверковыми: за счет этого их вес был облегчен. Для сооружения верхнего этажа наиболее подходят постройки с последовательно-иерархическим принципом расположения помещений, так как в данном случае лестничный марш мог выводить на открытую веранду, откуда можно было попасть в жилые комнаты.

Судя по характеру кладок больших

* А. Лоуренс не исключал возможности, что деревянные лестницы могли вести не только на второй этаж, но и на крышу, если она была плоской [Lawrence, 1957, с. 240].

Таблица 4. Объемная характеристика домов

№ дома	Кол-во скатов	Высота коньков, в м	Направление скатов	Кол-во этажей
1	3	5—5,5	ю—з, с—в, с—з	2 (?)
2	2	5—5,5	ю—в, ю—з	2 (?)
3	2	5—5,5	ю—з, с—з	2 (?)
4	2	3,6—3,7	ю—в, с—в	1
7	4	2,8—2,9	с—з, ю—в, ю—з	1
8	2	3,6—3,7	ю—в, с—в	1
	3	2,5—2,7	ю—в, ю—з, с—в	1
		3,6—3,7		
	3	2,5—2,7	ю—в, ю—з, с—в	1
		3,6—3,7		
	3	»	»	1
9	1	3,5—3,7	ю—з	1
10	3	5—5,5	ю—з, с—в	2 (?)
11	4	2,8—2,9	с—в, ю—в	1
13	4	5—5,5	ю—в, с—з, ю—з, с—в	2
14	4	2,8—2,9	с—з, ю—в, ю—з, с—в	1
15	2	5—5,5	ю—з, с—в	2 (?)
19	3	2—2,3	ю—в, ю—з, с—в	1
		3,6—3,7		
20	3	2,8—2,9	ю—з, с—з, с—в	1
22	3	3,6—3,7	с—з, ю—в, ю—з	1
24	2	3,6—3,7	ю—в, с—в	1

ства стен, Керкиптитда в V в. до н. э. была застроена одноэтажными зданиями. Лишь в конце V в. до н. э. на основании планировки жилых зданий можно предполагать появление здесь двухэтажных строений. Однако сказанное наиболее вероятно для середины IV в. до н. э. Помимо вертикального развития домов Керкиптитды наблюдается процесс заглубления некоторых помещений в землю. Так, появление первых подвалов складского назначения отмечено еще в конце V в. до н. э., а в IV в. до н. э. известно использование в одном из зданий города целого жилого подвального блока, в который можно было попасть по широкому лестничному маршу [Наливкина, 1955, с. 64; Крыжичкий, 1982, с. 53]. Таким образом, в отношении этажности дома Керкиптитды не являлись в Северном Причерноморье чем-то исключительным.

Труднее решается проблема определения конкретной высоты тех или иных объемов. В своих реконструкциях мы следуем методике С. Д. Крыжичкого и приводим следующие цифры для определения высоты наземных помещений — 2,5—2,7 м, для вторых эта-

жей — 1,9—2,1 м, для подвалов — не менее 1,7—1,8 м [1971, с. 28, прим. 4; 30; 1982, с. 28]. При определении количества и направления скатов кровли, следуя той же методике, прежде всего учитываем положение дома в застройке квартала, конкретную планировку комплексов и допустимую величину перекрываемых пролетов при использовании наклонных стропил. Уклон кровель принимаем в пределах 17—21°. Близкие высотные размеры дает определение их по шпире пастады. Так, Витрувий рекомендует делать перистиль такой же высоты, как глубина портика (в нашем случае 2,25 м) [Vit., VI, 3, 7]. Принимая во внимание толщину перекрывающей колоппы архитравной балки, получаем минимальную высоту около 2,5 м. Исходя из этих принципов, выводим объемные характеристики домов (табл. 4). Приведенные в таблице данные с учетом планировочных решений показывают, что пространственный сплут жилых кварталов мог быть достаточно разнообразным.

В конце V в. до н. э. в Керкиптитде начинают применяться песочные и слоевые основания под стенными конструкциями наземных построек. Однако осо-

бенно большое распространение аналогичный прием получил с третьей четверти IV в. до н. э. Такие подсыпки состояли из чередующихся прослоек песка и золы, песка и глины, чистого песка, заполняющего траншеи. Последние на городище доминировали. Следует также отметить, что ранее необходимость в таких конструкциях практически отсутствовала, так как строительство и без того осуществлялось на естественной песчаной насыпи. Обращает на себя внимание тот факт, что в Керкинитиде и на Березани слевые основания появляются практически одновременно [Крыжицкий, 1971, с. 113]. Как известно, заменяющие каменные фундаменты структуры были особенно распространены в районе Нижнего Побужья и Истрии, они получили условное обозначение «ольвийские субструкции» [Histria, 1954, с. 578; Dimitriu, 1966a, с. 473—487; 1966 b, с. 32]. Открыты в Ольвии и песчаные основания, аналогичные керкинитидским [ОАК за 1909—1910 гг. — СПб., 1913, с. 55; Левин, 1985, с. 58, 61; Крыжицкий, 1986, с. 417]. Однако отличительной особенностью керкинитидских траншейных конструкций от ольвийских является полное отсутствие здесь искусственных трамбовок.

В литературе существуют две точки зрения на происхождение слоевых оснований в Причерноморье: согласно первой (более ранней), появление их прежде всего в милетских колониях связано, вероятно, с продолжением здесь ионийской (малоазийской) традиции [ОАК за 1907 г., с. 30, прим. 2; 67; Фармаковский, 1907, с. 43; 1915, с. 18; Кондурак, 1959, с. 223; Dimitriu, 1966 a, с. 485; 1966 b, с. 34; Alexandrescu, 1966, с. 246; Пичилян, 1984, с. 85, 101].

Со второй точкой зрения одновременно выступили А. Вонсович и С. Д. Крыжицкий [Wasowicz, 1969, с. 60; Крыжицкий, 1969 a, 1969 б, с. 110; 1971, с. 113—114, 1982, с. 37; 1985, с. 86, 91]. С ними согласилась недавно и Е. И. Левин [1985, с. 24, прим. 28]. По их мнению, этот оригинальный строительный прием зародился в районе Нижнего Побужья и не свойствен

ионийской строительной традиции. Появление там заполняющих траншей субструкций, с одной стороны, было связано с необходимостью устройства прочного основания под зданиями в грунте неравномерной плотности, а следовательно, подверженным оползням и различным сдвигам, с другой — с отсутствием достаточного количества хорошего камня, что в Ольвии потребовало даже содержания строительно-транспортного флота.

Такое объяснение, однако, абсолютно неприемлемо для Керкинитиды, в ближайшей округе которой имеются обширные месторождения известняка, легко поддающегося строительной обработке, античная каменоломня IV в. до н. э., отражающая весь процесс добычи камня, обнаружена возле поселения Чайка [Яценко, 1985, с. 378].

Аналогичные структуры в Керкинитиде и Березани появляются несколько раньше, чем в Ольвии. Однако только в Ольвии они получили наибольшее применение, отличаются постоянством и четкой регулярностью. Широкое распространение слоевых оснований — прежде всего в ионийских колониях Северо-Западного Причерноморья, Истрии, Березани, Ольвии и Керкинитиде — свидетельствует о том, что само принципиальное инженерно-техническое решение о замене траншейных каменных фундаментов другими, более простыми и экономичными, но вместе с тем достаточно надежными конструкциями, было найдено первоначально в метрополии, а затем привнесено в дочерние аполии. Последнее подтверждает, по-видимому, первую точку зрения на их происхождение. Этот оригинальный строительный прием был усовершенствован и развит, особенно в Ольвии и Истрии, в соответствии с конкретными историческими условиями каждого из названных городов Причерноморья. Подтверждает сказанное известное различие аналогичных конструкций, отличающихся по составляющему их материалу. Недостаток же сведений о таких структурах под жилыми постройками малоазийских городов — результат недостаточной изученности из застройки в историческо-техническом отношении.

Следует также отметить, что в некоторых жилых комплексах Керкинитиды применялись с третьей четверти IV в. до н. э. и траншейные каменные фундаменты глубиной до 0,8—1,0 м (дома 15, 17).

На протяжении V в. до н. э. наблюдается следующая эволюция каменных кладок зданий: от простых однорядных постелисто-ложковых систем из рваного по слою известняка и голышей к полигональным (в том числе лесбийским) и простым орфостатным системам. В середине — третьей четверти IV в. до н. э. орфостатные полигональные и рядные системы в греческих постройках Керкинитиды не встречаются. С этого момента наряду с традиционными (но не орфостатными) системами широкое распространение получают однорядные однослойные степы, выложенные из хорошо отесанных, выкадрованных и рустованных блоков. Причем отмеченные изменения в системах кладок совпадают в основном с их общепричерноморской тенденцией развития [Крыжвинский, 1982, с. 75].

Указанные изменения структуры степ помимо чисто декоративных целей (например, лесбийская система всегда обращена на улицы) приводили каждый раз к конструктивному усовершенствованию кладок не за счет увеличения их толщины и слойности, а путем изменений самой техники сооружения. Несомненно, они были связаны с новыми объемными решениями жилых зданий, с увеличением высоты помещений, с утяжелением перекрытий построек при переходе от легких камышовых покрытий к черепичным, увеличением пролетов внутри построек и, наконец, сооружением преимущественно сырцовых вторых этажей. Основным строительным материалом в жилых постройках и фортификационных сооружениях служил известняк, естественные выходы которого были в изобилии в ближайшей округе Керкинитиды. Он использовался в разнообразных формах: в виде простого бута, постелистых, «рваных» по слою и подтесанных с лица камней в иррегулярных и рядных кладках или в форме хорошо отесанных и рустован-

ных пиленых по швам плит и блоков, выкадрованных в толщину стен.

Кроме того, в постройках первых двух градостроительных горизонтов (V в. до н. э.) использованы голыши и большое количество привезенных в качестве корабельного балласта камней экзотических (магматических) пород, неоднократно встречающихся при раскопках северо-причерноморских городов [Петрунь, 1964, с. 293—297; 1966, с. 131—141; 1967, с. 144—151; Островерхов, 1979, с. 124 и др.]. Они привезены непосредственно с малоазиатского эгейского побережья. По мнению В. Ф. Петруни, этот балласт снимался с кораблей только перед зимовкой или при ремонте, когда корабль вытаскивался на сушу [1966, с. 131, прим. 3; сравн.: Островерхов, 1979, с. 124—125]. Однако, скорее всего, механизм образования завалов вулканических пород был несколько иным и связан с характером первоначальной торговли между ранними апойкиями и метрополией. Прежде всего невысокая покупательная способность первых колонистов, их скромное материальное положение заставляли направлять купеческие суда не полностью загруженными, в основном предметами роскоши для аборигенного населения и импортной столовой посуды. Обратно же корабли отправлялись полностью загруженными. Таким образом, отсутствие изверженных пород в культурных отложениях IV в. до н. э. отражает известное изменение в экономическом положении города.

Анализ строительных остатков Керкинитиды наглядно иллюстрирует то, что при их сооружении строго выдержаны традиционные для метрополии и других центров эгейского побережья системы кладок. Однако со времени основания и до начала ее урбанизации прошел относительно длительный промежуток времени, равный жизни нескольких поколений. Отсутствие непрерывной строительной деятельности не способствовало сохранению и передаче необходимых строительных навыков. Тем не менее при возведении самых ранних крепостных стен и жилых построек, а также при последующей их перестройке в конце V в. до н. э. хрес-

томатийно выдержаны типичные схемы стеновых конструкций. Последнее, по всей видимости, было возможно только при условии постоянного посещения метрополии в визуальном восприятии реально существующих сооружений, усвоении происходящих перемен в строительном деле. Вероятно, для столь значительных по объему и сложности работ могли привлекаться высококвалифицированные специалисты (плотники и каменщики) с первоначальной родины или других районов греческого мира. Сведения о необходимости использования профессиональных мастеров можно извлечь из разрозненных указаний античных авторов [Thuc., IV, 69, 2; V, 82, 6; Xen., Hell., IV, 4, 18; IV, 8, 10; Arist., Pol., III, 6, 10]. Основной же объем трудоемких работ выполнялся силами жителей аполкии.

Полы внутри помещений в подавляющем большинстве глинобитные и залегают, как правило, под строительным отесом времени сооружения построек. В процессе эксплуатации домов глинобитные полы нередко перекрывались толстыми слоями утоптанной золы и неоднократно вновь обмазывались жидкой глиной, что приводило к постепенному повышению уровней компат. Только в андроне дома 1 был галечный пол, а поверхность еще одного помещения (28) в доме 8 была покрыта плотной утрамбованной известняковой крошкой. В одном угловом помещении дома 9 пол был вымощен плитами. В некоторых комнатах на полах находились плитовые или сырцовые очаги открытого типа (рис. 67—68).

С конца V в. до н. э. внутренние стороны кладок стали покрываться светлой обмазкой, так что самой кладки стены видно не было. В домах третьего горизонта (IV в. до н. э.) наиболее парадные комнаты (андроны) имели оштукатуренные и окрашенные в красный цвет стены: мелкие остатки такой штукатурки обнаружены в процессе раскопок к северо-западу от дома 1.

Качество штукатурно-малярных работ, галечное покрытие пола и, наконец, высокая техника кладок показывают, что упомянутый комплекс возводили и отделывали профессиональные

строители. Не исключена возможность, что эти мастера принимали участие в отделке усадьбы второй половины IV в. до н. э. у бухты Ветренной, вблизи Калос-Лимепа, где в одном из помещений открыт абсолютно аналогичный галечный пол и оштукатуренные стены. А. Н. Щеглов интерпретировал эту комнату как баню. Основанием для такого предположения послужило ее сравнение с так называемым банным помещением эллинистического дома Херсонеса [Щеглов, 1967, с. 251—252]. Однако упомянутый херсонесский мозаичный настил относится к андрону более раннего жилого здания IV в. до н. э. и лишь вторично использовался в бане [Домбровский, 1980, с. 11—12; Кутайсов, 1985 б, с. 184—185]. К сожалению, некоторые конструктивные особенности рассматриваемого помещения, судя по публикации, до конца не ясны, что не позволяет уверенно атрибутировать этот памятник. Отметим только то, что андроны встречаются и в сельских усадьбах [Jones, 1963, с. 283; 1974, с. 308, рис. 4], а аграрный комплекс у бухты Ветренной принадлежал состоятельному владельцу.

Черепичные кровли появляются частично еще в V в. до н. э. (в это время они еще представлены единичными фрагментами) и получают всеобщее распространение только в IV в. до н. э. в связи с массовым экспортом кровельного материала сначала из Синоп, а затем из Херсонеса. В зданиях Керкиптитиды преобладает сицилийская система кровли. Однако в слое разрушения греческого города нет завалов черепичной кровли и остатков деревянных перекрытий зданий. Развалы сырцовых стен легли прямо на полы помещения и поверхности дворов. Следовательно, весь этот ценный строительный материал был выбран с еще стоящих в полную высоту построек перед их окончательным разрушением. Кто же занимался выборкой еще пригодного для повторного применения материала? В условиях скифо-херсонесской войны покидающим город жителям, по всей видимости, было не до того. Напротив, скифы испытывали острую потребность в сырье для строительства в

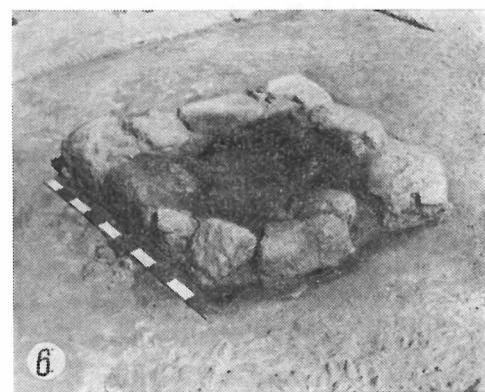
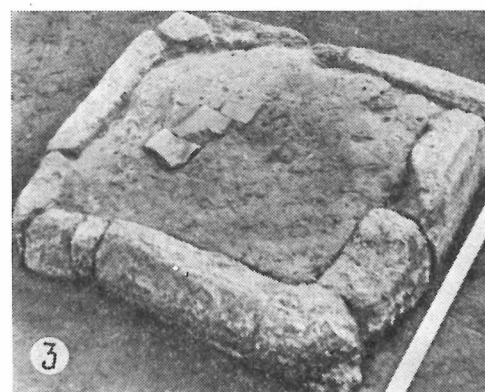
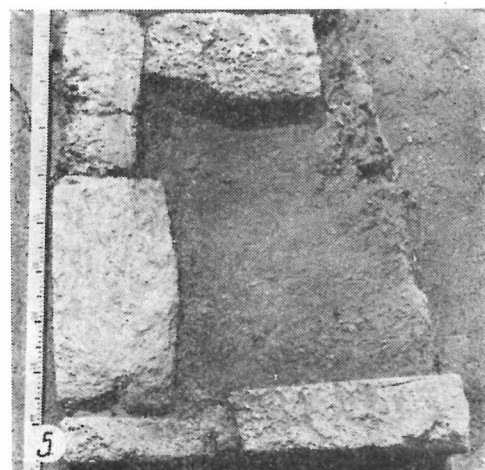
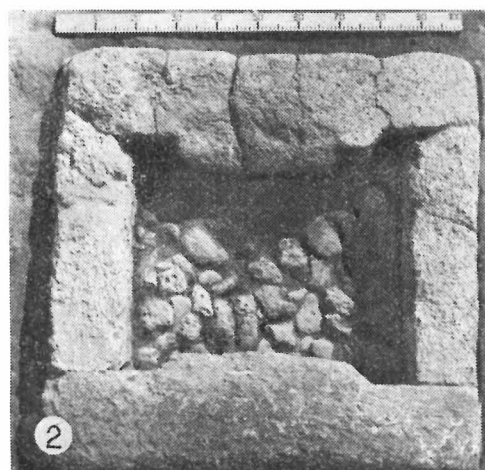
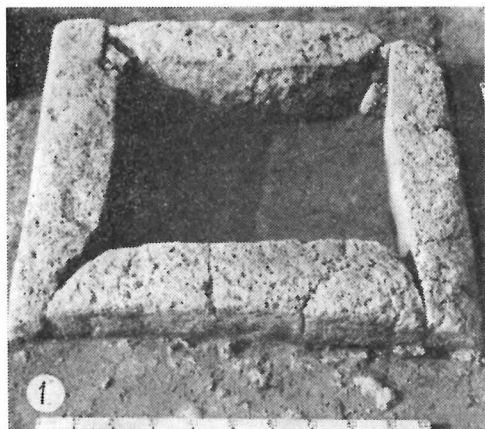

Рис. 67. Выложенные из плит очаги Керкини тиды:

1 — помещение 80; 4 — помещение 94; 2 — помещение 77; 5 — помещение 76; 3 — помещение 97; 6 — андрон.

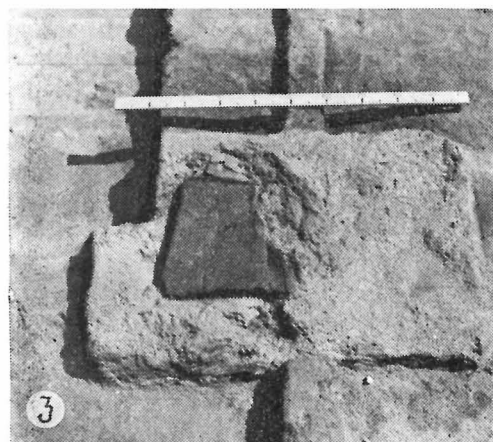
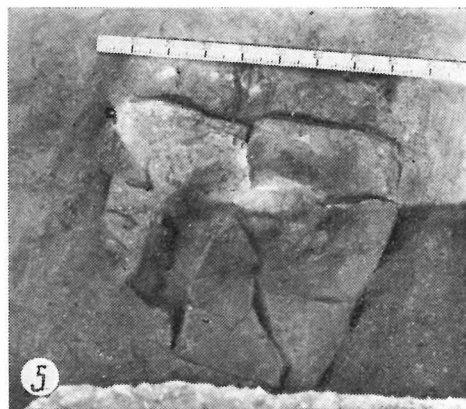
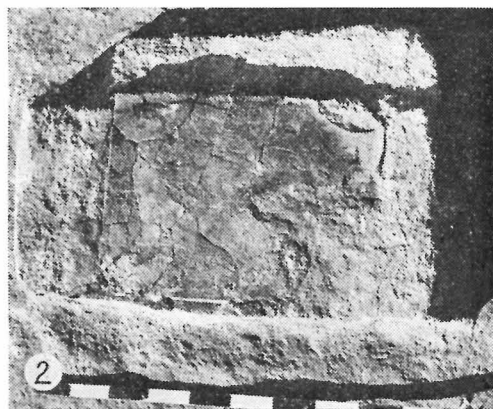
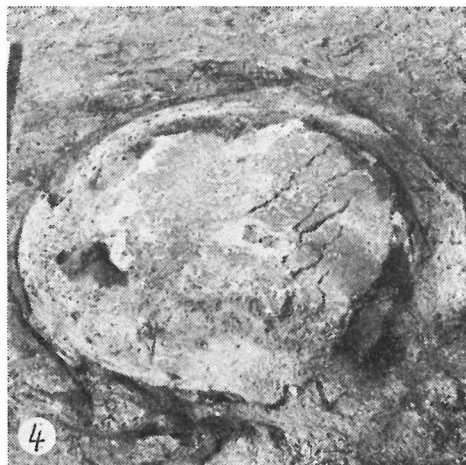
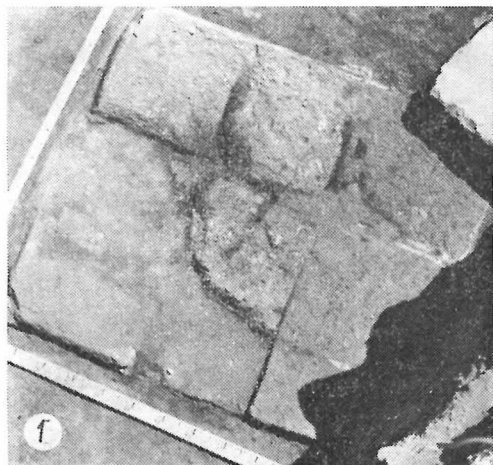

Рис. 68. Сырцовые очаги в жилых комплексах Керкинитиди.

1 — помещение 90; 2 — помещение 19; 3 — помещение 117; 4 — помещение 9; 5 — помещение 115; 6 — помещение 118.

столице и других местах государства. В свое время А. С. Голенцов и В. К. Голенко справедливо обратили внимание на любопытное обстоятельство в керамической эпиграфике Неаполя: наиболее ранние клейма второй половины IV — начала III в. до н. э. принадлежат к синопской продукции и оттиснуты на черепице. Все это привело названных авторов к заключению, что столь необходимое для строительства кровельное покрытие могло быть привезено с разрушенных поселений Северо-Западного Крыма или Гераклеяского полуострова [Голенцов, Голенко, 1979, с. 74, 79] *. При этом в Керкинитиде скифы разбирали жилые дома, построенные еще в третьей четверти IV в. до н. э. и перекрытые полностью синопской черепицей в основном первой хронологической группы по классификации Б. Н. Гракова.

Поскольку в настоящее время установлена обычная площадь и средние размеры жилого дома античной Керкинитиды (около 100 м²), можно попытаться вычислить примерную численность ее населения. Такие попытки уже предпринимались нашими предшественниками и ранее, несмотря на полную неизученность территории памятника и отсутствие данных о внутригородской застройке. Так, В. Д. Блаватский полагал, что в IV—III вв. до н. э. в Керкинитиде проживало 3—5 тыс. человек [1953, с. 196, прим. 2]. Основой для его расчетов служила площадь города, определенная на базе разведок П. Н. Шульца в 10 га. А. Н. Щеглов разместил внутри городских стен около 200 жилых домов с 1800—2000 проживающими в них жителями, исходя также из завышенной площади города (7—8 га) [1976, с. 84; 1978, с. 80].

Методика вычисления количества населения античных городов, предложенная С. Д. Крыжицким, состоит в следующем: жилищная застройка внутри города занимает не менее 50 % его территории, а число обитателей четырехкомнатного дома площадью около 100 м² составляет 7—8 человек [1982, с. 164,

прим. 2]. Последнее подтверждается и этнографическими параллелями в старых городах Причерноморья [Якобсон, 1961, с. 156, 158]. Следовательно, в Керкинитиде IV в. до н. э. могло находиться около 260—270 жилых домов и около 1855—2120 человек. С. Д. Крыжицкий уточнил свою методику и предложил вычислить население города или поселков городского типа по формуле [1982 б, с. 47—49]:

$$Q = \frac{S_{\text{ж.з.}} - S_{\text{у.ж.}}}{S_{\text{с.д.}}} Q_{\text{с.}}$$

где Q — количество жителей города, Q_{с.} — количественный состав семьи, S_{ж.з.} — площадь жилой застройки, S_{у.ж.} — площадь улиц в жилой части города, S_{с.д.} — площадь застройки жилого дома. При этом площадь жилой застройки в большинстве случаев составляет около 60 % всей территории города, улиц — 16 %, а средний состав семьи, включая одного-двух рабов, 8—10 человек [Крыжицкий, 1985 б, с. 100] *. При расчете по этой формуле население Керкинитиды в IV в. до н. э. будет составлять 1632—1865 человек и размещаться в 230—240 домах.

Попытаемся произвести расчеты исходя из конкретных градостроительных данных. Прежде всего внутри основного внутрикрепостного прямоугольника могло спокойно разместиться 16—17 стандартных кварталов и несколько усеченных треугольных кварталов менее удобной для жилой застройки общей площадью, вероятно, не более двух стандартных кварталов. Надо также учитывать, что пространство, примерно равное одному кварталу, занимала агора, а часть территории — общественные и культовые постройки — теменос (без них немислим ни один полис). Значит, под жилые постройки было отведено примерно 17 кварталов, включавших 270—290 домов с населением 1960—2240 человек. Полученные результаты практически совпадают с первым расчетом и немного отличаются от второго,

* Другая точка зрения у Т. Н. Высотской [1979, с. 134, 190] и И. В. Яценко [1972, с. 71].

* Еще более скромные размеры керкинитидских жилищ позволяют ограничить состав средней семьи 7—8 человек [Ср.: Крыжицкий, 1982, с. 164, прим. 2].

что, вероятно, связано со слишком абстрактным характером этого вычисления. Из полученных нами результатов следует, что под жилой застройкой было около 70 % территории памятника. На основании сказанного произведем расчеты численности населения и количества домов для предыдущих периодов по приведенной выше формуле: так, в Керкинитиде, в начале V в. до н. э. было около 170 жилых комплексов и 1200—1400 человек, а в конце V — начале IV вв. до н. э. — около 220—230 домов и 1600—1800 жителей.

Выше мы определили площадь первоначальной апойки в 0,8—1 га. О характере и плотности застройки поселка первых колопистов мы можем судить благодаря раскопкам в Ольвии. Здесь на одну землянку приходилось около 35—45 м² хозяйственной территории [Крыжичкий, Русаева, 1978, с. 24; Крыжичкий, 1982, с. 12; 1985, с. 59]. Это можно принять за основу и в наших расчетах, так как на первом этапе своего существования апойка не испытывала дефицита в площади. Потому поселок мог состоять из 180—220 землянок. Однако вряд ли все эти сооружения были жилыми, так как в этом случае число семей оказывается большим, чем жилых домов последующего времени. Вероятно, эту цифру можно уменьшить приблизительно в два раза, тогда максимальное население апойки при расчетах 3 человека на одно жилище составит порядка 270—330 человек.

Таким образом, в Керкинитиде в середине IV в. до н. э. — период градостроительного расцвета города — могло находиться около 270—290 жилых до-

мов с населением 2000—2200 человек. Причем, за полуторастолетие его численность увеличилась почти вдвое. Наш расчет оказался близким к приведенной выше цифре А. Н. Щеглова, хотя названный автор исходил из завышенной площади памятника и большей численности состава семьи (около 9—10 человек), но при этом из меньшего числа жилых домов (200), это при отсутствии хотя бы одного полностью раскопанного жилого комплекса.

Приведенные выводы о численности населения Керкинитиды носят предварительный характер, так как мы исходили из представления о равномерной заселенности территории города, что еще требует дальнейшей проверки и уточнения. Но лимит внутригородской территории был полностью израсходован на рубеже V—IV вв. до н. э., что предопределило необходимость совместного проживания пожилых родителей со своими взрослыми детьми [Ср.: Крыжичкий, 1985 б, с. 100]. Это обстоятельство, по всей видимости, препятствовало демографическому росту Керкинитиды и тормозило ее дальнейшее экономическое развитие. В то же время именно оно могло стимулировать пространственный рост города. Теоретически рост населения должен был бы привести если не к немыслимому расширению территории Керкинитиды, то к вторичной колонизации полуса. Однако данный процесс был прерван освоением Западного Крыма Херсонесом, основавшим здесь укрепление и открытые поселения. Свидетельств же участия Керкинитиды в херсонесской колонизационной деятельности у нас нет.

Глава VI ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КЕРКИНИТИДЫ

В процессе археологического исследования Керкинитиды выделены два общих культурно-исторических горизонта — скифский и греческий, — резко различающихся по архитектурно-планировочным характеристикам и по материальной культуре. Греческие, более ранние, напластования памятника распадаются, в свою очередь, на четыре градостроительных яруса, каждый из которых обладает своими отличительными особенностями, придающими им некоторое своеобразие и позволяющими говорить об определенной эволюции городской структуры Керкинитиды. Точная стратификация строительных остатков в увязке с культурными напластованиями памятника, их хронологизация позволяют соотнести отдельные горизонты городища с теми немногочисленными свидетельствами письменных источников, в которых упоминается Керкинитиды. Итогом этого синтеза является предлагаемая ниже историческая периодизация Керкинитиды. Поставленная задача облегчается тем обстоятельством, что в настоящее время уже существует аналогичная периодизация как для всего Западного Крыма [Щеглов, 1968, с. 332—342], так и для северо-западной части полуострова [Щеглов, 1978, с. 41—43]. Однако первая схема страдает некоторыми недостатками, вызванными слабой в то время изученностью района и отчасти влиянием эмпирической теории (сказанное касается прежде всего предположительного периода и Боспорского протектората). Вторая — достаточно верно и полно отражает основные вехи истории Северо-Западного Крыма. Тем не менее и она требует в соответствии

с новыми фактами корректировки и конкретизации по отношению к Керкинитиде.

В ее истории четко выделяются три основных этапа: 1) автономный полисный период апойкии (третья четверть VI — третья четверть IV в. до н. э.); 2) период включения Керкинитиды в состав Херсонесского государства (рубеж третьей-четвертой четвертей IV — третья четверть II в. до н. э.); 3) скифский период (вторая половина — конец II в. до н. э.). Ниже приводится краткая характеристика каждого из названных этапов, отмечаются их особенности.

Наибольшее количество дискуссионных вопросов касается первого периода истории Керкинитиды. Они прежде всего относятся к генезису и времени основания, к происхождению названия города, к экономике полиса и его монетному делу. Имеющихся в настоящее время археологических данных пока недостаточно для окончательного решения всех этих вопросов, а приведенные ниже наблюдения носят предварительный характер.

Утверждение об основании Керкинитиды на месте догреческого (скифского) поселения [Романченко, 1986, с. 230—231; Белов, 1948, с. 56, прим. 2; Наливкина, 1934, с. 162; 1955, с. 64, 68; 1957, с. 267; 1959, с. 189; 1963, с. 55] не соответствует полученным теперь археологическим данным: все обломки черпощеной лепной керамики происходят из культурных напластований, сопряженных с греческими постройками и могут свидетельствовать лишь о присутствии здесь, по крайней мере в первой четверти V в. до н. э., отдельных представителей местного населения [Кутай-

сов, 1987 б, с. 27—40; 1987 г, с. 144—146].

В литературе не существует единого мнения относительно происхождения Керкинитиды. Б. Кенэ [1856, с. 110] и П. С. Бурачков [1875, с. 25] допускали возможность первоначального основания поселения финикийцами, что, однако, не подтверждается археологическими и письменными источниками. Другие исследователи считали город дорийской колонией [Орешников, 1982, с. 7; Романченко, 1896, с. 231; Minns, 1913, с. 491; Roebuck, 1959, с. 123—124; Стрелецкий, 1959, с. 73; Скрипская, 1977, с. 59]. С развернутой аргументацией данной точки зрения выступила О. Д. Дашевская [1970, с. 127—128]. К этому же, возможно, склонился и Л. А. Монсеев [1918, с. 259], исходя из ошибочной посылки об основании Херсонеса еще в VI в. до н. э. Большинство же исследователей рассматривают Керкинитиду как ионийскую апоикью [Брун, 1880, с. 103; Штифтар, 1927, с. 35; Тюменев, 1955, с. 41; Каллистов, 1956, с. 367; Кобылина, 1965, с. 26—27; Щеглов, 1968, с. 333; 1978, с. 116; 1981, с. 210; Шелов, 1975, с. 76; Wasowicz, 1974, с. 13; Пичкич, 1984, с. 133; Драчук, Кутайсов, 1982, с. 28; 1985, с. 86; Rostowtzev, 1922, с. 64; Шелов-Коведяев, 1985, с. 173; Русяева, 1986, с. 57, прим. 145; Сапрыкин, 1986, с. 94—95; Золотарев, 1986 а, с. 89]. Причем некоторые авторы характеризуют Керкинитиду более конкретно — как милетский выселок [Sampson, 1971, с. 96; Vinogradov, 1980, с. 63; 1981, с. 11; Vinogradov, 1983, с. 368; Яйленко, 1983, с. 140].

Ионийский диалект ранних граффити из нижнего (древнейшего) культурного горизонта, в том числе уникальные памятники керамической эпиграфики (полностью сохранившееся письмо Апатурия к Невмению, посвящения Артемиде Эфесской, Кибеле, Афине), строительная техника (устройство слоевых и песочных оснований, система каменных кладок), характер и уровень развития денежного обращения, символика и эмблема ранних монет полна убеждают в том, что Керкинитиды являлась ионийской апоикией [Кутайсов,

1986 а, с. 97] *. При этом обращает на себя внимание полное совпадение по основным перечисленным выше параметрам материальной культуры Керкинитиды и ближайшей к ней ионийской колонии — Ольвии.

Особый интерес представляют два посвящения на донышках аттических чернолаковых сосудов одному из главных малоазийских божеств — Артемиде Эфесской. Одно из них прочерчено на нижней плоскости подставки чернофигурного киллика, относящегося, судя по форме ножки, ко времени не позднее 480—460 гг. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, № 438, 440]; второе нанесено на дне скифоса *.

Однако определить точную дату сосуда по столь невыразительному фрагменту удастся лишь достаточно широко (исходя из сечения кольцевой подставки и ее диаметра), в пределах всего V в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, № 336, 338, 342, 347—348]. Последнее граффити обнаружено в зольнике конца V в. до н. э. на северо-восточной окраине города. Как известно, культ Артемиды Эфесской был особенно популярен на раннем этапе в ионийских колониях Северного Причерноморья [КБН, 6 а, 11, 1040, 1114; Розанова, 1960, с. 130—132; Виноградов, 1974, с. 59—62; 1979, с. 49; Vinogradov, 1979, с. 248; Яйленко, 1982, с. 290; Ehrhart, 1988, с. 155; Сазанов, 1984, с. 160—161]. Достаточно вспомнить, что Эфес входил в возглавляемый Милетом союз 12 ионийских городов — Паннионии [Кобылина, 1965, с. 21—23], а культ Артемиды Эфесской имел общеоионийское значение и был широко популярен во всех малоазийских городах. Поэтому

* Публикацию письма Апатурия к Невмению см.: *Соломоник*, 1987, с. 114—126. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении в настоящее время эпиграфический материал не позволяет выделить из общеоионийского локальный милетский диалект [там же, с. 119].

* В Керкинитиде в отличие от Нижнего Побужья [Яйленко, 1980, с. 76—77] существовала тенденция размещения посвящений на донышках. Эта практика получила здесь распространение задолго до основания Херсонеса [Соломоник, 1978, с. 6].

считать Эфес метрополней Керкинити-ды пет основанній.

Одно из граффити с посвящением Артемиде Эфесской происходит из культурных отложений, сопряженных с полужемлянками, предшествующими наземным постройкам города. Чернофигурный клинк с надписью, по всей видимости, являлся приношением в святилище или храм божества. Отсюда вытекает, что соответствующая культовая постройка могла здесь находиться уже на первом этапе апоикии*. И хотя реальные остатки самого святилища пока не открыты, на существование строений для отправления религиозных культов (помимо посвящений сакрального характера) указывает фрагмент архаической архитектурной терракоты — водомета, обрамляющего один из углов черепичной кровли. Нет сомнения в том, что последний использовался в экстерьере пусть и небольшой, но наземной ордерной постройки, например, скромного храма в антах. Ведь не только землянки, но и первые наземные жилые постройки Керкинитиды не были покрыты черепицей.

Масштабы колонизации Западного Крыма значительно уступают по размерам аналогичного процесса в Нижнем Побужье. При этом обычно отмечают либо стихийный (пермапептный) характер заселения упомянутого района [Крыжидкий, Отрешко, 1986, с. 11—12], либо, напротив, импульсный [Виноградов, 1983, с. 392]. Анализ структуры позднеархаических поселений Нижнего Побужья позволил С. Д. Крыжидкому и С. Б. Буйских выделить в массовом колонизационном потоке два основных направления, одно из которых отличается организованностью и целенаправленностью, другое — стихийностью. Для первого из них свойственен урбанистический полисный характер, для второго — ярко выраженный аграрный [Крыжидкий, Буйских, 1988, с. 6—7], при котором эллистские переселенцы с периферии Милета селились

отдельными общинами [Русева, 1979 а, с. 11; 1979 б, с. 34].

Время основания Ольвии определяется в литературе по-разному. В основном в пределах от рубежа VII—VI вв. до н. э. и до середины — третьей четверти VI в. до н. э. [Крыжидкий, 1985, с. 57]. При этом нередко проблему становления Ольвийского полиса подменяют вопросы появления на территории будущего города одного из наиболее ранних поселений Нижнего Побужья. Тем не менее большинство исследователей отмечают полную (более значительную по количеству ее участников) волну колонистов во второй половине — третьей четверти VI в. до н. э., связанную с разгромом персами Ионии в 545 г. до н. э. [Копейкина, 1979, с. 110; Марченко, 1979, с. 133; 1980, с. 137—138; Виноградов, 1983, с. 392; Яйленко, 1983, с. 139—140; Апохип, 1986, с. 85; Русева, 1986, с. 51—52, 55]. Именно с этим наиболее крупным ионийским переселением связывают формирование Ольвийского полиса [Крыжидкий, Отрешко, 1986, с. 8—9, 12]. Учитывая же каботажный характер древнейшего мореплавания в Причерноморье, теоретически можно предполагать, что ионийская Керкинитида возникла в процессе этой многочисленной миграции из Малой Азии, а не в последующее время, как считает В. П. Яйленко [1983, с. 140]. В пользу сказанного также свидетельствуют и новые археологические материалы, полученные в последние годы, относящиеся к третьей четверти — второй половине VI в. до н. э.

Долгое время, вплоть до появления Херсонеса, Керкинитида оставалась единственным греческим полисом в Северо-Западном Крыму. В литературе высказывалось предположение, основанное на немногочисленных керамических находках VI—V вв. до н. э., о существовании ионийского поселения (эмпория), предшествовавшего Херсонесу [Ростовцев, 1918, с. 80; Жебелев, 1953, с. 77; Блаватский, 1947, с. 17—18; 1949, с. 146, прим. 1; 1954, с. 16; Стрелецкий, 1959, с. 68; Брашинский, 1963, с. 27, 42, прим. 25, 147; Щеглов, 1968, с. 233; Гайдукевич, 1969, с. 17]. По мнению М. И. Ростовцева, этот по-

* О существовании святилища Артемиды Эфесской в середине третьей четверти VI в. до н. э. в Пантикапее свидетельствует посвящение на бронзовом трепожнике [Виноградов, 1974, с. 62].

селок появился сразу после основания Керкиштиты [Rostovtzeff, 1922, с. 63—64], а В. В. Лапин и Ю. Г. Виноградов не исключали возможность гераклейского происхождения первоначального поселения на месте Херсонеса [Лапин, 1966, с. 83—84; Виноградов, 1983, с. 368]. Однако факт существования более раннего, чем дорийский Херсонес, археологического объекта был подвергнут сомнению А. А. Зедгенидзе [1978, 1979, с. 30; 1983, с. 12] и С. Ю. Сапрыкиным [1981, с. 36; 1986, с. 58]. Тем не менее недавно М. И. Золотарев сообщил об открытии на небольшом участке восточного района Херсонеса культурного слоя конца VI — первой половины V в. до н. э., свидетельствующего о существовании здесь позднеархаического, вероятно, ионийского поселения [1986, а, с. 9; 1986 б, с. 236; 1988 а, с. 50—51].

Острая дискуссия по данному вопросу вновь возникла на двух конференциях по античной проблематике, проходивших в сентябре 1988 г. в Симферополе и Севастополе. В процессе обсуждения этой проблемы М. И. Золотарев ознакомил коллег с археологическими материалами, полученными в результате его полевых исследований. Наиболее ранняя часть упомянутой коллекции, несомненно, относится к рубежу VI—V — первой трети V в. до н. э. К сожалению, значительная ее часть найдена в переотложенном состоянии и происходит уже из культурных отложений первой половины IV в. до н. э.

Кроме того, в конце V — начале IV в. до н. э. у Ярылгачской бухты возникло поселение Панское I [Щеглов, 1985 а, с. 5; 1985 в, с. 85—86; Ščeglov, 1987, с. 243]. По мнению А. И. Щеглова и Е. Я. Рогова, его появление здесь связано с миграцией в этот район части населения Нижнего Побужья [1985, с. 86—88]. Не исключена возможность отнесения к концу V — первой половине IV в. до н. э. нижнего горизонта поселения Чайка [Карасев, 1967, с. 215; Яценко, 1974, с. 211; 1983, с. 187]. Топография памятников позднеархаического и классического времени может свидетельствовать о том, что упомянутые выше ар-

хеологические объекты могли быть единственными поселениями VI — начала IV в. до н. э. в Северо-Западном Крыму. Отсутствие же таковых в настоящее время — результат недостаточной изученности района, прежде всего нижних древнейших горизонтов многослойных памятников. Теоретически можно допускать возможность существования ранних поселений в районе Калос-Лимена и на Тарханкутском мысу.

Качественный скачок в развитии Керкиштиты, приведший к урбанизации апейки, произошел в 70—60 годы V в. до н. э., когда территория города была обнесена мощными крепостными стенами, а внутреннее пространство поделено на приблизительно одинаковые ойкопедии и застроено по четко выдержанной и регулярной планировочной схеме общественными постройками и жилыми домами традиционного городского типа. Следовательно, процесс формирования полиса в архитектурно-градостроительном отношении полностью завершился. Этому событию предшествовало около 60—70 лет существования открытого поселения — время жизни двух поколений колонистов.

Согласно господствующим в настоящее время представлениям о древнегреческой колонизационной практике первым мероприятием переселенцев после прибытия к месту основания города являлось сооружение оборонительных стен, а лишь затем раздел земельных участков [Яйленко, 1979, с. 69; 1982, с. 123, 242; Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 5]. Вместе с тем в Керкиштите, Ольвии и других северопричерноморских центрах процессы становления полиса и его урбанизации не совпадают по времени, что, по мнению С. Д. Крыжицкого и В. М. Отрешко, служит отличительной особенностью всего этого региона [1986, с. 13]. Однако обратим внимание на следующее немаловажное обстоятельство: для аргументации положения о первоочередном возведении крепостных стен обычно ссылаются на сообщения Диодора и Витрувия [Diod., XII, 10, 6; Vitruv., I, 4, 12]. Нетрудно заметить, что свидетельства этих античных авторов отдалены от реальных со-

бытий периода колонизации значительным хронологическим промежутком. С их позиций основание апойкии и укрепление ее фортификационными сооружениями могли восприниматься как одновременный акт. Более подробная дифференциация событий практически не имела для них большого значения. Необходимость укрепления лакедемонской колонии Гераклея и Трахинии диктовалась продолжающейся Пелопонесской войной [Thuc., III, 92, 6]. Существование некоторого разрыва между появлением апойкии и превращением ее в собственно город диктовалось необходимостью более подробного знакомства с местными природными ресурсами (например, поисками и разработкой карьеров для добычи строительного материала), а также увеличением демографического потенциала общины. В Северном Причерноморье этому благоприятствовало отсутствие в зонах колонизации местного населения, следствием чего явилось ненасильственное заселение побережья, а значит, мирный характер взаимоотношений с аборигенами (не считая дорийского Херсонеса, освоение ближайшей округи которого сопровождалось, по всей видимости, вооруженными столкновениями с таврами) [Щеглов, 1981, с. 215].

По нашим расчетам, внутри крепостных стен V в. до н. э. могло разместиться 160—170 жилых комплексов. Принимая во внимание возможность совместного проживания престарелых родителей со своими взрослыми детьми, можно предполагать, что количество

членов гражданской общины при превращении поселения в типичный греческий город могло в два раза превысить число городских домов. Вместе с тем основная часть переселенцев состояла из мужской молодежи, вынужденной искать себе жеп среди туземного населения на новом месте обитания [Яйленко, 1982, с. 49, прим. 103; 1983, с. 154, прим. 66]*. Если сказанное справедливо, то на первом этапе существования апойкии должен был произойти своего рода демографический взрыв. Число же первых колонистов было, вероятно, минимальным для колонии — около 100 человек [Яйленко, 1982, с. 241; Козловская, 1984, с. 28]. Это подтверждают скромные размеры первоначального поселения, а затем и самого города. При этом переход от полуподземных однокамерных жилищ к наземным благоустроенным городским домам создавал те элементарные санитарно-гигиенические условия, которые, сокращая детскую смертность, могли благоприятствовать росту численности населения.

В первой трети V в. до н. э. в Керкинитиде появляются монеты-стрелки. Их морфологическое отличие от стреловидных изделий других понийских городов (Березани, Ольвии, Истрии, Аполлонии) не оставляет сомнения в местном происхождении этих предметов. Следует обратить внимание на тот факт, что в Ольвии [Крыжцкий, Русева, 1978, с. 18] и в Керкинитиде изготовление монет-стрелок осуществлялось в тот период, когда многие обитатели этих поселений жили еще в землянках.

Керкинитидские монеты-стрелки находились в обращении на протяжении почти всего V в. до н. э. Однако нельзя исключить возможность их изготовления еще в конце VI в. до н. э. По крайней мере, полностью отвергать это пока не представляется возможным, так как наиболее древняя часть апойкии не обнаружена. Со второй четверти V в. до н. э. с переходом к наземным постройкам в Керкинитиде было налажено литье монет нового типа с изображением на одной стороне рыбы, обратная же сторона имитировала нако-

* Недавно Э. Д. Фролов [1986, с. 82—88; 1988, с. 148—150] выступил с резкой критикой взглядов В. П. Яйленко на характер взаимоотношений греков с аборигенным населением. При этом автор полностью отрицает значение полученных в последние годы археологических данных для анализа этносоциальных отношений, а точка зрения В. П. Яйленко представлена излишне упрощенно. К тому же Э. Д. Фроловым подробно рассмотрены контакты греков с местными племенами в Сицилии — в зоне дорийской колонизации со свойственным им, как отмечает назвавший автор ниже, вооруженным захватом территории и насильственным подчинением проживавшего там населения. Иначе обстояло дело в районах понийского переселения, например в Нижнем Побужье.

нечник двухлопастной стрелы*. Невольно напрашивается сравнение керкинитидских монет-символов с ольвийскими стрелками и дельфинчиками. Они служили атрибутами Аполлона Врача и Аполлона Дельфиния [Анохин, 1986 а, с. 85; Русяева, 1986, с. 49—50, 55—56]. По мнению Русяевой А. С., в Ольвии во второй половине VI — начала V в. до н. э. происходила борьба между двумя группировками, одна из которых почитала Аполлона Врача, вторая — более многочисленная — Аполлона Дельфиния. Смена же монетных выпусков связана с окончательной победой последнего культа, ставшего главным общеполисным [1986, с. 53]. Керкинитидский второй монетный тип объединяет в себе оба символа разных культов [Русяева, 1986, с. 57, прим. 145], что подчеркивает его уникальность. И, наконец, в последней трети V в. до н. э. в городе отлита монетная серия из двух номиналов, на которых (как и на синхронных им ольвийских монетах) — появляется этникон города [Кутайсов, 1986, с. 94—97]. Сходство в развитии монетного дела двух полисов этим не ограничивается: в середине IV в. до н. э. оба города приступили к монетной чеканке: Ольвия — золота, серебра и меди, Керкинитиды — только меди [Анохин, 1986 б, с. 493].

А. С. Русяева допускает на основании лишь одних монет-стрелок сильное политическое и экономическое влияние Ольвийского полиса на Керкинитиду [1986, с. 57, прим. 145], а М. И. Золотарев распространяет это воздействие и на весь Северо-Западный Крым. Он не отрицает возможность отливки упомянутых выше монет-стрелок для Керкинитиды в Ольвии [1986, с. 92]. Однако, не исключая определенного влияния Ольвии на Керкинитиду, все же нельзя не признать его сильно преувеличенным. Кроме того, следует иметь в виду и то обстоятельство, что Ольвия в V в. до н. э. имела более скромные размеры — около 16,5 га [Крыжицкий,

1985 а, с. 60; 1986, с. 305] и экономо-ческие возможности, чем в последующее время — период павысшего расцвета. Совпадение некоторых моментов в развитии обоих городов объясняется, вероятно, общим их происхождением, сходными условиями существования, а также сложившимся в указанное время районированием.

Так, ряд авторов включили Ольвию в Северо-Западный экономо-географический район [Шелов, 1967, с. 220; Брашинский, 1970, с. 134; Русяева, 1979 а, с. 3]. Основанием для этого послужило совпадение некоторых черт в материальной культуре Ольвии и Истрии. И. Б. Брашинский выделил характерные для обоих названных городов признаки: во-первых, в этих полисах выпуск собственной монеты «начищается не с чеканки, а с литья, и притом меди»; во-вторых, в обоих городах практиковалось использование в строительстве слоевых оснований [Брашинский, 1970, с. 134]. Все это присуще и Керкинитиде, а общих черт с Ольвией у нее еще больше. Кроме того, связи между Керкинитидой и Истрией могли быть не опосредованными, а прямыми. Сказанное подтверждается свидетельством Псевдо-Скиллака о плавании кораблей от Истрии к юго-западной оконечности Таврики [Гайдукевич, 1969, с. 15]. Правда, прямых доказательств этому пока нет, кроме одной истрийской колесообразной монеты из раскопок Керкинитиды в 1981 г. Отсюда же происходят три листовидные монеты-стрелки иных типов, чем описанные выше. Благодаря многообразию форм определить точное место их производства не представляется возможным (Березань, Ольвия, Истрия, Аполлония). Можно говорить только о Северо-Западном Причерноморье в целом.

До настоящего времени не существует единого мнения относительно этимологии названия города. Б. Кене предполагал, что наименование полиса происходит от финикийского или еврейского слова *КАРКА*, означающего почву, участок побережья, занятый городом [1856, с. 109], Н. Надеждин — от греческого слова «краб», полностью соответствующего раннему названию.

* Упоминание об этих эмпах см.: Анохин, 1986, с. 76; 1988, с. 134; Золотарев, 1986, с. 88—93.

апойкии [1844, с. 53], Л. А. Моисеев — от племени керкетов-теоретов, обитавших на побережье Кавказа [1918, с. 247]. Последнее вызвало резкую и обоснованную критику со стороны Н. Марра [1922б, с. 78]. Тем не менее это же объяснение было повторено В. Д. Блаватским [1959, с. 9], а мнение последнего использовано А. Н. Щегловым (в одной из ранних работ) в аргументации родства сатархов с таврами [1968, с. 333]. Н. Ф. Романченко считал имя города греческим и сравнивал его с близкими географическими названиями в других районах греческого мира [1896, с. 231]. М. А. Наливкина связывала топонимическое обозначение города с тотемным племенным названием [1934, с. 161—162], в котором Н. Марр усматривал эфетический корень Кер-к [1922 а, с. 326], а недавно В. П. Яйленко высел название данного топонима от фрако-дакийского и иллирийского корня [1984, с. 53]. Наиболее убедительное решение данного вопроса предложила О. Д. Дашевская, по мнению которой, город обязан своим названием ойкису по имени Каркин [1970, с. 125]. Изменение же второй буквы в имени связано с тем, что уже в древности этим словом стали обозначать пающую губельную болезнь. Косвенным подтверждением приведенного выше предположения могла бы послужить популярность этого имени в ономастике города. Однако в коллекции граффити из раскопок Керкинитиды это имя пока не зафиксировано. Напротив, Ю. Г. Виноградов объясняет изменение названия города не эвфемизмом, а тем, что «форма *kerkivos* была свойственна ряду диалектов, в том числе и дорийскому» [Vinogradov, 1987, с. 33].

Важное место в изучении истории Керкинитиды V в. до н. э. занимают два вопроса: о взаимоотношениях ее со скифами и Первым Афинским морским союзом. Как можно заключить из сообщения Геродота [IV, 99], в его время Ольвия и Керкинитиды располагались в пределах *ἄρχαία Σκυθία*: первый из названных городов в центре упомянутой области, второй — на ее южной окраине, что практически ста-

вило их в одинаковое положение по отношению к скифам. О присутствии же кочевых скифов в Северо-Западном Крыму в конце VI—V вв. до н. э. свидетельствуют находки подкуранных захоронений в этом районе [Дашевская, 1982, с. 224]. Все сказанное делает вполне вероятным возможность совпадения некоторых моментов политической истории этих родственных полисов. Более того, общее ионийское происхождение Ольвии и Керкинитиды (возможно, даже вывод их из одной метрополии) объясняет совпадение основных этапов формирования полисных структур.

Итак, переход от земляночного к массовому наземному жилищному строительству в Ольвии и Керкинитиде произошел практически одновременно (или с небольшим хронологическим разрывом) — в начале первой половины V в. до н. э. [Крыжичский, Русева, 1978, с. 23; Крыжичский, 1979, с. 331; 1982, с. 14; 1985 а, с. 62—63]. В это же время на Ольвийской хоре прекращает существование большинство аграрных поселений [Крыжичский, Бураков, Буйских и др., 1980, с. 7]. В литературе высказывалось несколько мнений по этому поводу: активизация в регионе кочевых скифов способствовала перемещению населения с периферии в Ольвию [Доманский, Копейкина, Марченко, 1978, с. 78; Марченко, 1979, с. 136], что создало благоприятные условия для урбанизации последней — для перехода к наземному жилищному и общественному строительству [Крыжичский, Русева, 1978, с. 24; Крыжичский, 1985а, с. 63]. Однако вряд ли превращение Ольвии в классический (с архитектурно-градостроительной точки зрения) греческий город было связано только с изменением внешнеполитической обстановки. Очевидно, правы А. С. Русева и М. В. Скрипническая, полагающие, что массовое каменное строительство — результат исторически назревшей необходимости, а экспансия скифов только ускорила этот процесс [1980, с. 142].

К сожалению, у нас нет информации о древнейшей хоре Керкинитиды. Вместе с тем скромный характер

ионийской колонизации побережья Западного Крыма, небольшое число переселенцев позволяют предполагать, что величина первоначальной аграрной округи апойкии была незначительной и она обрабатывалась обитателями одного общего поселения, расположенного на Карантинном мысу, в центре современной Евпатории. С этим, по всей видимости, связано и полное отсутствие здесь остатков каких-либо архаических и раннеклассических селщ.

Запустение практически всех архаических поселений Ольвийской хоры в первой трети V в. до н. э. К. К. Марченко был склонен объяснять стремлением скифов поставить под свой контроль торговлю сельскохозяйственными продуктами [1980, с. 142]. Напротив, Ю. Г. Виноградов связывал это с изменением политической ситуации в регионе и установлением над Ольвией скифского протектората [1981, с. 57—60; 1983, с. 400, 403—404; 1985, с. 13—14]. Развивая свою гипотезу, он предполагает, что с 80-х годов V в. до н. э., после мирного договора между скифами и фракийцами, первые направили свою экспансию на Боспор и Тамань. Очевидно, скифы не оставались безразличными и к Северо-Западному Крыму, где находилась Керкинитида, поставленная, вероятно, ими в такое же по отношению к себе положение, как и Ольвия [Золотарев, 1986 а, с. 8; Vinogradov, 1987, с. 28]. Концепция Ю. Г. Виноградова в последнее время получила дополнительное подтверждение целым рядом новых археологических данных. Так, помимо использованного им факта строительства в первой половине V в. до н. э. оборонительных стен Тиритаки [Гайдукевич, 1952 а, с. 20, 89; Gajdukevič, 1972, 57] к концу первой трети того же столетия относятся, как уже сказано, возведение фортификационных сооружений Керкинитиды, а также Мпрмекия [Виноградов, 1987, с. 174, прим. 23], возможно — Порфмия [Вахтина, 1988, с. 197—198]. И, наконец, вполне логичным выглядит утверждение о том, что застройке Ольвии традиционными городскими домами в начале V в. до н. э. предшествовало укрепление ее территории оборо-

пительными стенами [Ср.: Гриневич, 1963, с. 54]. Перечень конкретных примеров пока этим и ограничивается. И хотя возведение крепостных сооружений в греческих апойкиях является закономерным итогом их развития, само хронологическое совпадение важнейших событий в истории отдельных полисов, расположенных различных пунктах Северного Причерноморья, не случайно. Все сказанное, безусловно, связано с резко возросшей военной активностью скифов, реально угрожавших греческим колониям.

Недавно при раскопках Керкинитиды обнаружена уникальная эпиграфическая находка конца V в. до н. э. — письмо Апатурия к Невменнию [Соломошкин, 1987, с. 122—125]. В последних строчках этого эпистолярного документа указывается на трибутивную зависимость города от скифов ἄτις τέλη γίνωσκε ἐς τὸς Σκύθας [Vinogradov, 1987, с. 28]. И хотя послание Апатурия отделено от описанных выше событий более чем полувековым промежуток времени, оно отражает установившийся характер взаимоотношений скифов и греков.

Второй вопрос касается отношения Керкинитиды к Делосскому союзу. В списке форося за 425/424 гг. до н. э. восстанавливается название Понтийского податного округа и наименования ряда Причерноморских полисов [Meritt, West, 1934, с. 69; 87—88; ATL, I, A9]. Они могли быть инкорпорированы в Афинскую архэ в 428 г. до н. э. [Meiggs, Lewis, 1969, с. 199; Meiggs, 1972, с. 328—329]. В 40 фрагменте надписи наряду с другими североприморскими колониями дополняется этноним Керкинитиды *. При этом, учитывая сохранность лишь первых двух букв наименования города, предпочтение было отдано не Καλλатису, а именно Керкинитиде ввиду того, что, по мнению авторов ATL, первый из двух названных городов в V в. до н. э. просто еще не существовал [ATL, p. 539].

* Имя города первоначально транскрибировалось в форме Κα[ρχ]ίνα, а затем Κα[ρχ]ινίτις [Meritt, West, 1934, с. 69; ATL, I, с. 157, 496].

Ошибочность такого утверждения, вытекающего из комментария Псевдо-Скилака, доказана Д. М. Пиппиди [Pippidi, 1965, p. 329—330]. Иначе говоря, оба из упомянутых выше полисов могут с одинаковым основанием быть восставлены в А9.

Кроме того, следует обратить самое пристальное внимание на два последних в рассматриваемом перечне топонима, которые традиционно воспринимаются как наименования еще двух эвксинских городов — Керасунт и Дандака (Κερ[ασσ], Δαν[δάκη]). Однако против дополнения здесь южнопонтийского города свидетельствует ряд фактов.

Из повествования Ксенофонта (конца V в. до н. э.) известно, что Керасунт, как и другие синопские колонии, выплачивал своей метрополии дань, а также, вероятно, как и Котиора, управлялся синопским наместником [Xen., Anab., V, 3, 2; V, 5, 10; Максимова, 1956, с. 75—76]. Находясь в таком положении, Керасунт вряд ли мог подвергаться самостоятельному налогообложению со стороны Афинского союза, Синоп же в списке 425 г. до н. э. не значится. К тому же, несмотря на отсутствие строгой топографической последовательности в перечне отдельных пунктов внутри отдельных округов, нетрудно заметить, что в рассматриваемом фрагменте 40 приведены только западно- и северопонтийские полисы. Исходя из первых трех сохранившихся букв (ΚΕΡ), здесь можно с наименьшим основанием восстановить этникон какого-нибудь другого причерноморского города. Конечно, весьма заманчиво увидеть тут дематикон Κερκινίτις. Тем более сразу за ним помещена Дандака, местоположение которой определяется на Западном побережье Крыма, на отрезке его от Керкинитского залива до устья р. Альмы. Вместе с тем такое написание городского имени через эпсилон получило распространение лишь в конце IV в. до н. э. и до сих пор не встречено в более раннее время. Это, к тому же, порождает ряд новых неразрешимых вопросов. К примеру, сказанному противоречит синхронная афинскому декрету литая монетная серия города, на которой воспроизведено

имя полиса в форме ΚΑ, а также более поздняя городская чекапка с аналогичными, но более полными подписями.

Отмечая дискуссионность некоторых конкретных дополнений этниконов отдельных северопричерноморских городов, многие исследователи тем не менее, привлекая косвенные данные, включают в Первый Афинский морской союз такие периферийные города, как Тира, Никоний, Ольвия, Нимфей [Карышковский, 1960, с. 99; Карышковский, Клейман, 1985, с. 45; Виноградов, 1985, с. 13—14; Шелов—Коведяев, 1985, с. 112]. К перечню упомянутых полисов следует относить и Керкинитиду, название которой, возможно, было воспроизведено в 165 строке Афинского податного списка (А9) или находилось в несохранившейся части декрета 425 г. до н. э. Город представлял собой в V в. до н. э. достаточно мощное укрепление, расположенное в степной части Крыма, почти ничем не уступающее по своим размерам и архитектурному облику другим малым северопонтийским полисам, таким, как, например, Нимфей и Никоний.

И наконец, анализ афинского документа позволяет сделать еще одно важное наблюдение. Упоминание в последней строке списка Дандак, ранее известной нам лишь по сообщениям Птолемея и Аммиана Марцелина [ATL, с. 478—479], указывает на то, что в V в. до н. э. Керкинитиды не являлись в этой части единственной греческой колонией. Учитывая же семантику этого иракского топонима [Tomaschek, 1901, с. 2099], можно предполагать, что Дандака находилась на самой западной оконечности Тарханкутского полуострова, где расположен один из самых крупных, но почти не изученный археологический памятник — Караджинское городище.

С. Ф. Стрежелецкий справедливо полагал, что к Керкинитиде и Калос-Липпу могли примыкать сельскохозяйственные паделы граждан, аналогичные земельным участкам Маячного и Гераклеянского полуостровов. Одна из усадеб такого владения, по мнению названного автора, была исследована Л. А. Мон-

сеевым [1961, с. 45, прим. 7]. Менее определенно высказывался об этом В. Д. Блаватский [1953, с. 25].

В настоящее время у нас отсутствует надежная информация о размерах аграрной округи полиса: А. Вонсович полагала, что она занимала пространство от самого города до Мойнакского озера [Wasowicz, 1974, карта 2], а А. Н. Щеглов — что земельные владения распространялись не только в западном, но и восточном направлениях, в радиусе около 3 км от стен Керкинитиды [1978, с. 42, 95, 116]. Согласно сложившейся практике, сельскохозяйственные угодья находились на определенном расстоянии от самого города [Arist., Pol., VI, II, 5].

К сожалению, у нас нет данных и о среднем размере наделов хоры Керкинитиды. Лишь некоторые представления мы имеем о сельских усадьбах, раскрытых на берегу Мойнакского озера [Романченко, 1896; 1907; Моисеев, 1918, с. 250]. На основании плана П. О. Бурачкова, уточненного Н. Ф. Романченко, А. Н. Щеглов предполагал, что округа города была разделена приблизительно на 70—120 участков [1978, с. 95, рис. 51], которые по своим размерам (судя по приведенному плану) совпадали с наделами Гераклеяского полуострова [Николаенко, 1985, с. 18]. А. Н. Щеглов не обратил внимания на указание упомянутых авторов о находках здесь черепков черной поливной посуды, говорящих о том, что эти строительные остатки синхронны средневековому Гезлеву [Бурачков, 1881, с. 243; Романченко, 1896, с. 222]. Отметим также, что число наделов не соответствует предполагаемому количеству домов в черте города [1978, с. 84]. Да и такие размеры земельных владений при ограниченных людских ресурсах Керкинитиды вряд ли могли иметь место. Обработка «клеров» в округе Херсонеса осуществлялась, по расчетам С. Ф. Стрежелецкого, с помощью рабов — в среднем по 24 раба на один стандартный участок и с общей численностью около 9 тыс. человек для всего Гераклеяского полуострова [1961, с. 152, 161]. В Керкинитиде столь же широкое использование рабского труда

не подтверждается никакими материальными.

Экономический потенциал полиса определяется прежде всего размерами его сельскохозяйственной округи, то есть количеством и качеством обрабатываемой земли. Природный ландшафт убеждает в том, что аграрные владения полиса могли располагаться между двумя озерами — Бююк-Мойнакское и Сасык-Сивашское.

Как известно, хора полиса делилась на две части, одна из которых находилась в общем пользовании для покрытия расходов на отправленные религиозного культа и общественных трапез, вторая, более крупная, оставалась в частном владении [Arist., Pol., VII, IX, 8]. Поскольку город долгое время оставался единственной апойкией на Западном побережье Таврики, то при отсутствии здесь многолюдного оседлого населения пригодной для культивирования земли было более чем достаточно. Расположенный между упомянутыми озерами район мог иметь обрабатываемую площадь около 1300—1400 га, а в глубину полуострова не более 2,5—3,0 км. С другой стороны, общее количество домов внутри города теоретически должно соответствовать числу земельных наделов на хоре Керкинитиды, так как никто, кроме граждан полиса, не имел права не только на дом в черте города, но и земельный участок на хоре [Яйленко, 1975, с. 136—137; Кошеленко, 1979, с. 230; 1983, с. 15].

Принимая во внимание, что внутри крепостных стен Керкинитиды в IV в. до н. э. — в период максимального расцвета полиса — находилось 270—290 жилых комплексов, каждый аграрный надел мог достигать 4,5—5,0 га без учета резервных участков и территории, выделенной под общий выпас (последней было более чем достаточно). Иначе говоря, жилым комплексам малой площади внутри города соответствовали и небольшие земельные наделы на его хоре. По мнению же С. Ф. Стрежелецкого, «клеры» площадью около 4,5 га могли обрабатываться силами самого землевладельца и членов его семьи [1961, с. 53].

До второй четверти IV в. до н. э. (активного освоения Западного Крыма Херсонесом) Керкинитида располагала потенциальной возможностью неограниченного увеличения своих земледельческих угодий соответственно росту населения, дополнительному притоку переселенцев и т. д. При таком положении, вероятно, учитывались лишь экономические возможности полиса, а также самые необходимые меры безопасности.

Наблюдения за земляными работами 80-х годов нашего столетия в г. Евпатории показали, что организация сельскохозяйственной округи Керкинитиды существенно отличалась от аналогичных аграрных структур ближайших владений Херсонеса, Калос-Лимена, Тарханкутского полуострова [Стрежелецкий, 1961, с. 29; Щеглов, с. 86—94; 1980, с. 62—63]. Прежде всего, здесь не зафиксированы столь характерные для названных районов остатки каменных плащажных оград. Отмеченное обстоятельство, по всей видимости, свидетельствует об иной аграрной направленности хоры Керкинитиды: не на выращивание винограда, а на производство злаковых культур*. Это и является коренным различием в сельскохозяйственной деятельности двух полисов — Керкинитиды и Херсонеса.

Не трудно обратить внимание на почти полное сходство наших предварительных расчетов размеров наделов на хоре Керкинитиды и аналогичных участков на Маячном полуострове, вблизи Херсонеса (около 4,5 га) [Блаватский, 1953, с. 40—41; Стрежелецкий, 1961, с. 32; Щеглов, 1984 а, с. 55]. С. Ф. Стрежелецкий полагал, что на территории Маячного полуострова находились древнейшие наделы граждан Херсонеса под защитой перекрывающих перешеек стен [1961, с. 157—158]. Предположение это принимается некоторыми авторами как установленный факт [Яйленко, 1982, с. 117, 128; Са-

прыкин, 1986, с. 63], что является большим заблуждением. Как хорошо известно, при оценке земельных угодий античных полисов одним из важных критериев (наряду с качеством почвы, наличием источников, коммуникаций и т. д.) служила их близость к самому городу [Яйленко, 1982, с. 118]. Именно поэтому сельскохозяйственная территория развивалась от городских стен в глубь территории, а не наоборот. Обратная практика нигде в античном земледелии не получала распространения. А. Н. Щеглов рассматривает участки Маячного полуострова как земельные наделы жителей «Страбонова Херсонеса» [1984, с. 55] — первого военно-хозяйственного поселения Херсонеса. Однако, как известно, Е. Н. Жеребцов высказал предположение, что упомянутый полуостров был разделен не на маленькие, а на традиционные по величине наделы [1976, с. 14—18]. Последнее вызвало резкое возражение со стороны А. Н. Щеглова, по мнению которого, небольшие земельные участки в конце IV в. до н. э. были укрупнены и таким образом включены в новую аграрную систему Гераклеяского полуострова [1986, с. 161, прим. 25].

Определение площади аграрной округи Керкинитиды имеет принципиальное значение для выяснения последующих взаимоотношений ее и Херсонеса, приступившего к активному освоению территории Северо-Западного Крыма. Последнее, конечно, не могло не привести к столкновению экономических интересов двух названных государств. В этой связи следует обратить внимание на самое близкое к Керкинитиде херсонесское укрепление Чайка, расположенное, вероятно, на периферии Керкинитидской хоры*. Оно было возведено

* Остатки размежевания под виноградник открыты на поселении Маяк 2 к западу от Мойпакского озера, синхронного I и II периодам поселения Чайка (конец первой четверти IV — первая четверть III в. до н. э.) [Яйленко, 1985 а, с. 383—385].

* С. Ю. Сапрыкин допускает возможность первоначального основания поселения Чайка Гераклеей в качестве своего эмпория [1986, с. 95—96]. Напротив, А. Н. Щеглов и М. И. Золотарев не исключали ольвийского происхождения нижнего горизонта этого памятника [Щеглов, 1986, с. 168; Золотарев, 1988 б, с. 291]. Однако раннее поселение, предшествующее херсонесскому укреплению, скорее всего, связано не с отдельной Ольвией, а с расположенной в нескольких километрах Керкинитидой.

над остатками какого-то более раннего, по всей видимости, ионийского поселения [Яценко, 1974, с. 211; 1983, с. 187; Карасев, 1963, 1965, с. 131; 1966, 1967], существовавшего в первой половине IV в. до н. э., а может быть, еще в конце V в. до н. э. [Карасев, 1967, с. 215]. Сооружение здесь столь мощного укрепления помимо чисто утилитарных целей, связанных с освоением земледельческих просторов полуострова, могло преследовать и другую вполне конкретную цель: ограничить (а, быть может, и сократить) дальнейший естественный территориальный рост хоры Керкинитиды. Аналогичную цель вполне могло преследовать и укрепление Кара-Тобе у южной оконечности Сасык-Сивашской пересыпи, где были обнаружены археологические материалы IV в. до н. э. (гераклеийский импорт) [Шульд, 1937, с. 253; 1941, с. 273; Яценко, 1985 а, с. 379]. Оно закрывало проход на участок побережья между Сакским озером и оз. Кизил-Яр. Именно здесь вскоре появилось большое количество херсонесских памятников, выявленных А. С. Голенцовым и (особенно в последнее время) С. Б. Ланцовым. Все отмеченные мероприятия Херсонеса носили превентивный характер и практически лишали Керкинитиду перспектив дальнейшего самостоятельного развития. Все это потребовало от Керкинитиды, по всей видимости, принятия определенных контрмероприятий, необходимых для активного отстаивания своего приоритета на эксплуатацию прилегающей к ней сельскохозяйственной территории и независимости.

Включение Керкинитиды в состав Херсонесского государства явилось важнейшим событием в жизни Керкинитиды, коренным образом изменившим ее судьбу и прервавшим естественный ход развития полиса. К сожалению, это событие не получило никакого отражения в паративных источниках, и при освещении его мы можем руководствоваться лишь археологическими и нумизматическими данными, что само по себе предопределяет дискуссионность основных излагаемых ниже положений. Рассматриваемая проблема тем более

интересна, что она касается взаимоотношений двух различных по своему происхождению полисов — ионийского и дорийского. Как показал на большом фактологическом материале Э. Д. Фролов, каждому из них более всего соответствует одна из форм политической организации гражданского коллектива — демократия или олигархия. Отличительной чертой олигархических полисов от демократических является завоевание и покорение местного населения [Фролов, 1986, с. 98; 1988, с. 228—229]. А. Н. Щеглов, исходя из тех же соображений, выделяет две основные колонизационные модели. Причем дорийцам была свойственна военная колонизация [ДСПВГК, 1981, с. 77; Щеглов, 1986, с. 176]. Понимая неуниверсальность характера такого принципиального деления, все же можно предполагать, что эти общие тенденции могли определенным образом отразиться на реальных отношениях обоих городов.

В статье В. А. Анохина о монетах Керкинитиды совсем по-новому рассматриваются ее взаимоотношения с Херсонесом. По его мнению, Керкинитиды попала в зависимость от Херсонеса с начала IV в. до н. э. (с прекращением производства своих литых монет) и находилась в таком положении до 330 г. до н. э. [1988, с. 138—139]. Повторно и окончательно город был подчинен в начале III в. до н. э. Все выводы В. А. Анохина строит исключительно на нумизматическом материале, полностью игнорируя результаты широкомасштабных археологических исследований последних десятилетий. Неудивительно поэтому, что построенная автором схема уже сейчас противоречит ряду новых археологических данных. Прежде всего прекращение выпуска монетной серии последней четверти V в. до н. э. типа рыба — КА совсем не обязательно должно быть связано с потерей полпсом независимости, а могло определяться чисто экономическими причинами. К тому же вспомним, что представлял собой в указанное время Херсонес: поселение, лишь немногим превосходившее по своим размерам Керкинитиду.

Действительно, прочные торговые связи установились между Керкинитидой и Херсонесом с начала IV в. до н. э. и сохранялись на протяжении первой половины названного столетия, что подтверждается находками при раскопках Керкинитиды практически всех херсонесских монетных типов, начиная с самой ранней серию 390—380 гг. до н. э. Вероятно, сказанное может служить подтверждением тезиса А. Н. Щеглова [1978, с. 118] о заинтересованности Херсонеса на первых порах (при отсутствии собственной хлебной базы) в снабжении этим сельскохозяйственным продуктом.

В литературе преобладает точка зрения о мирном характере подчинения Керкинитиды Херсонесскому государству [Наливкина, 1963 а, с. 290; Дашевская, 1970, с. 127—128, прим. 54]. По мнению А. Н. Щеглова, Керкинитиды, помогавшая Херсонесу освоить этот район, была включена в его состав на правах союзного города с сохранением автономии [1978, с. 120; 1986, с. 164, 171]. Недавно к аналогичному выводу пришел Ю. Г. Виноградов, полагавший, что этот понтийский полис был поглощен через симполитию [Vinogradov, 1987, с. 33]. Главным аргументом в пользу такой реконструкции событий послужил — по мнению названных авторов — продолжающийся выпуск Керкинитидой своей полисной монеты. Однако на самом деле, как показывает реальная практика, присоединение небольших независимых полисов к более крупным политическим образованиям приводило к полному прекращению автономной чеканки и замене ее общегосударственной [Шелов-Коведяев, 1985, с. 23; Анохин, 1986 б, с. 17, 24, 31], а появление полисных монет свидетельствует о тенденции к сепаратизму. Поэтому кратковременный выпуск керкинитидской медной монеты в III в. до н. э. носит другой характер.

А. И. Тюменев связывал «овладение» Керкинитиды Херсонесом с вытеснением отсюда части местного эллинского населения [1955, с. 44, 46—47], а Ф. В. Шелов-Коведяев, исходя из традиционной дорийской модели колонизации, осуществлявшейся военным

захватом, справедливо (теоретически) допускал возможность простого (силовым путем) подчинения Херсонесом понтийской Керкинитиды [1985, с. 173—174].

В середине IV в. до н. э. происходит капитальная реконструкция всей оборонительной системы Керкинитиды в соответствии с новыми достижениями античной фортификации. Она была рассчитана на оборону города прежде всего от соседей-эллинов. В данном случае для нас наиболее важным является вопрос о том, когда были построены новые укрепления города: до присоединения к Херсонесскому государству или сразу после. Датировка фортификационных сооружений свидетельствует о том, что они возведены еще до или в самом начале освоения Херсонесом Северо-Западного побережья Крыма. Однако процесс колонизации упомянутого района совсем не обязательно должен был начинаться с подчинения единственного расположенного здесь полиса. Скорее всего, этому событию предшествовало заселение соседней пустовавшей территории, а затем и захват сначала лишь слабоукрепленных поселений. Это и могло стимулировать перестройку оборонительной системы Керкинитиды. В противном же случае Херсонес стал бы (или позволил бы самой городской общине) активно укреплять далеко не лояльно настроенный по отношению к себе полис. Реальной же скифской опасности в середине IV в. до н. э. вероятно, еще не существовало.

Во второй четверти — середине IV в. до н. э. было захвачено в бою и полностью разрушено поселение Папское I. А. Н. Щеглов связывал это с военным конфликтом, возникшим из-за территориальных владений, между Ольвией и Херсонесом [1985б, с. 187—188; 1986, с. 171; Ščeglov, 1987, с. 245—247]. Причем Керкинитиды, имевшая ранее тесные экономические и культурные связи с Ольвией, оказалась на этот раз на стороне Херсонеса. Однако трудно себе представить, чтобы Керкинитиды могла в ущерб себе выступить против родственной по происхождению Ольвии.

В связи со сказанным следует обратить внимание на два типа керкинитидских чеканных монет. Первый — с изображением на лицевой стороне крылатой Ники и на оборотной — льва, терзающего быка [Романченко, 1894, рис. 2; Sallet, 1898, с. 202; Зограф, 1951, табл. 38, 15], второй — с головой богини в башенной короне на лицевой стороне и всадника — на обратной*. Отметим разные интерпретации этого изображения: П. О. Бурачков первоначально видел в нем Тихе [1875, с. 131, № 1], позже — Артемиду [1884, с. 98, № 1]; А. Орешников — Тихе [1892, № 1—2], Д. И. Медведева — Деву [1984, с. 41—42], В. А. Анохин — Геру [1986 б, с. 493], а А. Н. Зограф вообще не атрибутировал [1951, с. 161]. Прежде всего вызывает возражение интерпретация женского изображения в башенной короне как Девы [Медведева, 1984, с. 42] — основного божества Херсонеса. Ведь монетный выпуск с этим изображением относится к автономной чеканке Керкинитиды еще до включения ее в состав Херсонесского государства. Как показывают раскопки последних лет, появление посвящений Деве в керамической эпиграфике города наблюдается лишь в конце IV в. до н. э. как результат приятия херсонесского официального пантеона и проживания здесь херсонеситов. Последнее подтверждается открытием в некрополе города известного надгробия Амбатия [IOSPE, I², 339] и другими данными.

Упомянутые монетные выпуски, по видимому, отражают два последовательных важных исторических события, пережитых Керкинитидой и получивших отражение в ее монетной чеканке: какая-то военная победа, не известная нам по письменным источникам, и вслед за тем, новая опасность, избежать которую полису удалось благодаря «чудодейственному» вмешательству

богини — покровительницы и охранительницы города. Достаточно вспомнить, что изображение головы Геры (Тихе) в башенной короне на монетах Гераклея (послуживших керкинитидским монетариям оригиналом для подражания) появилось во время внутренних смут и внешней опасности [Сапрыкин, 1986, с. 103—104] в годы тирании Клеарха, а изображение Девы в аналогичном головном уборе на херсонесских монетах известно в критический для города период — накануне походов Диофанта [Анохин, 1977, № 179—181], когда город был практически на осадном положении, а скифы то и дело нападали на него — однажды даже во время праздничного шествия в честь Диониса [IOSPE, I², 343; Латышев, 1913, с. 7].

Для полной ясности нам следует остановиться на хронологии упомянутых монетных выпусков Керкинитиды. Традиционно, вслед за А. Н. Зографом [1951, с. 161], их относят к середине IV в. до н. э. и 340—330 гг. до н. э. Недавно предложена иная их датировка, в основе которой лежит прежде всего признание непрерывности всех монетных выпусков Керкинитиды, синхронизация последней нумизматической серии города по технологическим признакам с монетами Херсонеса типа Дева и лань — бодающий бык и, наконец, распределение уже всех предыдущих эмиссий по десятилетним циклам [Анохин, 1988, с. 137—138]. В результате такого подхода все монеты распределяются В. А. Анохиным в пределах 330—290 гг. до н. э. При этом, по всей видимости, не последнюю роль здесь сыграло и то обстоятельство, что при таких расчетах начало монетной чеканки Керкинитиды совпадает по времени с падением власти олигархов в Херсонесе, определенной по нумизматическим данным. Нисколько не оспаривая правомерность сопоставления между собой монетных типов обоих городов, все же отметим, что относительная хронология монетного дела Херсонеса, основанная на построении эволюционно-типологической схемы, уже сейчас требует существенного уточнения в последовательности отдельных монетных выпус-

* В. А. Анохин сначала предложил обратную хронологическую последовательность монетных выпусков [1986, б, с. 493], а затем вновь вернулся к схеме А. Н. Зографа с той лишь разницей, что сразу за монетами с Никой поместил выпуск с изображением Геракла [1988, с. 137].

ков и в их абсолютной датировке. Трудно также согласиться с выделением для всех монетных выпусков одинакового хронологического периода. Только последняя монетная серия, состоящая из двух номиналов (скиф-коп, Артемид-лап), была выпущена в настолько большом количестве, что играла активную роль на внутреннем рынке и не является редкостью в самом Херсонесе. Крайняя малочисленность монет остальных типов свидетельствует о кратковременности их выпуска и не позволяет растягивать его на целое десятилетие.

В. А. Анохин вполне справедливо и впервые сопоставил между собой веса монет Керкинитиды следующих типов: Геракл-орел и Тихе-всадник [1988, с. 137; 1989, с. 83]. По его мнению, вторая из упомянутых монет представляла собой двойной номинал от первой. Развивая это точное наблюдение В. А. Анохина, В. Ф. Столба объединил все эти денежные знаки в одну нумизматическую серию [1989, с. 49]. Но в таком случае на большем поле крупной монеты старшего номинала смогло поместиться более полное начертание полнотного этника, то есть последнее не столько отразило относительную хронологию монетных эмиссий, сколько определилось чисто техническими возможностями резчика штемпелей. В пользу принадлежности данных монет к одной серии можно указать еще одно обстоятельство: на обоих изделиях воспроизведено (в переработанном виде) изображение, встречающееся на одном и том же гераклеиском монетном типе. Так, на аверс предполагаемого старшего номинала перенесено изображение Тихе с реверса гераклеиских монет, а на лицевую сторону младшего выпуска — голова Геракла в львиной шкуре с аверса все той же монеты упомянутого южнопонтийского центра [Wroth, 1889, Pl. XXIX, 19—20; XXX, 1—2]. Если приведенные наблюдения верны, то стройная схема последовательности монетных выпусков, предложенная В. А. Анохиным, как и вытекающая из нее хронология керкинитидских монет, полностью распадается.

И, наконец, малочисленность херсонесских монет последней трети IV—III вв. до н. э. в нашем случае не столько явилась результатом резкого сокращения их поступления на керкинитидский рынок (на чем, отчасти, базируются выводы В. А. Анохина), сколько объясняется спецификой памятника — почти полным отсутствием на исследованном участке культурных отложений соответствующего времени. К тому же, ранний, скромный по своему объему чекан Керкинитиды вряд ли мог компенсировать в обращении херсонесскую монету. Это не позволяет признать полностью аргументированной общую датировку монет Керкинитиды, предложенную В. А. Анохиным, и в целом заставляет придерживаться традиционной их хронологии, хотя последнюю монетную серию города следует относить ко времени не позднее начала III в. до н. э.

Таким образом, ранние монеты Керкинитиды отражают какие-то важные в истории Керкинитиды события. По всей видимости, в середине IV в. до н. э. мог иметь место военный конфликт, не вылившийся, тем не менее, в открытую и длительную войну между отстаивавшей свою независимость Керкинитидой и стремившимся к территориальной экспансии Херсонесом. Это событие помимо неоднократно упоминаемого нижнего горизонта городища Чайка получило отражение и на других синхронных археологических объектах. Так, на берегу Мойнакского озера, под большой эллинистической усадьбой, открыты остатки еще более ранних построек, стены которых были сложены в традиционной для Керкинитиды V в. до н. э. орфостатной строительной технике. Учитывая планметрическую схему и конструктивные особенности одного из этих строений, можно предполагать, что оно, вероятно, являлось храмом в антах V—IV вв. до н. э., расположенным на берегу лимана. Факт разрушения культового комплекса накануне последней трети IV в. до н. э. говорит сам за себя. К этому же времени относится гибель усадьбы в округе Керкинитиды [Колесников, 1985, с. 14].

Отсутствие пожарищ и других следов разрушений внутри города свидетельствует о том, что подчинение Керкинитиды Херсонесскому государству не сопровождалось ее полным или частичным разрушением в результате боевых действий (осады, штурма и т. д.) и, следовательно, коренным образом отличалось от захвата поселения Панское I. Таким образом, это присоединение произошло либо на каких-то неизвестных нам условиях и могло быть оформлено как союз, в котором Керкинитиде отводилась скромная роль, либо жители города получили право гражданства и влились в состав Херсонесской общины с последующим причислением их к отдельным филам и сотням. При знакомстве с присягой, однако, складывается впечатление о большей правомерности второго предположения, поскольку статус Керкинитиды в составе государства никак не оговорен и она дважды упоминается только в перечне вместе с Херсонесом и основанными им укреплениями [IOSPE, I², 401].

Вероятно, Херсонес и Гераклея поставили Керкинитидский полис принудительными военными и экономическими мерами в такие условия, когда какое-либо сопротивление потеряло смысл, несмотря на проведенные ранее работы по укреплению ее обороны. Достаточно вспомнить относящееся к рассматриваемому времени свидетельство Аристотеля о многочисленном флоте Гераклея [Arist., Pol., VII, 5, 6], который приобрел опыт десантирования войск и боевых действий на Крымском побережье во время войны против Боспора [Rolyen, V, 23; V, 9, 4]. Керкинитиды была вынуждена примкнуть (вопреки собственным интересам) к более сильному государству в силу неблагоприятно сложившейся для нее военно-политической ситуации и отсутствия какой-либо поддержки со стороны. Возможность насильственного подчинения Херсонесу Керкинитиды не исключал и А. Н. Щеглов [1986, с. 172].

Вместе с тем нет необходимости уходить от фактов, не совсем согласующихся с предлагаемой выше схемой развития межполисных отношений в Западной Таврике. Как известно, один из мо-

нетных типов Керкинитиды с военной символикой — голова богини в башенной короне — имеет прямое сходство с серебряными монетами Ампса [Head, 1911, с. 279] и Гераклея Понтийской [Орешников, 1892, с. 7]. Детальное сравнение чеканок всех трех причерноморских городов с полной очевидностью свидетельствует о том, что керкинитидский мастер, вырезавший штемпель, творчески переработал сюжеты обоих южнопонтийских центров [Wroth, 1899, II, 11—12; XXIX, 19—20]. При внимательном изучении изображения Тихе на монетах Керкинитиды [Орешников, 1892, табл. 1, 1] и на гераклеяских знаках [Wroth, 1889, XXIX, 20] трудно отделаться от впечатления, что профиль богини на обоих предметах абсолютно одинаков: идентичны обозначения глаз, надбровных дуг, век, уст и овала лица; в обоих случаях один и тот же улыбчивый, можно даже сказать лукавый, взгляд молодой женщины. Сходство мимики иногда кажется столь близким, что можно признать высокое профессиональное мастерство керкинитидского мастера, сумевшего уловить и воспроизвести художественный стиль оригинала. К сожалению, все монеты Керкинитиды не очень хорошей сохранности и в отличие от гераклеяских — бронзовые.

В нумизматической литературе высказывалось мнение об изготовлении одного типа монет Атея в Гераклее [Анохин, 1965, с. 12, 15; 1973, с. 36—37]. Нет сомнений в том, что штемпель для монет Атея и Гераклея был вырезан одним мастером. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, выходящего за рамки нашей работы, обратим внимание читателей на тот факт, что оригиналом для подражания монетам Атея и Керкинитиды послужили разные стороны одного и того же монетного типа Гераклея. В данном же случае нас интересует вопрос: насколько «гераклеяская» эмблематика на монетах Керкинитиды совместима с антихерсонесской направленностью их военной символики.

Займствование некоторыми северопричерноморскими городами сюжетов

из гераклеийской чеканки, по мнению некоторых исследователей, отражает если не союзные, то хотя бы дружественные отношения между ними [Minns, 1913, с. 519; Максимова, 1956, с. 164; Сапрыкин, 1986, с. 82]. Как известно, В. А. Анохин предполагает участие Гераклея в освобождении Керкинитиды от олигархического Херсонеса [1989, с. 85], то есть выступление метрополи против своей колонии. Вместе с тем, как считает С. Ю. Сапрыкин, именно благодаря Гераклею Херсонес смог приступить к активному освоению Северо-Западного Крыма [1986, с. 96].

К сожалению, политическая история трехсторонних отношений не получила никакого отражения в письменных источниках. Конечно, острая внутриполитическая борьба в дорийских центрах (установление тирании в Гераклею, борьба между олигархами и демократами в Херсонесе) и связанная с тем эмиграция части населения из одного пункта в другой не могли не влиять на межгосударственные отношения. Как же складывалась реальная обстановка здесь, мы можем лишь судить на основании археологических наблюдений, малоинформативных в данном конкретном случае.

Нет сомнений в том, что Керкинитида (как бы не происходило ее подчинение) была только одним звеном в колонизационной политике Херсонеса. В последнее время стала появляться информация, позволяющая распространить Херсонесскую хору не до Бакальской косы, а до северного побережья Перекопского залива, где были открыты два античных поселения IV—II вв. до н. э. с преобладанием на них херсонесского керамического импорта [Буйских, 1986, с. 24]. С. Ю. Сапрыкин относил подчинение города (на основании анализа монет) к 50-годам IV в. до н. э. [1980, с. 56—57; 1986, с. 97]. Совсем недавно, исходя из новых археологических данных, А. Н. Щеглов пришел к выводу, что указанное событие могло произойти во второй четверти — середине IV в. до н. э. [1986, с. 169; Ščeglov, 1987, с. 246—247]. В тот период Керкинитида представляла собой достаточно мощное укрепление. В подобных ус-

ловнях освоение побережья Херсонеса мог начать с хотя и более отдаленной, но зато менее укрепленной или вообще незащищенной территории, а также пространственной изоляции хоры Керкинитидского полиса. Отсюда напрашивается вывод о том, что Керкинитида могла войти в состав дорийского государства после середины IV в. до н. э. — в третьей четверти столетия.

На протяжении более чем 150-летнего самостоятельного существования Керкинитиды она динамично развивалась: дважды расширялась территория города и столько же раз перестраивались оборонительные сооружения и жилищная застройка, активно осваивалась прилегающая к городу округа, велся морской промысел, были установлены, как свидетельствует импортная столовая посуда и керамическая тара, стабильные экономические связи с Эгейским бассейном (Аттикой, Хиосом, Фасосом, Лесбосом, Мелдой, Ионией). Все это результат экономического процветания и благополучия полиса.

Второй период — присоединение Керкинитиды к Херсонесскому государству — был отмечен прекращением собственной монетной чеканки полиса. Последующие мероприятия Херсонеса привели к полному подчинению Керкинитиды, потере ею не только политической, но и экономической самостоятельности. Так, жители города были вынуждены свозить и продавать только в Херсонесе основной источник своего сельскохозяйственного производства — зерно, не сохраняя за собой даже права самостоятельной коммерческой деятельности. Кроме того, внутренний рынок был заполнен херсонесскими монетными сериями и керамическим импортом (тарой, кровельной черепицей, столовой посудой и т. д.). Керкинитида стала вторым по значению и третьим по площади (после так называемого Страбона Херсонеса) — городом в государстве [Стрежелецкий, 1959, с. 72].

Все сказанное могло способствовать появлению в городе полисной оппозиции, которая однажды, судя по выпуску в III в. до н. э. новой монетной серии из двух номиналов, добилась кратковременной независимости Керкинитиды.

ды. Прямой намек на это присутствует в присяге херсонеситов, где гражданам вменялось в обязанность быть врагом каждому «склоняющему к отпадению от Херсонеса Керкинитиду, Прекрасную гавань, укрепления и земли херсонеситов» (перевод В. В. Латышева) [IOSPE, I², 401]. Если подобное событие имело место, то должно было произойти в первой четверти III в. до н. э., до составления текста новой присяги Херсонеса, где Керкинитиды названы во втором месте после колонии гераклеот. Присягу В. В. Латышев, а вслед за ним и С. А. Жебелев относили к рубежу IV—III вв. до н. э. [Латышев, 1909, с. 116; Жебелев, 1963, с. 219]. Е. И. Леви более конкретно — к 281—280 гг. до н. э. [1947, с. 99]. Оппозицией, видимо, был использован удобный момент: острая внутривосточная борьба в городе [Соломоник, 1984, с. 77—79—80] совпала с обострением внешнеполитической ситуации в связи с вторжением в Причерноморье сарматов и последующей возросшей активностью скифов в Крыму — именно в это время были разорены аграрные памятники в округе Калос-Лимена и вблизи Ярылгачской бухты, усадьба у бухты Большой Каstell [Висотська, 1975, с. 74; Щеглов, 1978, с. 128; 1985 а, с. 5; 1985 б, с. 192—193; 1988, с. 273; Ščeglov, 1987, с. 250], сельские усадьбы у Евпаторийского маяка [Колесников, 1984, с. 85], повторно сожжено поселение Чайка [Яценко, 1983, с. 198, 200]. Напомним, что два последних пункта находились вблизи Керкинитиды (6—7 км) и непосредственно соперничали с этим городом. Не связана ли их гибель не только с нападением варваров, но также и тех эллинов (керкинитидов?), которым херсонеситы клялись не передавать своих владений? Подобные выводы близки предположениям А. И. Тюменева, особенно в той части, где он предлагает видеть в этих эллинах вытесненных из Керкинитиды граждан [1955, с. 46—47].

Чрезвычайная ситуация, в которой оказался Херсонес накануне составления присяги, напоминает положение в Эпидамне перед Пелопонесской войной — там изгнанные из города аристо-

краты в союзе с соседними варварами стали грабить граждан [Thuc., I, 24, 5]. Аналогичная обстановка сложилась в Керкире, где изгнанники-олигархи захватили укрепления и земли полиса на материке, опустошали оттуда сам остров, из-за чего в городе возник сильный голод [Thuc., III, 85, 2]. Гибель в первой четверти III в. до н. э. практически всех сельских поселений Северо-Западного Крыма — основного хлебного района государства — создала в Херсонесе критическую обстановку со снабжением продовольствием. Отсюда и появление в присяге требования свозить весь хлеб с равнины в Херсонес.

В дальнейшем произошло сближение обоих городов. Этому способствовало возрастание угрожавшей им активности скифов в Западном Крыму. Указанное обстоятельство могло привести и к постепенному утиханию полисной оппозиции в Керкинитиде.

В связи с присоединением Керкинитиды к Херсонесскому государству в составе населения понтийского города появились новые переселенцы, о чем может свидетельствовать погребальный обряд некрополя [Щеглов, 1976, с. 84—85; 1978, с. 46], упоминавшееся ранее надгробие Амбатии [IOSPE, I², 339], посвящение покровительнице Херсонесской общины Деве. Однако непонятно, каким образом разместились переселенцы внутри плотно застроенного города. Во всяком случае, следы перераспределения жилой застройки пока не отмечены.

В конце III в. до н. э. была проведена капитальная реконструкция всей оборонительной системы города за счет усиления дополнительными поясами наиболее уязвимых участков крепостных стен. Столь трудоемкие инженерно-фортификационные работы были чрезвычайной мерой, вызванной резким обострением скифо-херсонесских отношений, возможно, даже военных действий вблизи города. Подобные работы проводились централизованно в рамках всего Херсонесского государства и коснулись многих укреплений Северо-Западного Крыма. По мнению Л. А. Монсеева, утолщение стен Керкинитиды было произведено скифами за счет сокращения

их протяженности [1918, с. 258]. Данное предположение не соответствует действительности.

Показателен и тот факт, что за все время с последней четверти IV в. до н. э. и по вторую половину II в. до н. э. не происходило дальнейшего пространственного развития Керкинитиды и не производилась капитальная перестройка жилых комплексов.

Детальное изучение стратиграфии памятника убеждает в том, что Керкинитиды была оставлена жителями не в результате ее военного захвата, а заранее [Кутайсов, 1988 а, с. 12—13]. Значит, население города должно было заранее разместиться в другом месте, по всей видимости, в Херсонесе. Поскольку разорению подверглась вся хора полиса, процесс миграции населения из херсонесской периферии в столицу приобрел еще большие масштабы. Напомним также: Калос-Лимен был осажден во время войн Днофанта херсонесским отрядом [IOSPE, I², 453], состоящим, вероятно, из его бывших жителей. Невольно напрашивается вопрос, где же разместились эти переселенцы в условиях плотно застроенного города. Это неминуемо должно было привести к расширению территории Херсонеса. В настоящее время отмечено пространственное развитие Херсонеса в юго-восточной части городища — башни Зенопа [Стрежелецкий, 1969, с. 16—17; АГСП, 1984, табл. XVII]. Однако площадь этой территории («пятачки») настолько незначительна, что здесь вряд ли удалось бы разместить всех беженцев. Другим более кардинальным выходом из сложившегося положения было бы перераспределение внутригородской территории Херсонеса. Определенная информация по этому вопросу пока отсутствует, кроме факта перестройки жилых кварталов северного прибрежного района Херсонеса [Белов, 1950, с. 120; 1955, с. 267]. Аналогичный и к тому же синхронный процесс расширения территории города за счет притока населения из аграрной периферии отмечен и для столицы Боспорского царства — Пантыкаея [Блаватский, 1964, с. 116—118].

Третий (скифский) период — наиме-

нее длительный — связан с полным разрушением греческого города. Произошла резкая смена населения, его культуры и быта. В руках скифов оказались лишь руины некогда процветавшего города. Свое же поселение они не успели обнести оборонительной стеной. Более того, скифы не только не восстановили, а наоборот, выбрали вплоть до основания, заглубленного в землю, кладки фортификационных сооружений, камень из которых использовали только в своих наземных жилых постройках. Складывается впечатление, что город был захвачен (или оставлен жителями?) и стал застраиваться скифами в ходе военных действий, протекавших с переменным успехом. Поэтому новые обитатели Керкинитиды активно разбирали укрепления города — отчасти и для того, чтобы ими не могли вновь воспользоваться эллины.

В данной связи становится понятным, почему столь скромное место занимает возвращение Керкинитиды в военных заслугах Днофанта. В известном херсонесском декрете в честь митридатского полководца упоминается об этом событии вскользь и лишь в связи с захватом ряда не названных населенных пунктов Херсонесской хоры. Слабостью обороны скифской Керкинитиды объяснял быстрый успех Днофанта и Е. А. Молев [1976, с. 34—35]. Совсем другое дело — захват скифского укрепления, возникшего на месте Калос-Лимена и потребовавшего длительной осады, выполненной херсонесским отрядом, что получило отражение в отдельном декрете [IOSPE, I², 353]. Факт осады говорит о существовании у противника достаточно прочной оборонительной системы.

События того времени могли развиваться следующим образом: при приближении понтийских войск к городу во время второго похода Днофанта поздней осенью ее новые обитатели покинули свой неукрепленный поселок, забрав с собой все необходимое. Они больше не вернулись обратно. Некоторое время их примитивные строения возвышались над землей, пока не рухнули и не были затянуты песком и другими золовыми наносами.

Практически понтийскими войсками был отвоеван не город, а лишь то место, на котором он когда-то находился. Никаких следов восстановления Керкинитиды после похода Диофанта не обнаружено.

Керкинитида продолжает упоминаться в римских периплах Арриана и анонимного автора [Arr., P. Pont.; 30; Anonym., P. Pont., 83(57)], что может служить признаком продолжающегося использования Евпаторийской бухты при каботажном плавании. В состав римских войск в Херсонесе, как известно, входили корабли Мезийского Флавиева флота, которые для охраны города с моря [Соломоник, 1983, с. 17, 35—36], вероятно, курсировали вдоль всего Западного побережья Таврики и, следовательно, могли нередко заходить для временной стоянки в гавань Керкинитиды. Это заставляет догадываться о существовании — для обеспечения постоянного плавания — хорошо продуманной системы маяков и других навигационных знаков, которые еще предстоит открыть. На территории бывшего города Керкинитида могло возникнуть небольшое поселение (сезонный рыболовецко-промысловый пункт или якорная стоянка), но реальных остатков его пока не обнаружено. Последнее, возможно, является результатом того, что это поселение топографически размещалось не поверх руин древнего города, а в другом месте — на побережье Евпаторийской бухты. Предположение же о расквартировании в городе римских войск не подкрепляется археологическими материалами [Белов, 1948, с. 110; Наливкина, 1963, с. 58].

Никаких признаков обитания на месте Керкинитиды в последующее время нет, за исключением заполнения сред-

невековой ямы материалами IX—X вв. н. э. Следует, однако, вспомнить сообщение Константина Багрянородного (X в. н. э.) о том, что между Днепром и Херсонесом, вероятно, где-то в районе Евпатории (?), «есть озера и лиманы, в которых херсонеситы добывают соль» [Константин Багрянородный, 1982, с. 301*].

Вместе с тем из Повести временных лет известно, что в это время жители Корсуля занимались ловлей рыбы в устье Днепра [Повесть, 1950, с. 37], а расстояние от своего города до этой реки, согласно Идрии, они преодолевали за один день плавания [Рыбаков, 1952, с. 18]. Средневековый промысел рыбы, по всей видимости, имел место у побережья Тарханкутского полуострова. Для безопасности каботажного плавания вокруг него на мысе у современного с. Окуновка был сооружен маяк IX—X вв. н. э. [Щеглов, 1970, с. 259]. В свете сказанного несомненно также использование в средневековое время и Евпаторийской бухты, удобной для стоянки небольших рыболовецких судов, это подтверждается находками соответствующего керамического боя (выброса с кораблей), постоянно встречаемого во время работ по углублению Евпаторийского морского порта. О существовании же Керкинитиды в I тыс. нашей эры как города нет никаких данных. Руины Керкинитиды были настолько плотно затянuty супесью эолового происхождения, что реальные остатки античного памятника долгое время не были открыты, несмотря на самые тщательные поиски.

---

* Соляные озера Керкепит упоминаются в послании XV в. последнего консула Каффы [Колли, 1918, с. 156].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже в настоящее время на первом этапе систематического исследования Керкинитиды достаточно рельефно обозначились основные этапы формирования и трансформации этого периферийного полиса в зависимости от тех конкретно-исторических условий, которые складывались в Западном Крыму в V—II вв. до н. э.

В истории греческой колонизации этого района выделяются два основных периода, для каждого из которых характерен определенный состав переселенцев. Причем процесс освоения Северо-Западного Крыма ионийскими колонистами шел с севера по направлению каботажного раннего мореплавания в Причерноморье, дорийскими переселенцами — с противоположной стороны: из Херсонеса и Гераклеи и, вероятно, уже связан с освоением кратчайшего пути через Понт.

Анализ археологических и эпиграфических источников не оставляет сомнения в том, что Керкинитиды являлась ионийской колонией, выведенной во время второй колонизационной волны в Причерноморье еще в третьей четверти VI в. до н. э. Синхронные ей памятники первоначальной колонизации пока не обнаружены. Только в первой четверти IV в. до н. э. здесь появились новые греческие пункты. Таким образом, долгое время Керкинитиды являлась единственным полисом в Западном Крыму, а греческие поселения до середины IV в. до н. э. были, по существу, отдельными вкраплениями на зна-

чительном пространстве побережья западной части полуострова, практически оставшегося незаселенным.

Дальнейшее изучение полиса не может ограничиваться городищем, а должно развиваться параллельно в нескольких направлениях. Для этого необходимо: 1) расширение исследования внутригородской территории и фортификационных сооружений с целью составления нескольких планов Керкинитиды (на различных этапах существования полиса) с выделением на них общественных и культовых центров; 2) продолжение археологических раскопок некрополя для установления его исторической и этносоциальной топографии, выяснения характера погребального обряда и погребальных сооружений, уточнения его местоположения по отношению к крепостным стенам, к исторически сложившемуся ландшафту, дорогам и т. д.; 3) археологическое изучение сельскохозяйственной округи Керкинитиды как экономической основы полиса.

Только при комплексной разработке этих взаимосвязанных направлений возможно объективное моделирование социально-экономических процессов, протекавших в Керкинитиде в различные исторические периоды ее существования. Учитывая современную чрезвычайно динамичную градостроительную ситуацию в Евпатории, где названные археологические объекты перекрыты постройками современного города, такую работу следует интенсифицировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анозин В. А.* Монеты скифского царя Атея // ИС.— 1965.— № 2.— С. 3—16.
- Анозин В. А.* Монеты Атея // Скифские древности.— Киев, 1973.— С. 20—41.
- Анозин В. А.* Монетное дело Херсонеса.— Киев: Наук. думка, 1977.— 176 с.
- Анозин В. А.* Керкиптитида. Калос-Лимен // Археология УССР: В 3 т.— Киев, 1986 а.— Т. 2.— 353—355.
- Анозин В. А.* Торговля и денежное обращение // Там же.— 1986 б.— С. 487—498.
- Анозин В. А.* Монетное дело Боспора.— Киев: Наук. думка, 1986 в.— 183 с.
- Анозин В. А.* Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа.— Киев, 1986.— С. 68—89.
- Анозин В. А.* Монетное дело и денежное обращение Керкиптитиды: По материалам раскопок 1980—1982 гг. // Античные древности Северного Причерноморья.— Киев, 1988.— С. 133—148.
- Анозин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1989.— 128 с.
- Анозин В. В.* К хронологии строительных остатков западного района Керкиптитиды // ПНАСХ.— 1988.— С. 3—5.
- Античные государства Северного Причерноморья* // Археология СССР.— М.: Наука, 1984.— 392 с.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Пвашуто Л. П. и др.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ.— 1971.— № 7.— С. 81—101.
- Аркас Э.* Сравнительная таблица эллинских поселений по Евкспскому Понту // ЗООИД.— 1852.— Т. 3.— С. 144—150.
- Артамонов М. И.* Этнография Скифии // Уч. зап. ЛГУ: Ист. науки.— 1949.— Вып. 13.— № 85.— С. 129—174.
- Анучин Д.* Шестой археологический съезд // Вестн. Европы.— 1984.— № 12.— С. 824—825.
- Бадальянц Ю. С.* Хронологическое соответствие имен эллинов и фабрикантов на амфорах Родоса // СА.— 1976.— № 4.— С. 32—41.
- Бадальянц Ю. С.* Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм // НЭ.— 1980.— Т. 13.— С. 3—12.
- Байер Ф. З.* О местоположении Скифии каково было в лета Геродотовы // Краткие описания Комментариев Академии наук.— СПб., 1728.— Ч. 1 (1726).— С. 139—166.
- Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг.— Севастополь: Изд-во Крым. АССР, 1938.— 351 с.
- Белов Г. Д.* Херсонес Таврический: Ист.-археолог. очерк.— Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.— 147 с.
- Белов Г. Д.* Античный дом в Херсонесе (По раскопкам 1947—1948 гг.) // ВДИ.— 1950.— № 2.— С. 108—126.
- Белов Г. Д.* Северный прибрежный район Херсонеса // МИА.— 1953.— № 34.— С. 11—31.
- Белов Г. Д.* Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (раскопки 1948 г.) // МИА.— 1953 б.— № 34.— С. 237—254.
- Белов Г. Д., Стрежелецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА.— 1953.— № 34.— С. 32—105.
- Белов Г. Д.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. // СА.— 1955.— № 24.— С. 257—281.
- Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе // ВДИ.— 1956.— № 3.— С. 141—151.
- Белов Г. Д.* Раскопки Херсонеса в 1955 г. // КСИА АН УССР.— 1957.— № 7.— С. 86—88.
- Белов Г. Д.* Амфоры из некрополя Херсонеса (V—IV вв. до н. э.) // История и культура античного мира.— М., 1977.— С. 17—23.
- Бертье-Делагард А. Л.* Поправки Общего каталога монет П. О. Бурачкова.— М., 1907.— 36 с.
- Бертье-Делагард А. Л.* Монетные повости городов Тавриды // ЗООИД.— 1912.— Т. 30.— С. 39—54.
- Бертье-Делагард А. Л.* Исследование пекоторых педоуменных вопросов средневековья в Таврике // ИТУАК.— 1920.— № 57.— С. 1—135.
- Блаватский В. Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи.— М.: Изд-во ГМИИ.— 1947.— 119 с.
- Блаватский В. Д.* Рец.: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический // ВДИ.— 1949.— № 3.— С. 145—148.
- Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.— М.: Изд-во АН СССР.— 1953.— 208 с.
- Блаватский В. Д.* Архачный Боспор // МИА.— 1954.— № 33.— С. 7—44.
- Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСПАЭ.— 1959.— С. 7—39.
- Блаватский В. Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора.— М.: Наука, 1964.— 232 с.

Богуш-Сестренцевич С. История царства Херсонеса Таврического.— СПб., 1806.— Т. 1.— 444 с.

Брашинский И. Б. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э. // Античный город.— М.: Изд-во АН СССР.— 1963 а.— С. 132—145.

Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э.— М.: Изд-во АН СССР.— 1963 б.— С. 176 с.

Брашинский И. Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ.— 1970.— № 2.— С. 129—138.

Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону.— Л.: Наука, 1980.— 268 с.

Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли.— Л.: Наука, 1984.— 248 с.

Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // ПГКСВП.— 1979.— С. 29—46.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений.— СПб., 1899.— Вып. 1.— 396 с.

Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии.— СПб., 1872.— Вып. 2.— 126 с.

Брун Ф. К. Черноморье: Сб. исследований по ист. географии Южной России.— Одесса: Типография Г. Ульриха.— Ч. 2.— 409 с.

Буйский С. Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI—II вв. до н. э.) // Ольвия и ее округа.— Киев, 1986.— С. 17—29.

Бурачков П. О. О местоположении древнего г. Каркинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД.— 1875.— Т. 9.— С. 1—133.

Бурачков П. О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войны Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД.— 1881.— Т. 12.— С. 222—248.

Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России.— Одесса, 1884.— 289 с.

Бурачков П. О. Объяснения к археологической карте Новороссийских губерний и Крыма // Древности: Тр. Моск. археолог. об-ва.— 1888.— Т. 12.— С. 7—17.

Вайтштейн С. И. Проблемы истории жилищ степных кочевников Евразии // СЭ.— 1976.— № 4.— С. 42—62.

Вазгина М. Ю., Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А., Рогов Е. А. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // ПГКСВП.— 1979.— С. 75—81.

Вазгина М. Ю. Исследования раннего Порфмья (по материалам раскопок 1986—1987 гг.) // ПАК.— 1988.— С. 197—198.

Винников А. Э. Жилые и хозяйственные постройки маяцкого городища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище.— М., 1984.— С. 95—138.

Виноградов Ю. А. Гайдукевич В. Ф. и исследования Мирмекия // В. Ф. Гайдукевич:

Античные города Боспора: Мирмекий.— Л., 1987.— С. 172—179.

Виноградов Ю. Г. Прохус Минниды из Паптикапея // ВДИ.— 1974.— № 4.— С. 56—57.

Виноградов Ю. Г. Милет и Ольвия // ПГКСВП.— 1979.— С. 47—52.

Виноградов Ю. Г. Синоп и Ольвия в V в. до н. э. (Проблемы политического устройства) // ВДИ.— 1981.— № 3.— С. 49—75.

Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция: Проблемы развития полиса.— М., 1983.— Т. 1.— С. 366—420.

Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвии в V в. до н. э. // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. симпозиума.— Парутинно, 1985.— С. 13—14.

Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Паптикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ.— 1987.— № 1.— С. 255—279.

Внуков С. Ю. Светлоглинные амфоры городища Чайка близ Евпатории // ВМУ.— Сер. 8: История.— 1984 а.— № 6.— С. 45—60.

Внуков С. Ю. Скифские слои городища Чайка (Опыт статистической обработки) // СА.— 1984 б.— № 2.— С. 54—69.

Висотська Т. М. Давньогрецьке поселення хорп Херсонеса // Археологія.— 1975.— № 15.— С. 71—75.

Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов.— Киев: Наук. думка, 1979.— 208 с.

Высотская Т. Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры.— Киев., 1983.— С. 5—28.

Гайдукевич В. Ф.— Реп.: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. // ВДИ.— 1949 а.— № 3.— С. 140—144.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.— М.: Л.: Изд-во АН СССР.— 1949 б.— 624 с.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритики в 1935—1940 гг. // МИА.— 1952 а.— № 25.— С. 15—134.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. // МИА.— 1952 б.— № 25.— С. 135—220.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритики и Мирмекия // КСИИМК.— 1952 в.— № 45.— С. 97—113.

Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА АН СССР.— 1969.— № 116.— С. 11—19.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратоновского.— Л.: Наука, 1972.— 600 с.

Гилевич А. М. Античные пригородные монеты из раскопок Херсонеса // НиС.— 1968.— № 3.— С. 3—61.

Гилевич А. М. Кучук-Мойпакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. // ИЭ.— 1970.— Т. 8.— С. 3—16.

Голенцов А. С., Голенко В. К. Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА АН СССР.— 1979.— № 159.— С. 74—84.

Голенцов А. С. К вопросу о существовании догреческого поселения на территории Кер-

кипнитиды // ДСППВГК.— 1981.— С. 227—232.

Голенцов А. С., Дашевская О. Д. Надгробие воина с херсонесской хоры // ВДИ.— 1981.— № 2.— С. 109—114.

Голенцов А. С. Граффити из Керкипнитиды // КСИА АН СССР.— 1983.— № 174.— С. 56—62.

Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства.— Л.: Изд-во Брокгауз — Ефрон, 1925.— Ч. 1.— 271 с.

Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астипомов.— М.: Изд-во РАНИОН, 1928.— 223 с.

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ.— 1939.— № 3.— С. 231—312.

Граков Б. Н. Скифы.— М.: Изд-во МГУ, 1971.— 170 с.

Грандмезон Н. Н. Рец.: В. А. Апохип. Моетное дело Херсонеса. Киев, 1977 // ВДИ.— 1983.— № 2.— С. 167—169.

Грандмезон Н. Н. 100 лет «Общему каталогу моет» П. О. Бурачкова // СА.— 1984.— № 2.— С. 273—274.

Гриневич К. Э. Городище «Прекрасная гавань» в свете новейших данных // ВДИ.— 1949.— № 1.— С. 155—161.

Гриневич К. Э. К вопросу об экономике архаической Ольвии // Античный город.— М.: Изд-во АН СССР.— 1963.— С. 51—54.

Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА.— 1962.— № 1.— С. 173—194.

Дашевская О. Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА.— 1963.— № 4.— С. 205—210.

Дашевская О. Д. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961—1963 гг. // КСИА АН СССР.— 1965.— № 103.— С. 148—152.

Дашевская О. Д., Щелов А. И. Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА.— 1965.— № 2.— С. 246—255.

Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Дондузлавского городища в 1963—1965 гг. // КСИА АН СССР.— 1967.— № 109.— С. 65—72.

Дашевская О. Д. О происхождении названия города Керкипнитиды // ВДИ.— 1970.— № 2.— С. 121—128.

Дашевская О. Д. О скифских курильнях // СА.— 1980.— № 1.— С. 29.

Дашевская О. Д. О скифах Северо-Западного Крыма в период греческой колонизации // ДСППВГК.— 1981.— С. 218—227.

Дашевская О. Д., Голенцов А. С. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА АН СССР.— 1982.— № 170.— С. 90—96.

Дзенис-Литовский А. И. Геологический возраст допных солевых отложений минеральных озер // Природа.— 1936.— № 12.— С. 42—57.

Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К. Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. (Березаны, Ольвия, Ольвийская округа) // Проблемы археологии.— 1978.— Вып. 2.— С. 72—79.

Доманский Я. В. Работы Березанской экспедиции // АО 1983 г.— М., 1985.— С. 272—273.

Домбровский О. И. О дополнительном исследовании Херсонесской эллинистической мозаики: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии».— Харьков, 1980.— С. 11—12.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота.— М.: Наука, 1982.— 456 с.

Драчук В. С., Кутайсов В. А. Раскопки Керкипнитиды в 1980 г. // Тез. докл. пленар. засед. Всесоюз. археолог. конф., посвящ. новейшим открытиям в области археол. и 100-летию V археолог. съезда.— Тбилиси, 1981.— С. 37—38.

Драчук В. С., Кутайсов В. А. Исследование Евпаторийского городища // АО 1980 г.— М., 1981.— С. 246.

Драчук В. С., Кутайсов В. А. Раскопки Керкипнитиды // АО 1981 г.— М., 1983.— С. 258.

Драчук В. С., Кутайсов В. А. Керкипнитиды в эллинистический период // ПЭЭ.— С. 28—30.

Драчук В. С., Кутайсов В. А. Исследования Керкипнитиды // Concilium Eirene.— 1983.— № 2.— С. 109—114.

Драчук В. С., Кутайсов В. А. Исследование Керкипнитиды // АО 1982 г.— М., 1984.— С. 258—259.

Драчук В. С. Исследование античной Керкипнитиды // АО 1983 г.— М., 1985.— С. 273—274.

Драчук В. С., Кутайсов В. А. Исследование Керкипнитиды // ВДИ.— 1985.— № 1.— С. 82—87.

Думшин Г. О реках Скифии по Геродоту // Тр. студентов Риншельевского лицея.— Одесса, 1852.— 72 с.

Дьяков В. Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ.— 1939.— № 3.— С. 72—86.

Евтюзова Л. А. Кыргызские поселения у с. Малые Копелы // КСИИМК.— 1947.— № 16.— С. 158—164.

Зедгенидзе А. А. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА АН СССР.— 1978.— № 156.— С. 69—78.

Зедгенидзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА АН СССР.— 1979.— № 159.— С. 26—34.

Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический и классический период: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1983.— 26 с.

Зевст Н. Б. Керамическая тара Боспора // МИА.— 1960.— № 83.— 180 с.

Зограф А. И. Античные монеты // МИА.— 1951.— № 16.— 264 с.

Золотарев М. И. О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов // ВДИ.— 1981.— № 1.— С. 144—150.

Золотарев М. И. Херсонес и Ольвия в конце VI—II вв. до н. э. (Проблемы взаимоотношений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1986 а.— 17 с.

Золотарев М. И. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО 1984 г.— М., 1986 б.— С. 235—236.

Золотарев М. И. Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI—V вв. до н. э. // ВДИ.— 1986 в.— № 2.— С. 88—93.

Золотарев М. И. Северо-восточный район

Херсонеса в античное время (По материалам раскопок 1976—1986 гг.) // ИИАСХ, 1988 а.— С. 50—52.

Золотарев М. И. Межполисные отношения в Северном Причерноморье в конце V — первой половине IV вв. до н. э. Херсонес, Боспор и Ольвия // ПАК.— 1988 б.— С. 291—292.

Зубарь В. М. Некрополи хоры Херсонеса // Археология Украинской ССР.— 1986.— Т. 2.— С. 361—364.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье.— М.: Л.: Изд-во АН УССР, 1953.— 388 с.

Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1953.— 192 с.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947.— 92 с.

Казманова Н. Л. Введение в античную нумизматику.— М.: Изд-во МГУ, 1969.— 302 с.

Калустов Д. П. Северное Причерноморье // Древняя Греция.— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— С. 358—390.

Карасев А. Н. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории // КСИА АН СССР.— 1963.— № 95.— С. 33—42.

Карасев А. Н. Раскопки городища у сапатория Чайка близ Евпатории в 1963 г. // КСИА АН СССР.— 1965.— № 103.— С. 131—139.

Карасев А. Н. Раскопки у сапатория Чайка в Евпатории // АО 1965 г.— М., 1966.— С. 115—116.

Карасев А. Н. Раскопки городища Чайка в Евпатории // АО 1966 г.— М., 1967.— С. 215—218.

Карышковский П. О. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты» // ВДИ.— 1953.— № 1.— С. 105—111.

Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз // МАПН.— 1960.— Вып. 3.— С. 57—100.

Карышковский П. О. Ольвия и Херсонес по пумизматическим данным // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея за 1963 г.— Одесса, 1965.— С. 156—167.

Карышковский П. О., Клейман И. В. Древний город Тира: Ист. археол. очерк.— Киев: Наук. думка, 1985.— 160 с.

Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмня в 1968 г. // КСИА АН СССР.— 1972.— № 130.— С. 77—82.

Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмня // Археол. исследования на Украине в 1968 г.— 1971.— Вып. 3.— С. 187—191.

Кац В. И. Экономические связи позднелатинского Херсонеса (по данным амфорных клейм) // Античный мир и археология.— 1979.— Вып. 4.— С. 176—191.

Кене Б. Музей покойного князя В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России.— СПб., 1856.— Т. 1.— 457 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА.— 1949.— № 9.— 364 с.

Клейн Л. С. Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным // АСГЭ.— 1961.— № 2.— С. 45—56.

Козлов В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму. 1917—1928 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1984.— 25 с.

Козловская В. И. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии.— М.: Изд-во Моск. педин-та.— 1984.— 108 с.

Кобылина М. М. Милет.— М.: Наука, 1965.— 202 с.

Колесников А. Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // ВМУ.— 1984.— № 4.— С. 76—86.

Колесников А. Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ.— 1985 а.— № 2.— С. 67—93.

Колесников А. Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1985.— 24 с.

Колли Л. П. Падение Каффы // ИТУАК.— 1918.— № 55.— С. 145—174.

Коляков С. М. Амфоры городища Чайка // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории.— М., 1975.— С. 237—260.

Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма.— СПб., 1875.— Т. 14.— 145 с.

Кондараки В. Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму.— М., 1885.— 160 с.

Кондураки Э. Эллинистический период (VI—I вв. до н. э.) в Добрудже в свете археологических раскопок в Истрии // Dacia.— 1959.— № 3.— С. 217—239.

Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие эллинистического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.— М.: Наука, 1982.— С. 267—334.

Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архангелской Ольвии // ХКААМ.— М., 1976.— С. 131—142.

Копейкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колониационного процесса // ПГКСВН.— 1979.— С. 106—113.

Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии.— Киев: Комиссия для разбора древних актов.— 1899.— Вып. 1.— 15 с., XXXII карты; 1910.— Вып. 2.— 31 с., XIV карт.

Косцюшко-Валюжинич К. К. О результатах, достигнутых археологическими разведками в Херсонесе и его окрестностях // Отдельный оттиск из Крымского Вестника.— 1891.— № 91—92.— 42 с.

Кошеленко Г. А. Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) // ВДИ.— 1975.— № 1.— С. 3—26.

Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом востоке.— М.: Наука, 1979.— 296 с.

Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция: становление и развитие полиса.— М., 1983.— Т. 1.— С. 9—36.

Кречетов П. П. О реке Гипакриде и местоположении города Каркинитиса // ЗООИД.— 1889.— Т. 15.— С. 472—480.

Кругликова И. Т. Земельные паделы херсонеситов на Гераклеийском полуострове // КСИА АН СССР.— 1981.— № 168.— С. 9—16.

Крыжицкий С. Д. Архитектура эллинистических жилых домов в Ольвии // *Dacia*.— 1969 а.— Т. 13.— С. 101—125.

Крыжицкий С. Д. Еллиністичні житлові будинки Ольвії // *Археологія*.— 1969 б.— Т. 22.— С. 90—119.

Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э.— Киев: Наук. думка, 1971.— 144 с.

Крыжицкий С. Д. Древнейшие слои жилых кварталов Ольвии // *Проблемы античной истории и культуры*.— Ереван, 1979.— С. 329—334.

Крыжицкий С. Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // *КСИА АН СССР*.— 1981 а.— № 168.— С. 35—41.

Крыжицкий С. Д. О критериях выделения в северо-причерноморском домостроительстве античной эпохи греко-варварского направления // *ДСПВГК*.— 1981 б.— С. 100—108.

Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.— IV в. н. э.).— Киев: Наук. думка, 1982 а.— 167 с.

Крыжицкий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // *Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья* (Цхалтубо, 1982).— Тбилиси: Мецниереба.— 1982б.— С. 47—49.

Крыжицкий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // *ПЭЭ*.— С. 47—49.

Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историко-архитектурное исследование архитектурно-строительных комплексов.— Киев: Наук. думка, 1982 а.— 192 с.

Крыжицкий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // *ПЭЭ*.— С. 94—103.

Крыжицкий С. Д. Ольвия: строительство и архитектура // *Археология Украинской ССР*.— Киев: Наук. думка, 1986.— Т. 2.— С. 304—310; 393—429.

Крыжицкий С. Д., Русяева А. С. Найдавніші житла Ольвії // *Археологія*.— 1978.— № 28.— С. 3—25.

Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б. и др. К истории Ольвийской сельской округи // *ИПААСП*.— 1980.— С. 3—18.

Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // *Ольвия и ее округа*.— Киев, 1986.— С. 3—17.

Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б. Структура архаичного поселения Нижнего Побужья // *Археологія*.— 1988.— № 63.— С. 1—8.

Куikliна И. В. Ранние известия о скифах и киммерийцах // *ВДИ*.— 1981.— № 2.— С. 162—173.

Куikliна И. В. Этнография Скифии по античным источникам.— Л.: Наука, 1985.— 207 с.

Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птоломею.— Киев: Типограф. Кульженко, 1899.— 31 с.

Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время.— Киев: Наук. думка, 1987.— 200 с.

Кутайсов В. А. Бурение — метод разведки многослойных античных памятников // *Проб-*

лемы исследования Ольвии: Тез. докл. и общ. семинара.— Парутино, 1985 а.— С. 43—44.

Кутайсов В. А. Дом с андроном из раскопок Керкиппитиды // *СА*.— 1985 б.— № 3.

Кутайсов В. А. К пумизматике Керкиппитиды V в. до н. э. // *ВДИ*.— 1986 а.— № 2.— С. 94—97.

Кутайсов В. А. Раскопки Керкиппитиды // *АО* 1984 г.— М., 1986 б.— С. 259.

Кутайсов В. А. Житловий комплекс IV—II ст. до н. е. на північно-східній околиці Керкіпідіди // *Археологія*.— 1986 в.— № 56.— С. 61—72.

Кутайсов В. А. Эллинистический дом Керкиппитиды // *СА*.— 1987 а.— № 1.— С. 169—182.

Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкиппитиды // *Материалы к этнической истории Крыма* (VII в. до н. э.— VII в. н. э.).— Киев, 1987 б.— С. 27—40.

Кутайсов В. А. Раскопки Керкиппитиды // *АО* 1985 г.— М., 1987 в.— С. 359—360.

Кутайсов В. А. О туземном компоненте в составе населения Керкиппитиды // *Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Скифо-сибирская культурно-историческая общность: Тез. докл.*— Омск, 1987.— С. 144—146.

Кутайсов В. А. Античный город Керкиппитиды VI—II вв. до н. э. (Градостроительство, фортификация, жилищная застройка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1987 д.— 16 с.

Кутайсов В. А. Культурно-историческая стратиграфия Керкиппитиды // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*.— Киев, 1988 а.— С. 5—16.

Кутайсов В. А. Основные этапы истории Керкиппитиды // *ПАК*.— 1988 б.— С. 250—252.

Кутайсов В. А. Керкиппитиды и Херсонес // *ПИАСХ*.— 1988 в.— С. 67—69.

Ланцов С. Б. К вопросу о границах некрополя Керкиппитиды // *Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР*.— М., 1986.— С. 88—89.

Ланцов С. Б. Исследование некрополя Керкиппитиды // *АО* 1985 г.— М., 1987.— С. 363.

Ланцов С. Б. Отдельные вопросы истории херсонесской хоры (По данным лапидарной эпиграфики) // *Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. VI Республ. конф. молодых археологов*.— Киев, 1987.— С. 93—94.

Ланцов С. Б. Материалы з некрополя Керкіпідіди // *Археологія*.— 1988.— № 63.— С. 75—84.

Лавин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1968.— 240 с.

Лаппо-Данилевский А. Скифские древности.— СПб.: Типогр. Ф. Елеонского, 1887.— 193 с.

Латышев В. В. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии.— СПб., 1887.— 314 с.

Латышев В. В. Очерки греческих древностей. Ч. 2. Богослужение и сценические древности.— СПб., 1889.— 326 с.

Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. // *МАР*.— 1892.— № 9.— 64 с.

- Латышев В. В. Эпиграфические повости Южной России // ИАК.— 1904.— № 10.— С. 1—91.
- Латышев В. В. Pontica.— СПб., 1909.— 430 с.
- Латышев В. В. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сб. Харьковск. ист.-филолог. об-ва в честь проф. В. П. Бузескула.— Харьков, 1913.— 8 с. (Отдельный оттиск).
- Латышева В. А. Исследования в Северо-Западном Крыму // АО 1983 г.— М., 1985.— С. 305—306.
- Лашков В. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии.— Симферополь: Типограф. Гордиевского, 1890.— 256 с.
- Левы Е. П. К вопросу о датировке херсонесской прислги // СА.— 1947.— № 9.— С. 89—100.
- Левы Е. П. Ольвия: Город эпохи эллинизма.— Л.: Наука, 1985.— 151 с.
- Логвинов А. В. Каркент, Калос-Лимен, г. Успе и р. Пандр // ЗООИД.— 1915.— Т. 28.— С. 191—199.
- Лоция Черного моря.— 2-е изд., испр. и дополнен. Павловским.— Николаев: Типограф. Управл. Николаевского порта, 1867.— 244 с.
- Лоция Черного и Азовского морей.— 4-е изд.— СПб.: Главн. гидрограф. управление морск. министерства, 1903.— 539 с.
- Ляпушкин И. П. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Допа // МИА.— 1958.— № 62.— С. 85—150.
- Максимова М. П. Античные города Юго-Восточного Причерноморья.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.— 472 с.
- Март Н. Я. Термин «скино» // Яфетический сб.— Пг., 1922 а.— С. 67—132.
- Март Н. Я. Яфетические названия красок и плодов в греческом // ИРАИМК.— 1922 б.— Т. 2.— С. 325—331.
- Марченко К. К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э. // ХКААМ.— 1976.— С. 157—165.
- Марченко К. К. Взаимодействие эллипских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // ПГКСВП.— 1979.— С. 130—138.
- Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ.— 1980.— № 1.— С. 131—143.
- Медведева Л. П. Монеты Керкиптиты // НЭ.— 1984.— Т. 14.— С. 40—49.
- Мелюкова А. И. Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии юго-запада УССР.— Киев, 1980.— С. 5—22.
- Мизлин Б. Ю. К изучению херсонесской керамической глины // ВДИ.— 1979.— № 2.— С. 139—159.
- Мизлин Б. Ю. Раскопки некрополя Керкиптиты в 1975 г. // СА.— 1981.— № 3.— С. 181—192.
- Мизлин Б. Ю., Бирюков А. С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкиптиты // Население и культура Крыма в первые века нашей эры.— Киев, 1982.— С. 28—46.
- Моисеев Л. А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУАК.— 1918.— № 54.— С. 241—259.
- Мишулин А. Греческие полиоркетки об искусстве осады городов // ВДИ.— 1940.— № 3/4.— С. 386—393.
- Молев Е. А. Митридат Евпатор: Создание черноморской державы.— Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976.— 76 с.
- Надеждин Н. Геродотов Скифия, объясненная через сплочение с местностью // ЗООИД.— 1844.— Т. 1.— С. 3—114.
- Наливкин М. А. Северо-Западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации // ПИДО.— 1934.— № 9/10.— С. 161—165.
- Наливкин М. А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА.— 1940.— № 6.— С. 107—120.
- Наливкин М. А. Основные итоги работ Евпаторийского отряда // КСИИМК.— 1952.— № 45.— С. 114—118.
- Наливкин М. А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК.— 1953.— № 51.— С. 128—133.
- Наливкин М. А. Раскопки в Евпатории (Предварительные итоги) // КСИИМК.— 1955.— № 58.— С. 63—72.
- Наливкин М. А. Раскопки Керкиптиты и Калос-Лимена (1948—1952) // История и археология древнего Крыма.— Киев, 1957.— С. 264—281.
- Наливкин М. А. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма // ПИСПАЭ.— 1959.— С. 183—194.
- Наливкин М. А. Херсонес и Керкиптиты в «Херсонесских этюдах» А. И. Тюменева // Проблемы социально-экономической истории древнего мира.— М.; Л., 1963 а.— С. 288—292.
- Наливкин М. А. Керкиптиты и Калос-Лимен (Некоторые итоги изучения) // Античный город.— М.; Л., 1963 б.— С. 55—60.
- Наливкин М. А. Статуэтки из Керкиптиты // Терракоты Северного Причерноморья.— М., 1970 (САИ, Г1—П).— С. 66—68.
- Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии.— Л., 1982.
- Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э.—первая половина II тыс. н. э.) // Древнейшие жилища народов Восточной Европы.— М., 1975.— С. 7—49.
- Николаенко Г. М. Межевание полей Херсонесской хоры // КСИА АН СССР.— 1965.— № 182.— С. 11—15.
- Орешников А. Б. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова.— М.: Типогр. О. О. Гербека, 1887.— Вып. 7.— 123 с.
- Орешников А. В. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету.— М., 1891.— 353 с.
- Орешников А. В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья.— М.: Типогр. О. О. Гербека, 1892.— 39 с.
- Орешников А. В. Об изображении скифа на монетах Керкиптиты // НС.— 1911.— Т. 1.— С. 629.
- Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС.— 1915.— Т. 3.— С. 1—68.
- Островерхов А. С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ.— 1979.— № 2.— С. 115—126.
- Озотников С. Б. Поселения VI—V вв.

до п. э. в Нижнем Подпестровье // Исследования по античной археологии юго-запада СССР.— Киев, 1980.— С. 84—85.

Петрунь В. Ф. О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о-ве Березань // СА.— 1964.— № 3.— С. 293—297.

Петрунь В. Ф. К петрографической характеристике камня (Роксоланское городище) // МАСП.— 1966.— № 5.— С. 131—141.

Петрунь В. Ф. К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 109.— С. 144—151.

Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния.— М.: Наука, 1984.— 295 с.

Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА.— 1959.— № 75.— С. 212—273.

Плетнева С. А. От кочевий к городам (Салтово-маяцкая культура) // МИА.— 1967.— № 142.— 199 с.

Повесть временных лет.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— Ч. 1.— 405 с.

Припусков А. П. О зольных подстилках под основаниями скифских построек // История и археология древнего Крыма.— Киев, 1957.— С. 327—329.

Ревкомы Крыма: Сб. документов и материалов.— Симферополь: Изд-во Крым, 1968.— 243 с.

Рыжов С. Г. Дом IV—III вв. до п. э. в Херсонесе // СА.— 1985.— № 4.— С. 155—162.

Рыжова Л. А. Готчарная печь VIII—XIX вв. вблизи Херсонеса (в районе Радиогорки) // Византия и ее провинции.— Свердловск, 1982.— С. 149—156.

Розанова Н. П. Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г. // ВДИ.— 1960.— № 3.— С. 130—132.

Романченко Н. Ф. К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории // АИЗ.— 1894.— № 1.— С. 9—15.

Романченко Н. Ф. Таврическая губерния: Материалы по археологии Евпаторийского уезда // ЗРАО.— 1896.— Т. 8, вып. 1/2.— С. 219—236.

Романченко Н. Ф. Раскопки в окрестностях Евпатории // ИАК.— 1907.— № 25.— С. 172—187.

Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII—XII вв. // Byzantino-bulgaria.— 1981.— № 7.— С. 319—331.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России.— СПб.— 1914.— 537 с.

Ростовцев М. И. О необходимости исследования античных остатков около выпешней Евпатории и желательном основании местного музея в Евпатории.— Евпатория, 1916.— 6 с.

Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России.— Пг.: Огни, 1918.— 190 с.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— Л., 1925.— 621 с.

Руммель В. Ю. Джарылгатский залп, Евпатория, Севастополь // Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения.— СПб., 1899.— Вып. 27.— 217 с.

Русяева А. С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е. // Археологія.— 1979 а.— № 30.— С. 3—18.

Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени.— К.: Наук. думка, 1979 б.— 172 с.

Русяева А. С., Скржинская М. В. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ.— 1980.— № 1.— С. 25—36.

Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия: Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ.— 1986.— № 2.— С. 25—64.

Русяева А. С., Сазонова Н. Г. Керамічний комплекс архаїчного часу із Ольвії // Археологія.— 1986.— № 55.— С. 48—63.

Рыбаков Б. А. Русские земли на картах Идриси 1154 г. // КСИИМК.— 1952.— № 43.— С. 3—44.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: Истор.-географ. анализ.— М.: Наука, 1979.— 248 с.

Сазонов А. В. К изучению теопимии Боспорского царства // Этническая ономастика.— М., 1984.— С. 157—163.

Сальников А. Г. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии // ЗРАО.— 1960.— Т. 1.— С. 85—95.

Самохвасов Д. Я. Основы хронологической классификации, описания и каталог коллекции древностей проф. Д. Я. Самохвасова.— Варшава: Типогр. М. Земкевича, 1892.— 101 с.

Самохвасов Д. Я. Могилы Русской земли.— М.: 1908.— 271 с.

Сапрыкин С. Ю. Предпосылки основания Херсонеса Таврического // Античный и средневековый город.— Свердловск, 1981.— С. 35—49.

Сапрыкин С. Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса // СА.— 1980.— № 3.— С. 43—57.

Сапрыкин С. Ю. Гераклея Поптійська и Херсонес Таврический Л.: Наука, 1986.— 248 с.

Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной историографии.— Харьков, 1947.— 192 с.

Сергеев Г. П. Олонештский античный клад // ВДИ.— 1966.— № 2.— С. 132—142.

Сидорова Н. А. Архантеская керамика Пантикапея // МИА.— 1962.— № 103.— С. 94—148.

Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего.— Киев: Наук. думка, 1977.— 116 с.

Смирнов А. Н. Ф. Романченко (пекролог) // Среди коллекционеров.— 1923.— № 5.— С. 57—58.

Соболевский А. И. Топоимические заметки // ИТОИАЭ.— 1929.— Т. 3.— С. 1—3.

Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА.— 1971.— № 173.— 291 с.

Соломоник Э. И. Сессия по итогам археологических исследований в Крыму // ВДИ.— 1951.— № 4.— С. 227—234.

Соломоник Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими государствами Северного Причерноморья // Археологія.— 1979 а.— № 30.— С. 3—18.

логия и история Боспора.— Симферополь, 1952.— С. 103—128.

Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // ИЭ.— 1962.— Т. 3.— С. 32—44.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев: Наук. думка, 1973.— 285 с.

Соломоник Э. И. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округа // ИЭ.— 1974.— Т. 11.— С. 33—47.

Соломоник Э. И. Таври и Таврика: Прохождение этнонима и топонима // Археология.— 1976.— № 20.— С. 46—500.

Соломоник Э. И. Сравнительный анализ свидетельств Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ.— 1977.— № 3.— С. 53—63.

Соломоник Э. И. Введение // Граффити античного Херсонеса.— Киев, 1978.— С. 5—14.

Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического.— М.: Наука, 1983.— 95 с.

Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса.— Киев: Наук. думка, 1984.— 144 с.

Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ.— 1987.— № 3.— С. 114—131.

Спаский Г. О местоположении древнего города Каркиниты и об его монетах // ЗООИД.— 1848.— Т. 2.— С. 20—35.

Спаский Г. О местоположении древнего города Каркиниты и об его монетах // Археолог.-нумизмат. сб.— М., 1850.— С. 165—182.

Спаский Н. Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минкабинета — Отдела нумизматики // ИЭ.— 1970.— Т. 8.— С. 123—234.

Столба В. Ф. Еще раз о керкипитидских монетах IV—III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье: Чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. конф.— Одесса, 1989.— С. 49—56.

Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ИИСПАЭ.— 1959.— С. 63—85.

Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земледелия в Крыму // ХС.— 1961.— Вып. 6.— 248 с.

Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП.— 1853.— Т. 79.— С. 1—69.

Тизенгаузен В. Г. Несколько замечаний по поводу соображений г. Бурачкова о Геродотовой Скифии // Древности: Тр. Московск. археол. об-ва.— 1880.— Т. 8.— С. 184—197.

Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в.— Киев: Наук. думка, 1984.— 220 с.

Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы.— М.: Наука, 1968.— 376 с.

Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии.— М.: Наука, 1981.— 287 с.

Толстой П., Кондаков П. Русские древности в памятниках искусств.— СПб., 1889.— Вып. 2.— 161 с.

Тунманн. Крымское ханство / Пер. П. А. Эрпста и С. А. Беляевской.— Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР, 1936.— 106 с.

Тюменев А. И. Херсонесские этюды. VI.

Керкипитида и Херсонес // ВДИ.— 1955.— № 3.— С. 37—47.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1907 г. // Гермес.— 1907.— Т. 1.— С. 45—49.

Фармаковский Б. В. Ольвия.— М.: Товарищество А. А. Левенсон, 1915.— 36 с.

Федоров Б. Н. Объемно-планировочная реконструкция двух жилых домов эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.) в Херсонесе // Проблемы развития зарубежного искусства.— 1977.— № 7.— С. 10—17.

Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ (Город и государство).— Л., 1986.— С. 8—89.

Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.— 232 с.

Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура // СА.— 1964.— № 1.— С. 44—55.

Хазанов А. М. Социальная история скифов.— М.: Наука, 1975.— 342 с.

Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России.— М., 1896.— 100 с.

Хвольсон Д. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах пензенского доселе арабского писателя начала X в.— СПб.: Типогр. императ. Академии наук, 1869.— 199 с.

Шелов Д. Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество.— М.: Наука, 1967.— С. 219—224.

Шелов Д. Б. Северное Причерноморье 200 лет назад.— М.: Наука, 1975.— 154 с.

Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э.— М.: Наука, 1975.— 168 с.

Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования.— М., 1984.— С. 5—187.

Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА.— 1952.— № 25.— С. 223—248.

Штифтар В. Ф. Археологическая находка в Евпатории // Гермес.— 1911.— № 9.— С. 461—464.

Штифтар В. Ф. Эпиграфическая находка // Гермес.— 1912.— № 10.— С. 125.

Штифтар В. Ф. Две надписи на черепицах и другие предметы древности, найденные в Евпатории // ИТУАК.— 1913.— № 50.— С. 202—204.

Штифтар В. Ф. Эпиграфическая находка // ИТУАК.— 1914.— № 51.— С. 221—222.

Штифтар В. Ф. Археологическая находка // Гермес.— 1917.— № 20.— С. 182.

Штифтар В. Ф. Евпатория — Керкипитида как часть херсонесского округа // Вторая конф. археолог. СССР в Херсонесе, 10—13 сентября 1927 г.— Севастополь, 1927.— С. 34—36.

Штифтар В. Ф. Неизданные штемпеля на ручках греческих амфор, найденные в г. Евпатории // ИТОИАЭ.— 1927.— № 1.— С. 165—166.

Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА.— 1937.— № 3.— С. 252—254.

Шульц П. Н. Евпаторийский район: 1933—

1934 // Археолог. исследования в РСФСР: 1934—1936 г.— М.; Л., 1941.— С. 265—277.

Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос-Лимена // СА.— 1967.— № 3.— С. 234—256.

Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // АИКСР.— 1968.— С. 332—342.

Щеглов А. Н. Полис и хора // Археологические памятники Крыма.— Симферополь, 1976.— 176 с.

Щеглов А. Н. Жилой дом эллинистического Калос-Лимена // ХКААМ.— 1976.— С. 232—238.

Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.— Л.: Наука, 1978.— 159 с.

Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // ДСППВГК.— 1981.— С. 204—218.

Щеглов А. Н. Хора Херсонеса // АГСП.— 1984.— С. 53—56.

Щеглов А. Н. 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА АН СССР.— 1985 а.— № 182.— С. 3—7.

Щеглов А. Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллипского мира // Причерноморье в античную эпоху: Матер. III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1982.— Тбилиси: Мецниперебе, 1985 б.— С. 185—198.

Щеглов А. Н. Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара.— Парутино, 1985 в.— С. 84—86.

Щеглов А. Н., Рогов Е. А. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Приднестровье и в Северо-Западном Крыму // Там же.— 1985.— С. 86—88.

Эрист Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930) // ИТОИАЭ.— 1931.— № 4.— С. 72—92.

Юргевич В. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридату Евпатора // ЗООИД.— 1881.— Т. 12.— С. 1—49.

Яйленко В. П. Вопросы интерпретации Березанского письма Ахиллодора // ВДИ.— 1975.— № 3.— С. 133—150.

Яйленко В. П. Древнегреческая колонизационная практика // ПГКСВП.— 1979.— С. 67—74.

Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития и идеологии.— Л., 1986.— С. 152—176.

Щеглов А. Н. Большой Камень и святилища II в. до н. э. в урочище Джангуль // ПАК.— 1988.— С. 273—275.

Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ.— 1980.— № 2.— С. 72—99.

Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. // По данным эпиграфических источников.— М.: Наука, 1982.— 312 с.

Яйленко В. П. Архангелская Греция // Античная Греция: Проблемы развития полиса.— М.: Наука, 1983 а.— Т. 1.— С. 128—193.

Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и пародов Геродотовой Скифии // СЭ.— 1983 б.— № 1.— С. 54—65.

Яйленко В. П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии // Античная балканистика: Карпато-Балканский регион и диахрония: Предварительные материалы к междупародному симпозиуму.— М., Наука, 1984.— С. 53—54.

Якобсон А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ.— 1961.— Т. 19.— С. 154—165.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л.: Наука, 1979.— 164 с.

Яковлев В. А.— П. О. Бурачков (некролог) // ЗООИД.— 1895.— Т. 18.— С. 16—17.

Якуничков Б. М. Незаданные и редкие древнегреческие монеты // ЗНОРАО.— 1909.— Т. 1, № 2.— С. 7—57.

Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967) // КСИА АН СССР.— 1970.— № 124.— С. 31—38.

Яценко И. В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена // Новое в археологии: Сб. статей, посвященных 70-летию А. В. Арциховского.— М., 1972.— С. 69—78.

Яценко И. В. Археологические раскопки и предместье Евпатории // ВИ.— 1974.— № 4.— С. 211—215.

Яценко И. В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории // Путешествие в древность.— М., 1983.— С. 182—204.

Яценко И. В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории: По материалам раскопок 1974—1975 гг. // Население и культура Крыма в первые века нашей эры.— Киев, 1983.— С. 46—65.

Яценко И. В. Исследования в окрестностях Евпатории // АО 1983 г.— М., 1985 а.— С. 378—379.

Яценко И. В. Раскопки греческого поселения на городище Чайка в виллоградниках у Евпаторийского маяка в 1983—1984 гг. // Достижения советской археологии в XI пятилетке: Всесоюз. археолог. конф.: Тез. докл.— Баку.— 17—21.V.1985.— Ч. 2.— С. 383—385.

Abicht K. Herodotus: Für den Schulgebrauch Erklärt.— Leipzig: Druck und verlag von B. G. Toubner, 1874.— Bd. 1.— 314 S.

Alexandrescu A. Necropola tumulara: Sapaturi 1955—1961 // Histria.— București, 1966.— N 2.— P. 133—294.

d'Alezieff G. Notice sur une médaille antique inédite ainsi que sur deux autres très rares de Pharzoios et de Kerkinitis.— Dresde: Blochmann, 1870.— 15 p.

d'Anville N. Examen critique d'Herodote sur ce qu'il rapporte de la Scythie // Mémoires de littérature, terés des l'Académie Royale des inscriptions et belles-lettres.— 1770.— N 35.— P. 573—591.

Bayer T. S. De Scythiae situ/qualis fuit sub aetatem Herodoti // Commentarii Academiæ Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1726.— Petropoli, 1728.— P. 400—424.

Becker P. Verzeichniss alt-griechischer und römischer Münzen aus dem Nachlasse.— Berlin, 1881.— 38 S.

Belin de Ballu E. L'histoire des colonies grecques du littoral Nord de la Mer Noire.— Paris, 1960.

Bernhard M.-L. Kalos Limen: Fouilles Polonaises en Crimée, URSS, 1959 // *Bulletin du Musée National de Varsovie*.— 1961.— N 2.— P. 3—10.

Bonnel E. Beiträge zur Alterthumskunde Russland von den ältesten Zeiten bis um das Jahr Chr., hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen schriftsteller zusammengestellt von E. Bonnel.— SPb., 1882.— Bd. 1.— 505 S.

Brandstätter F. A. Scythica. Diss. Regiomonti. Presorum.— 1837.— 118 p.

Bruun Ph. Essai de concordance entre les opinions contradictoires relatives à la Scythie d'Herodote et aus contrées limitrophes.— SPb.: Bourg. impr. de l'Académie des sciences.— 1873.— 128 p.

Clinkenbeard B. G. Lesbian Wine and Storage Amphoras: A Progress Report on Identification // *Hesperia*.— 1982.— Vol. 51.— N 3.— P. 248—268.

Creuzere F. Herodoti Halicarnassensis Musae.— Lipsiae, 1857.— Vol. 2.— 726 p.

Crygitsky S. D., Roussijajeva A. S. Les plus anciennes habitations d'Olbia // *DHA*.— 1980.— N 6.— P. 73—100.

Danoj Chr. Pontos Euxinos // *RE. Suppl.*— 1962.— N 9.— S. 866—1175.

Dessimoni C., Belgrano L. T. Atlante idrografico del medio evo, passeduto dal cau prof. T. Luxoro // *Atti della Società Ligure di storia patria*.— 1867.— Vol. 5.— P. 1.

Dessimoni C. Nuovi studi sull' Atlante Luxoro // *Ibid.*— P. 2.

Dilke O. A. Greek and Roman Maps.— London: Thames and Hudson, 1985.— 224 p.

Dimitriu Z. Despre "temerille olbiene" de la Histria // *SCIV*.— 1966a.— Vol. 17.— N 3.— P. 473—487.

Dimitriu S. Cartierul de locuințe din zonă de vest a cetății, în epoca arhaică: Săpături 1955—1960 // *Histria*. II.— București, 1966 b.— P. 19—131.

Dinsmoor W. B. The architecture of ancient Greece: An account of its historic development.— London; New York; Toronto; Sidney; Batsford, 1950.— 424 p.

Dubois de Montpéroux. Voyage au Caucase chez les Tcherkesses les Abkhases eu Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée; Atlas: Série de Géographie Ancienne, Moderne: Ou 1-e Série.— Paris, 1843.— XXI Pl.

Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kulturellen und politischen Einrichtungen.— Frankfurt am Main; New York, 1988.— 588 S.

Eichwald E. Alte Geographie des Caspischen Meers, des Kaukasus und des südlichen Russland.— Berlin: Morin, 1838.— 593 S.

Friedlaender G. Kerkine citta del Chersoneso Taurico introdotta nella serie numismatica // *Annali dell' Istituto di corrispondenza archeologica*.— 1845.— N 16.— P. 232—234.

Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich.— Berlin: Akademie-Verlag, 1971.— 604 S.

Grace V. R. Standard Pottery Containers of

the Ancient Greek Word // *Hesperia. Suppl.*— 1949.— Vol. 8.— P. 175—189.

Grace V. R. Timbres amphoriques a Delos // *BCH*.— 1952.— N 76.— P. 514—540.

Grace V. R. Notes on the Amphoras from Koroni Peninsula // *Hesperia*.— 1963.— 32.— N 3.— P. 319—334.

Grace V. R. The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck // *Transactions of the American Philosophical Society: New Series*.— 1965.— 55.— N 3.— P. 3—18.

Grace V. R. Samian Amphoras // *Hesperia*.— 1971.— 40.— N 1.— P. 52—95.

Grace V. R., Savvatiannou-Pétropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // *Exploration archéologique de Délos*.— 1970.— Fasc. 27.— P. 277—381.

Graham J. W. Olynthiaka // *Hesperia*.— 1954.— 23.— N 4.— P. 320—346.

Graham J. W. Origins and Interrelations of the Greek House // *PHOENIX*.— 1966.— 20.— N 1.— P. 3—31.

Graham J. W. Houses of Classical Athens // *Phoenix*.— 1974.— 28.— N 1.— P. 45—54.

Guthrie M. A tour, performed in the years 1795—1796, through the Taurida or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once powerful republic of Tauric Cherson and all the other countries on the North Shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy.— London: Cadel and Davis, 1802.— 447 p.

Hansen U. Beiträge zur Geschichte der Völkerwanderung. Abt. I. Ost-Europa nach Herodot mit Ergänzungen aus Hippokates.— Dorat: Model, 1844.— 180 S.

Head B. V. Historia numorum. A manual of Greek Numismatics: New and enlarged edition.— Oxford: At the Clarendon press, 1911.— 967 p.

Histria. Monografie arheologica.— București: Editura Academiei Republicii Populare Romania, 1954.— Vol. 1.— 581 p.

Hoepfner W., Schwandner E. L. Haus und Stadt im Klassischen Griechenland // *Wohnen in der Klassischen Polis*.— München, 1986.— Bd. 1.— 293 S.

How W. W., Wells J. A. A commentary on Herodotus with introduction and appendixes.— Oxford: At the Clarendon press, 1912.— 350 p.

Jones J. E. A country house in Attica // *Archaeology*.— 1963.— 16.— N 4.— P. 276—283.

Jones J. E. Two Attic country houses // *Archaiologica Analecta ecs Athanai*.— 1974.— 7.— N 3.— P. 303—313.

Kieseritzky G., Watzinger K. Griechische Grabreliefs aus Südrussland.— Berlin: Reimer, 1909.— 148 S.

Kiessling M. Hypakryis // *RE*.— 1914.— N 9.— S. 196—206.

Lauter-Bufe H., Lauter H. Wohnhäuser und Stadtviertel des Klassischen Athen // *AM*.— 1971.— Bd. 86.— S. 109—146.

Lawrence A. W. Greek architecture // *The Pelican history of art*. 2 ed.— London, 1967.— 326 p.

Linder F. L. Skythien und die Skythen des Herodot und seine Auslegen, nebst Beschreibungen des heutigen zustandes jener Lander.—

Stuttgart: Schweizerbart'sche Verlagen, 1841.— 240 S.

Malden H. In the lower Course of the Dnieper // The Journal of the Royal Geographical Society.— 1845.— 15.— N 2.— P. 253—255.

Meiggs R. The Athenian Empire.— Oxford: At the Clarendon Press, 1972.— 621 p.

Meiggs R., Lewis D. A selection of Greek historical inscriptions.— Oxford: At the Clarendon Press, 1969.— 308 p.

Meritt B. D., West A. B. The Athenian assessment of 425 B. C.— Ann Arbor: University of Michigan Press, 1934.— 112 p.

Miller S. G. The Prytaneon: Its function and architectural form.— Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1978.— 258 p.

Minns E. H. Scythians and Greeks.— Cambridge: Univ. Press, 1913.— 720 p.

Mylonas G. E. The Oecus unit of the Olynthian house // Excavations at Olynthus.— 1946.— P. 12.— P. 369—396.

Neumann K. Die Hellen im Skythenlande: Ein Beiträge zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgechichte.— Berlin: Reimer, 1855.— Bd. 1.— 578 S.

Peyssonnel Cl. Ch. Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui out habité les bords du Danube et du Pont-Euxin: Avec cartes et figures tailléesouces.— Paris: N. M. Tilliard, 1765.— 364 p.

Pippidi D. M. Note de lectura // Studii Clasic.— 1965.— N 7.— P. 319—333.

Rennel J. The geographical system of Herodotus, examined and explained, by a comparison with those of other ancient authors, and with modern geography. 2 ed.— London: C. J. Get, F. Rivington, 1830.— 767 p.

Roberts S. R. The Stoa Gutter Well, a late archaic deposit in the Athenian Agora // Hesperia.— 1986.— 55.— N 1.— P. 1—74.

Robinson D. M., Graham J. W. The Hellenic house // Excavations at Olynthus.— 1938.— P. 8.— 370 p.

Robinson D. M. Domestic and public architecture // Excavations at Olynthus.— 1946.— P. 12.— 519 p.

Rostowzew M. Iranism and Iionism in South Russia.— СПб.: Типография Главного управления делов, 1913.— 8 с.

Rostovtzeff M. Iranians and Greek in South Russia.— Oxford: At the Clarendon Press, 1922.— 260 p.

Rostowzew M. Skythien und Bosporus.— Berlin: Hans Schoetz, 1931.— 651 S.

Roebuck C. Ionian trade and colonization.— New York: The Archaeolog. Inst. of America and the College Art Association of America, 1939.— 148 p.

Sallet von A. Beschreibung der Antiken Münzen.— Berlin, 1888.— Bd 1.— 357 p.

Sallet von A. Erwerbungen des Königlichen Münzcabinets in den Jahren 1890—1897 (antike münzen) // ZfN.— 1898.— N 21.— S. 197—249.

Sampson A. A. Hai apoikia ton archaion Hellenon (B Hellenikos apoikismos).— Athenal: Ekdoseis G. D. Stayropoyloy. 1971.— 215 p.

Ščeglov A. N. Un établissement rural en

Crimée: Panskoje (fouilles de 1969—1985) // DHA.— 1987.— N 13.— P. 239—273.

Ščeglov A. N. Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonesos Taurique (IVe—IIe s. av. N. E.) // DHA.— 1980.— N 6.— P. 59—72.

Shear T. L. The Athenian Agora: Excavations of 1971 // Hesperia.— 1973.— 42.— N 2.— P. 121—179.

Sparkes B. A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. // The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens.— 1970.— Vol. 12.— 382 p.

Spasski G. De la situation de l'antique ville de Carcinis et de ses monnaies // Mémoires de la Société impériale d'archéologie.— SPB.; Paris; Berlin, 1950.— P. 317—337.

Stein H. Herodotos.— Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1877.— 172 S.

The Princeton Encyclopedia of Classical Sites / Ed. R. Stillwell.— Princeton: New Jersey, Princeton univ. press, 1979.— 1049 p.

Thompson H. A. Excavations in the Athenian Agora. 1953 // Hesperia.— 1954.— 23.— N 1.— P. 31—67.

Thompson H. A., Wycherley R. E. The Agora of Athens // The Athenian Agora.— 1972.— Vol. 14.— 257 p.

Tomaschek. Borysthenes // RE.— 1897.— 3.— N 5.— S. 736—739.

Tomaschek. Dandake // RE.— 1901.— 4.— S. 2099.

Travlos J. Pictorial dictionaries of ancient Athens.— London: Thames and Hadson.— 1971.— 590 p.

Vacquer P. Numismatique des Skythes et des Sarmates: Kerkinitis et Tannais.— Paris: Librairie de Fermin-Dodot et C., 1881.— 154 p.

Vinogradov J. G. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes // Actes du VII-e Congrès International d'Epigraphie Grecque et Latine: Constantza, 9—15 septembre 1977.— București; Paris, 1979.— P. 293—316.

Vinogradov J. G. Die historische Enturicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im Jahr V Chr. // Chiron.— 1980.— N 10.— S. 63—100.

Vinogradov J. G. Olbia: Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer // Xenia.— Stuttgart, 1981.— 48 S.

Vinogradov J. G. Der Pontos Euxeinos als, politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IXe Congrès International d'epigraphie grecque et latine.— Sofia, 1987.— Vol. 1.— S. 9—77.

Wąsowicz A. Les „fondations en terre“ d'Olbia et d'Histria // Archeologia.— 1969.— N 20.— P. 39—61.

Wąsowicz A. Zagospodarowanie przestrzenne panstw greckich: Olbia Pontyjska, Chersones Tauryzki, Królestwo Bosporánskie // Archeologia.— 1974.— N 25.— P. 10—19.

Wiegand T., Schrader H. Priene, Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895—1898.— Berlin: G. Reimer, 1904.— 492 S.

Winter F. E. Greek fortifications.— London: University of Toronto Press.— 1971.— 370 p.

Wroth W. Catalogue of Greek coins: Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and Kingdom of Bosphorus.— London: Printed by Order of Trustees, 1889.— 252 p., XXXIX pl.

Wycheley R. E. The Stones of Athens.— Princeton (New Jersey): Princeton university press, 1978.— 293 p.

Young R. S. An industrial district of ancient Athens // *Hesperia*.— 1951.— 20, N 3.— P. 135—288.

Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnisse der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung.— Praha: Československá Akad. ved., 1955.— 466 S.

Архивные материалы

Бертье-Делагард А. Л. Описание древних монет Одесского общества истории и древностей // Фонды ККМ, д. 8683.— 286 л.

Бирюков А. С. Отчет об охранных раскопках некрополя Керкиптиты в 1977 г. // ИА ИА АН УССР, ф. э., д. 137 — 16 л.

Кленова Н. В. Заключение о геологическом бурении в 1980 г. на территории Керкиптиты: Отчет о раскопках Керкиптиты в 1980 г. // Там же., д. 126.— Л. 152—162.

Мизлин Б. Ю. Отчет об охранных раскоп-

ках некрополя Керкиптиты в 1975 г. // Там же, д. 100.— 18 л.

Моисеев Л. А. Полевые дневники раскопок в Евпатории // Архив ГХИАЗ.— 1916/1917, д. 1526.— 258 л.

Моисеев Л. А. Опись находок из раскопок в Евпатории // Там же.— 1916/1918, д. 1551.— 26 л.

Моисеев Л. А. Список негативов раскопок в Евпатории // Там же.— 1916/1918, д. 1552.— 3 л.

Моисеев Л. А. Отчет о раскопках в Евпатории в 1929 г. // Архив ЛОИА.— 1930, ф. 2, д. 130, оп. 1.— 7 л.

Моисеев Л. А. Экономические основы Херсонеса Таврического // Архив ГХИАЗ.— 1929/1930, д. 1807.— 41 л.

Наливкина М. А. Отчет о работе Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1950 г. // Архив ИА АН СССР, д. 522.— 37 л.

Наливкина М. А. Отчет о раскопках в Евпатории в 1951 г. // Архив ЕКМ, д. 12.— 17 л.

Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории в 1952 г.: Краткие предварительные итоги // Там же, д. 13.— 16 л.

Наливкина М. А. Отчет о раскопках в Евпатории в 1952 г. // Архив ИА АН СССР, д. 959.— 40 л.

Филонычев П. И. Иллюстрации к отчету о разведывательных раскопках в Евпатории в 1941 г. // Архив ЕКМ, д. 213.— 6 ил.

Шульц П. Н. Евпаторийская экспедиция: 1933—1934 гг. // Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, д. 202.— 56 л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные государства Северного Причерноморья
АДСВ	— Античная древность и средние века.— Свердловск
АИЗ	— Археологические известия и заметки
АИКСП	— Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.— Л.: Наука, 1968.— 352 с.
АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВМУ	— Вестник Московского университета
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГХИАЗ	— Государственный Херсонесский историко-археологический заповедник
ДСППВГК	— Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации.— Тбилиси: Медианереба, 1981.— 440 с.
ЕКМ	— Евпаторийский краеведческий музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗНОРАО	— Записки нумизматического отделения Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАДК	— История и археология древнего Крыма.— Киев: Изд-во АН УССР, 1957.— 336 с.
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР
ИА АН УССР	— Институт археологии АН УССР
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИКОГО	— Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР.— Симферополь
ИПААСП	— Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1980
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
КВН	— Корпус Боспорских надписей.— М.; Л.: Наука, 1965.— 952 с.
ККМ	— Крымский краеведческий музей.— Симферополь
КОГА	— Крымский областной государственный архив
КСИА ИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА ИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОАМ	— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАПП	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии
НА ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии АН УССР
НС	— Нумизматический сборник
НнС	— Нумизматика и сфрагистика
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика

- ПАК — Проблемы античной культуры: Тез. докл. Крымск. науч. конф., 19—24 сентября.— Симферополь, 1988.— Ч. 3.
- ПГКСВП — Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 1977.— Тбилиси: Мецниереба, 1979.— 416 с.
- ПИАСХ — Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888—1988 гг.: Тез. докл.— Севастополь, 1988.— 141 с.
- ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 304 с.
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
- ПЭЭ — Причерноморье в эпоху эллинизма: Матер. III Всесоюзн. симпози. по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982.— Тбилиси, 1985.— 740 с.
- ОАК — Отчет императорской Археологической комиссии
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СХМ — Сообщения Херсонесского музея.— Симферополь
- СЭ — Советская этнография
- ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
- ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира.— М.: Наука, 1976.— 240 с.
- ХС — Херсонесский сборник.— Симферополь
- АА — Archäologischer Anzeiger.— Berlin
- АМ — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
- АТЛ — Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc. Gregor M. F. The Athenian Tribute lists. Vol. 1 Published for the American School of Classical Studies at Athens.— Cambridge: Massachusetts Harvard University Press, 1939.— 605 p.
- ВСН — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
- ДНА — Dialogues d'histoire ancienne
- ЗФН — Zeitschrift für Numismatik
- IOSPE — Latyshev B. Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, Graeciae et Latinae.— Petropoli, 1916. I².— 594 p.
- RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3	<i>Глава V</i>	
<i>Глава I</i>		ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА	123
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КЕРКИНИТИДЫ	6	И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО	
<i>Глава II</i>		<i>Глава VI</i>	
СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ	24	ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО	141
<i>Глава III</i>		РАЗВИТИЯ КЕРКИНИТИДЫ	
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	40	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
<i>Глава IV</i>		СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	162
ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ V—II вв. до н. э.	63	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	174

Научное издание

КУТАЙСОВ
ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

АНТИЧНЫЙ ГОРОД КЕРКИНИТИДА

Художественный редактор
С. П. КВИТКА

Технический редактор
И. Н. ЛУКАШЕНКО

Корректоры
П. С. БОРОДЯНСКАЯ, В. Н. БОЖОК

ИБ № 10796

Сдано в набор 15.09.89. Подп. в печ. 26.12.89.
Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс.
печ. Физ. печ. л. 11,0. Усл. печ. л. 14,3. Усл. кр.-
отт. 14,79. Уч.-изд. л. 16,84. Тираж 1410 экз.
Заказ 9—3150. Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев-4,
ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия
республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига», 252057, Киев, ул. Долженко, 3
в Киевской книжной типографии научной книги.
252004, Киев 4, ул. Репина, 4. Зак. 0-106.